

Кузнецов И.Н.

**Засекреченные
трагедии
советской
истории**

Минск

2006

Засекреченные трагедии советской истории, Мн., 2006. 250 с.

Документальные статьи и очерки, объединяет стремление приподнять завесу таинственности над спорными проблемами истории советских репрессий, трагических событий предвоенных лет и периода Великой Отечественной войны.

Книга повествует о жизни, малоизвестных фактах биографий, испытаниях, славе и ненависти, предательстве и благородстве, которые переплелись в судьбах жертв и палачей, трагически изломанных репрессивными режимами.

Строгий отбор установленных фактов, основанный на неизвестных архивных документах, объективный их анализ и оценка позволяет создать реальную картину трагедий XX века.

Книга адресуется всем, кто интересуется проблемами новой и новейшей истории, ее нераскрытыми тайнами.

© **И.Н.Кузнецов, 2006**

Содержание:

К ЧИТАТЕЛЮ

ЧАСТЬ I. ЭТО БЫЛО ТАК

МЯТЕЖНЫЙ КРОНШТАДТ
ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
ОСТРОВ СМЕРТИ
НКВД — ГЕСТАПО: БРАК ПО РАСЧЕТУ
Палачи обмениваются жертвами
СЛЕДСТВИЕ ЗАКОНЧЕНО. ЗАБУДЬТЕ?
Как это было
Новая версия старого дела
Следствие закончено. Забудем?
ТРОСТЕНЕЦКАЯ ТРАГЕДИЯ
Что же произошло в районе Тростенца более 60 лет тому назад?
К ЛИКВИДАЦИИ ПРИСТУПИТЬ
ЗАГОВОР ВОЕННЫХ
Развязка
Маршал
Суд
ДОНОСЫ

ЧАСТЬ II. АРХИВЫ ОТКРЫВАЮТ ТАЙНЫ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ПАКТА
ОПЕРАЦИЯ «ВАЙС»
НЕНАПАДЕНИЕ
ШАТАЮЩИЙСЯ МИР
ДРУЖБА ПО РАСЧЕТУ
КАК ЭТО БЫЛО?
ТРАГИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ
ФИНАЛ
НЕЗНАМЕНИТАЯ ВОЙНА
Тимошенко против Маннергейма
«И первый маршал в бой нас поведет...»
«ГРОЗА» НАКАНУНЕ ВОЙНЫ
КТО ВИНОВАТ?
ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА
ТРАГЕДИЯ 1941 г.
ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 4-й АРМИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА
Брестская крепость
Из истории
Миф о «линии Сталина»
ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ПРАВДА И МИФЫ
Миф 1. Как это было?
Миф 2. Сколько их было?
Миф 3. Искаженная статистика
Миф 4. Немецкая статистика
ЦЕНА ПОБЕДЫ

«Даешь Берлин!»
Печальная статистика

ЧАСТЬ III. ЗАЛОЖНИКИ ВРЕМЕНИ

БРЕСТ: ГОД 1917-й
САМОУБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА СКАЛОНА
Посмертное письмо ген. Скалона
РЫЦАРЬ СЧАСТЬЯ
«КРАСНАЯ КРОВЬ»
Фальшивый паспорт
«Нехорошая квартира» и «Крымская обитель»
Ее «символ веры»
Эхо
ЧЕСТЬ ИМЕЮ
Пленник Быховской тюрьмы
«Я не убил ни одного большевика»
«Выслать Деникина из США!»
«Жаль, что не доживу до спасения России»
ОН БЫЛ И БУДЕТ
Великороссия промокла
Колпашево — город мучений
Трагические дни
Светлые минуты
В последний скорбный путь
ВОЖДЬ В ЗАКОНЕ
ПАДЕНИЕ
Рядом с «железным» Феликсом
Начало большой игры
Тучи над головой
Опала продолжается
Не нашлось места даже на канале
“ЖЕЛЕЗНЫЙ” НАРКОМ
Путь наверх
«Железный» нарком
Лагерная эпопея
Время триумфа
Крах
ЧЕЛОВЕК В ПЕНСНЕ (Берия)
ЛАВРЕНТИЙ — 2
Пленум
Эпилог
С КОНФИСКАЦИЕЙ СУДЬБЫ
СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО ЛИЦЕДЕЯ
Начало
Как это было

ЛИТЕРАТУРА

ПРИЛОЖЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ

Историческая наука оперирует событиями и фактами, получившими отражение в документах или в свидетельствах очевидцев. Однако, тайны истории никогда не раскрываются полностью, и знакомство с ее неизвестными страницами приводит к утверждению новых взглядов на те или иные события прошлого.

В нашей стране история переписывалась не один раз и многие десятилетия исторические факты дозировались, подгонялись под те или иные идеологические догмы, а то и просто скрывались.

Особенно тщательно охранялась информация о преступлениях советской тоталитарной системы, поскольку такое знание могло угрожать самому ее существованию. Сказать правду, значит признать: советское государство уничтожило миллионы своих невиновных граждан.

Насилие в обществе было во все времена. Но в Советской России, а затем в СССР, насилие приобрело новое качество. Оно стало основным средством для решения социальных проблем. Вначале репрессии применялись большевиками только к вооруженным враждебным силам. Затем — к соратникам в ходе борьбы за политическую власть. А очень скоро воронье крыло террора накрыло всю страну, и за установление нового общественного порядка было заплачено миллионами человеческих жизней.

За короткий срок Россия пережила величайшие потрясения: гражданскую войну, коллективизацию, голод, Великую Отечественную войну и архипелаг ГУЛАГ, где многие десятилетия команду «расстрелять» произносили не задумываясь, безо всякой жалости и сострадания, не впадая в отчаяние от того, что на планете людей прерывалась еще одна уникальная жизнь.

В том, что произошло, виноваты не какие-то оккупанты, творившие беззакония на чужой для них территории, а мы сами. В разной степени эта вина ложится не только на руководство и активных исполнителей, но и на весь народ, принявший новый режим и помогавший его укреплению. Это — общая трагедия нашего недавнего прошлого.

Многое в истории этого периода до сих пор нуждается в уточнениях и корректировке. Важно не только открывать новые факты, но и не предавать забвению то, что уже известно. Только так можно будет извлечь уроки из прошлого.

В этом смысле книга, предлагаемая вниманию читателей, имеет особую ценность.

Игорь Кузнецов, кандидат исторических наук, доцент

ЧАСТЬ I. ЭТО БЫЛО ТАК...

*Одна смерть — трагедия,
миллион смертей — статистика
У. Черчилль*

МЯТЕЖНЫЙ КРОНШТАДТ

До сих пор считается, что Кронштадт — лишь небольшой эпизод драматической истории Советской России. Советская власть события марта 1921 г. преподносила как «контрреволюционный заговор», как «антисоветский мятеж». В действительности — это высшая точка кризиса, постигшего страну в начале 1921 г., а кронштадтцы выступили против преступной политики компартии.

Ни одна страна мира на протяжении новой истории не подвергалась такому опустошению, как Россия в конце гражданской войны и интервенции. «История не знала еще такой грандиозной катастрофы», — сказал английский писатель Герберт Уэллс, одним из первых посетивший Россию после этих событий. За 7 лет войны население страны сократилось до неполных 137 миллионов человек. Среди них насчитывалось 4,5 миллиона инвалидов войны. Было уничтожено свыше четверти национального богатства. Города обезлюдели. Выпуск промышленной продукции составлял седьмую часть от довоенного уровня. Без движения стояли затопленные или разрушенные шахты Донбасса, нефтяные промыслы Кавказа. Большая часть промышленности была парализована.

Гражданская война, в основном, закончилась, но сказать, что она полностью завершилась, было еще нельзя. С окончанием главных военных операций обозначился провал планов милитаризации, намеченных в марте 1920 г. Этот год был отмечен глубоким кризисом: экономическим, социальным, политическим. Ленин охарактеризовал его как «самый большой внутренний политический кризис Советской России».

Экономический крах обозначился на рубеже 1920–1921 гг. Оказалось, что имевшиеся скудные средства распределены неверно. В первые недели нового года обнаружилась нехватка топлива. Пришлось закрыть многие предприятия. То же самое произошло и с транспортом, ухудшилась доставка хлеба.

Надежды на улучшение снабжения продовольствием возлагались на только что возвращенные хлебные районы: Сибирь, Северный Кавказ, Украину. Но железные дороги бездействовали, сообщение было ненадежным. Основная тяжесть легла на районы Центральной России. Между тем, эти губернии собрали в 1920 г. весьма скудный урожай, что и предопределило катастрофу, которая грянула годом позже. Планировалось собрать по разверстке 420 миллионов пудов зерна, а удалось собрать 284 миллиона, и то с большим трудом. Подвоз зерна резко сократился в январе 1921 г. В Москве и

Петрограде были урезаны и без того мизерные нормы выдачи продуктов. В течение нескольких дней хлеба вообще не выдавали.

Положение в деревне становилось невыносимым: недоставало элементарных орудий труда, даже гвоздей, земля оставалась невозделанной. Урожай снизился еще больше. К окончанию гражданской войны в стране производилось лишь 2 % довоенного количества чугуна, 3 % сахара, 5–6 % хлопчатобумажных тканей и т. д. Голод, холод, разруха и запустение охватили огромную страну. Жизнь для подавляющего большинства населения превратилась в непрерывную борьбу за выживание. Дело дошло до забастовок и массовых волнений в деревне. Продолжение политики «военного коммунизма» вело к разрыву союза между городом и деревней, а это фактически ставило под сомнение само существование пролетарской диктатуры.

Теперь, после окончания войны, недовольство реквизициями и малопродуктивным принудительным трудом выливалось открыто. На одном из съездов Советов крестьянский делегат говорил: *«Крестьяне всегда будут работать. Сыновей своих не жалеем, и сами идем, и в Германии были, и на Урале были, и Колчака били, и Деникина били, и еще будем бить. Они бежали. Мы еще их будем гнать, если они придут, но все-таки хочется, чтобы нас не мучили... Труд должен быть свободным...»*.

Зимой кризис власти в деревне вновь приобрел тяжелые формы. Партизанская война и просто бандитизм охватили почти все губернии. В отряды приходили демобилизованные из Красной Армии и дезертиры, которые отправлялись домой пешком, так как транспорт не работал. В некоторых районах страны подобные явления носили массовый характер. На Украине еще действовали отряды Махно, перемежаясь с другими бандами. Обширные зоны партизанской войны образовались на Северном Кавказе и вдоль Волги, особенно в Саратовской губернии. Мятежи начались и в Западной Сибири.

Самый серьезный мятеж разразился в Тамбовской губернии. В конце мая 1920 г. войска Тамбовской губернии, значительно усиленные, завершили подготовку к нанесению решающих ударов. Общая их численность (со вспомогательными частями и обслуживающим персоналом) превышала 120 тысяч человек. А непосредственно против антоновцев должны были действовать 53 тысячи бойцов армии Тухачевского, которых своей огневой мощью поддерживало 9 артиллеристских бригад, 4 бронепоезда, 5 бронепоезда и 2 авиаотряда.

28 мая вся эта огромная военная машина была запущена в действие. В ходе ожесточенных и кровопролитных боев, продолжавшихся до 20 июля, все антоновские полки и сколько-нибудь значительные отдельные повстанческие отряды были уничтожены.

Опасность, впрочем, нависла и там, где дело не доходило до боев. В Нижнем Новгороде в самый последний момент удалось предотвратить восстание многочисленного гарнизона (50 тысяч человек), вызванное отчаянными условиями, в которых он находился. Аналогичные случаи отмечались в Смоленской губернии, где к тому же был широко распространен бандитизм.

К концу 1920 г. нарастало недовольство на селе. В документах подробно описываются невыносимые условия тогдашней деревенской жизни. Усилился поток писем и петиций, поступавших тогда в Москву; нередко их подписывали целые деревни и доставляли специально выделенные ходоки. Значительная часть посланий поступала из тех самых центральных губерний, которые стойко продержались всю войну. В одном из донесений говорилось: *«Если до весны никаких решительных шагов... не предпримем, то можем оказаться перед попыткой крестьянского реванша».*

К началу 1921 г. голодал не только город, но и деревня. Зимой, несмотря на заверения Троцкого, стал транспорт. Ужас перед надвигающейся голодной и холодной смертью вызвал массовые забастовки в промышленных городах России, прежде всего в Петрограде. Теперь большевикам предъявили их собственные программные требования, которые они в данный момент не могли удовлетворить. В первых числах февраля конференция рабочих-металлистов Москвы и Московской губернии потребовала положить конец реквизициям в деревне. Вся совокупность кризиса, в конечном счете, слилась в одном слове: Кронштадт. Но это было лишь кульминацией длительной драмы.

Общая численность корабельных команд военных моряков береговых частей, а также сухопутных войск, дислоцированных в Кронштадте и на фортах, составляла 13 февраля 1921 г. 26887 человек.

Даже в условиях хозяйственной разрухи Красный флот снабжался значительно лучше, чем армейские части, не говоря уже об основной массе населения. 8 июня 1920 г. матросы, например, получали: хлеба — 1,5 фунта в день (1 фунт — 0,409 кг), крупы — 0,2 фунта, мяса — 0,3 фунта, масла — 0,7 фунта и т. д. Кроме того, регулярно выдавались папиросы, спички, соль, мыло — то, что везде было дефицитом. По этому перечню можно судить, что матросы и красноармейцы были тогда относительно обеспечены необходимым, но их волновали вести из дома, в основном из деревни — нет продовольствия, нет мануфактуры, нет самого насущного.

Восстание в знаменитой морской крепости началось 1 марта 1921 г. в связи с забастовками в Петрограде. Восставшие овладели военными кораблями, в том числе двумя крейсерами. Они выдвинули лозунг «Власть Советам, а не партиям!», призывали к «третьей революции», провозглашали: «Долой правую и левую контрреволюцию!». Главной мишенью были большевики, которым предлагалось отказаться от власти.

Сама партийная организация Кронштадта была расколота на три группы: одна был заодно с мятежниками, другая занимала нейтральную позицию, третья — против них. Первая попытка захватить остров с материка, предпринятая 8 марта, провалилась. В конечном счете, восстание было подавлено в результате наступления, начавшегося в ночь с 16 на 17 марта под командованием Тухачевского.

И осажденные, и идущие на штурм, сражались с отчаянной отвагой. Наступающим пришлось продвигаться по открытому льду залива, в лоб атаковать крепость с ее фортами и батареями. 8 тысяч восставших сумели укрыться в Финляндии. Эта смертельная схватка между людьми, которые

только что сражались плечом к плечу во имя одной и той же идеи, была самым тревожным симптомом возможного краха власти, родившейся в октябре 1917 г.

В полемике того времени, как и в более поздних работах историков, организацию мятежей неизменно приписывают старым побежденным партиям, в особенности меньшевикам и эсерам. Некоторые их лозунги действительно выставлялись различными движениями протеста, сотрясавшими страну, но в целом, более убедительным выглядит то описание противоборствующих сил, которое дано в воспоминаниях Микояна и в архивных документах. В них меньшевистские и эсеровские группы характеризуются как активные, но, по существу, неспособные на какое-либо выступление во главе масс. Если бы они еще обладали политическим весом, положение большевиков стало бы отчаянным. На самом деле, ни восставшие в Кронштадте, ни мятежники из крестьянских банд не шли на поводу этих партий.

«Свобода торговли... неминуемо приведет к белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации», — говорил Ленин 8 марта 1921 г. на X съезде.

«Можно ли... восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких землевладельцев, не подрывая тем самым корней политической власти пролетариата? Можно ли это? Можно, ибо вопрос — в мере». И это тоже — Ленин! Ровно через неделю.

Только Ленину было по силам отказаться от идеи бестоварного социализма, только Ленин мог так круто повернуть руль внутренней политики: в считанные дни из тупика военного коммунизма страна была выведена на путь экономического развития, на путь НЭПа.

Власть должна была искать развязку политического кризиса, исходя из реалий самой жизни, гибко реагируя на настроения и требования разных слоев общества, смело отрешаясь от старых догм.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Слово «концлагерь» неизменно ассоциируется у нас с нацистскими «фабриками уничтожения». Их названия известны всему миру: Освенцим, Майданек, Трешлинка... Однако, начиналось все намного раньше, с «фабрик перековки» людей, возникших в Советской России в эпоху «военного коммунизма». И пусть первые советские концентрационные лагеря по степени жестокости несравнимы со сталинскими или гитлеровскими, но именно там, в далеких 1920-х, следует искать начало колымской «колючки» и печей Освенцима.

Своим появлением в нашей стране концлагеря принудительных работ обязаны политике «красного террора», предельно ясно отразившей представления захватившей власть партии о средствах и методах достижения поставленных ею целей. В 1917 г. функция подавления у Советского государства была основной, а в условиях гражданской войны, безусловно, ведущей. Она объяснялась не только сопротивлением свергнутых классов, но и являлась главным «стимулом» к труду в условиях «военного коммунизма». Уже

в декрете СНК от 14 марта 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» для нарушителей трудовой дисциплины и лиц, не выполнявших норм выработки без уважительных причин, предусматривались наказания до 6 месяцев заключения в лагере принудительных работ.

Первые советские концлагеря возникли в начале гражданской войны (с лета 1918 г.), и туда попадали те, кого миновала участь быть расстрелянными в качестве заложника, или те, кого пролетарская власть предлагала обменять на своих преданных сторонников. Лагеря представляли собой один из важнейших механизмов чрезвычайной внесудебной репрессии и карательной политики большевиков в целом.

Сначала советская власть верила, что лагеря — временная необходимость. Она их откровенно называла концентрационными или лагерями принудительных работ. Их временно устраивали близ городов, часто в монастырях, откуда изгоняли их обитателей. Идея создания лагерей была реализована в постановлении Президиума ВЦИК от 11 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ», впервые законодательно закрепившем существование концлагерей. «Во всех губернских городах должны быть открыты лагеря принудительных работ, рассчитанные не менее, чем на 300 человек каждый...». Этот весенний день с полным основанием можно считать днем рождения ГУЛАГа.

Согласно инструкциям, в концлагеря должны были помещаться: тунеядцы, шулера, гадалки, проститутки, кокаинисты, дезертиры, контрреволюционеры, шпионы, спекулянты, заложники, военнопленные, активные белогвардейцы. Однако, основным контингентом, населившим первые маленькие острова будущего громадного архипелага, стали вовсе не перечисленные категории людей. Большинство лагерных жителей составляли рабочие, «мелкая» интеллигенция, городские обыватели и подавляющую часть — крестьянство. Полистав пожелтевшие страницы журнала «Власть Советов» (орган ОГПУ РСФСР) за апрель-июнь 1922 г., найдем статью «Опыт статистической обработки некоторых данных о содержащихся в концентрационных лагерях».

Цифры бесстрашны, недаром на обложке одного статистического сборника, вышедшего еще до Октябрьского переворота, было написано: «Цифры не знают партий, однако все партии должны знать цифры». Наиболее многочисленными преступлениями, совершенными заключенными, являлись: контрреволюция (или, как квалифицировались эти преступления до середины 1922 г., — «преступления против Советской власти») — 16 %, дезертирство — 15 %, кража — 14 %, спекуляция — 8 %.

Наибольший процент осужденных, находившихся в концлагерях, падал на органы ВЧК — 43 %, народный суд — 16 %, губернские трибуналы — 12 %, революционные трибуналы — 12 % и на другие органы — 17 %. Приблизительно такая же картина наблюдалась и в сибирских лагерях. Например, заключенные Мариинского концлагеря отбывали наказание за контрреволюцию (56 %), уголовные преступления (23 %), невыполнение разверстки (4,4 %), антисоветскую агитацию (8 %), труддезертирство (4 %), должностные преступления (4,5 %), спекуляцию (0,1 %).

Первыми политическими концлагерями, которые возникли на основании предложения Ф. Дзержинского, стали Северные лагеря особого назначения (СЛОН), которые потом стали называться Соловецкими лагерями особого назначения. В 1922 г. правительство передало в распоряжение ГПУ Соловецкие острова вместе с монастырем для размещения там заключенных из концлагерей в Холмогорах и Пертаминске. СЛОН действовал с 1923 по 1939 г. В постановлении СНК СССР от 10 марта 1925 г. (о переводе политзаключенных в политизоляторы на материке) Соловецкие лагеря были названы «Соловецкими концентрационными лагерями ОГПУ».

Соловецкие лагеря прославились дичайшим произволом местного начальства, как из числа заключенных, так и работников ОГПУ. Нормальными явлениями были: избиение, иногда до смерти, часто без повода; морение голодом и холодом; индивидуальное и групповое изнасилование заключенных женщин и девушек; «выставление на комары» летом, а зимою — обливание водой под открытым небом и забивание насмерть пойманных беглецов и выставление трупов на несколько дней у ворот лагеря в назидание их товарищам.

Ряд соловецких «достижений» прочно вошел в репрессивную систему тоталитарного государства: определение политзаключенного ниже уголовника-рецидивиста (впоследствии этот советский принцип переняли Муссолини и Гитлер), обеспечение подневольной рабочей силой путем продления сроков приговора, по истечении срока политзаключенных и некоторых уголовников-рецидивистов не отпускали на свободу, а направляли в ссылку.

Первым объектом будущего ГУЛАГа было управление северных лагерей особого назначения ОГПУ. Официальная дата рождения — 5 августа 1929 г., место рождения — город Сольвычегодск. В северную группу входили 5 лагерей с общей численностью заключенных 33511 человек, у трети из них приговоры даже не вступили в законную силу. Задачи перед лагерями стояли следующие: освоение силами заключенных природных богатств северного края (добыча угля в бассейне рек Печоры и Воркуты, нефти в Ухте), строительство железных и грунтовых дорог, разработка лесных массивов. Созданное управление возглавил Август Шийрон.

В 1930 г. было сформировано 6 управлений исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ОГПУ СССР: Северного Кавказа, района Белого моря и Карелии, Вышнего Волочка, Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. В ИТЛ пяти управлений (без Казахстана) находилось 166 тысяч человек.

Лагеря и трудовые колонии начинали играть все более заметную роль в экономике страны. Труд заключенных стал применяться в реализации крупномасштабных хозяйственно-экономических проектов, а хозяйственные органы планировали свою деятельность с учетом возможности использования их рабочей силы.

Например, на совещании в СНК СССР 18 июня 1930 г. представитель ОГПУ Толмачев упомянул о системе заявок на трудовые ресурсы заключенных, требующихся для осуществления тех или иных экономических проектов.

Если в СССР в 1928 г. за различные преступления было осуждено около 1,5 миллиона человек, то в 1930 г. — более 2,2 миллиона. Удельный вес

осужденных к лишению свободы сроком до 1 года сократился с 30,2 % до 3,5 %, а приговоренных к принудительным работам вырос с 15,3 % до 50,8 %. Система исправительно-трудовых колоний на 1 мая 1930 г. включала 57 колоний (полгода назад их было 27), в том числе 12 сельскохозяйственного профиля, 19 лесозаготовительного, 26 промышленного.

Значительный контингент дешевой рабочей силы, занятой принудительным трудом, формировался на основе раскулачивания сельского населения. Инструкция, разработанная в январе 1930 г. на основе рекомендаций комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с В. М. Молотовым, требовала принять следующие меры против крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким:

- контрреволюционный актив организаторов террористических актов и антисоветских мятежей подвергать аресту и приговаривать вплоть до высшей меры наказания (первая категория);

- крупных кулаков, активно выступающих против коллективизации, выселять из мест их проживания в отдаленные районы страны (вторая категория);

- остальную часть кулаков расселять в пределах района на новых, специально отводимых для них землях (третья категория).

С февраля 1931 г. по стране покати́лась новая волна раскулачивания. Для руководства и контроля за ее осуществлением 11 марта 1931 г. была образована очередная специальная комиссия, которую возглавил заместитель председателя СНК СССР А. А. Андреев. Эта комиссия стала заниматься не только раскулачиванием, но и рациональным размещением и использованием труда спецпереселенцев.

Приведенный ниже фрагмент протокола заседания комиссии от 30 июля 1931 г. отражает ее «повседневную» деятельность.

«СЛУШАЛИ: вопрос о дополнительных заявках на спецпереселенцев и распределении их.

ПОСТАНОВИЛИ: ... обязать ВСНХ в 3-х дневный срок представить ОГПУ свои окончательные заявки на спецпереселенцев:

удовлетворить заявку Востстали на 14 тысяч кулацких семей, обязав в 2-х дневный срок заключить с ОГПУ соответствующие договора;

заявки Цветметзолота — 4600 кулацких семей и Автостроя ВАТО — на 5 тысяч кулацких семей, заявку по Подмосковному углю — на 4,5 тысяч кулацких семей;

по торфу принять условно заявку на 31 тысячу кулацких семей.

...В соответствии с этими заявками предложить ОГПУ произвести необходимое перераспределение по районам и выселение кулаков...»

Поражают масштабы: только на одном заседании была решена судьба без малого 70 тысяч крестьянских хозяйств!

В связи с резким увеличением количества осужденных, организация высылки и размещения прибывавшего из центра страны контингента спецпереселенцев была возложена на органы ОГПУ–НКВД. В связи с «ликвидацией кулачества как класса» в 1932 г. ОГПУ СССР разработало положение «Об управлении кулацкими поселками», утвердило соответствующие инструкции.

Репрессивные акции продолжались и после завершения основной коллективизации. 20 апреля 1933 г. СНК СССР принял постановление «Об организации трудовых поселений». Кого же нужно было выселять в 1933 г., когда кулачество было уже ликвидировано? Предполагалось переселять городских жителей, отказавшихся в связи с паспортизацией 1932–1933 гг. выезжать из крупных городов, бежавших из деревень кулаков, а также высланных в 1933 г. в порядке «очистки» государственных границ, осужденных органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно. Для размещения прибывшего контингента по территории восточных и северных районов страны была развернута огромная сеть специальных комендатур.

ГУЛАГ НКВД (с 1946 г. МВД) СССР, «Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений НКВД СССР», был организован согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 10 июля 1934 г. «Об образовании общесоюзного НКВД». В его ведение передавались все существовавшие лагеря, бывшие в распоряжении ОГПУ СССР, НКВД РСФСР и НКЮ РСФСР и других союзных республик. Впервые все лагеря СССР были объединены под одним началом. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 г. к этому названию было добавлено: «...и мест заключения...», то есть ГУЛАГу были подчинены также и тюрьмы. Начальником ГУЛАГа назначили Матвея Бермана, бывшего до этого начальником ГУЛАГа ОГПУ СССР.

На ГУЛАГ, возглавляемый заместителем Наркома внутренних дел, возлагались следующие задачи: изоляция ненадежных и неблагонадежных элементов с одновременной эксплуатацией их в качестве рабочей силы; переброска этой рабочей силы на любые расстояния и в любое место. Осуществление этих задач обеспечивали следующие управления: политическое, кадровое, оперчекистское, охраны и режима, финансовое, санитарное, административно-хозяйственное. Эксплуатацией подневольной рабочей силы ведали специализированные отделы: по лесозаготовкам, капитальному строительству, добыче и др. В конце 1930-х и начале 1940-х гг. было образовано около полутора десятка специализированных Главных управлений: Дальстрой, Гидрострой, Шоссейных дорог, Железнодорожного строительства, Горной и Металлургической промышленности. У каждого Главного управления были свои лагеря на местах.

Лагерные комплексы (территориальные управления) были разбросаны по всей стране и не только в глуши, но и в столицах республик. К концу 1930-х гг. их насчитывалось более 100. В каждом от нескольких тысяч до миллиона и более заключенных. Нередко в отдаленных районах страны количество заключенных лагерного комплекса значительно превышало по числу местное вольное население. А бюджет иного лагерного комплекса во многом превосходил бюджет края, области или нескольких областей, на чьей

территории он был расположен (лагерный комплекс включал от 3 — ВладимирЛАГ, до 45 — СибЛАГ — лагерей).

Территория СССР условно была разбита на 8 зон дислокации территориальных управлений с подчиненными им исправительно-трудовыми лагерями, тюрьмами, этапами, пересыльными пунктами.

На сегодняшний день выявлено свыше 2000 объектов ГУЛАГа (лагеря, тюрьмы, комендатуры). В состав ГУЛАГа входили следующие типы лагерей: принудительных работ, исправительно-трудовые, особого назначения, каторжные, специальные, лагерные научно-исследовательские институты. Кроме того, в состав «системы перевоспитания» входили исправительно-трудовые, воспитательно-трудовые и детские колонии.

Вся страна была покрыта густой сетью тюрем и следственных изоляторов НКВД. Как правило, они дислоцировались во всех областных центрах и столицах союзных и автономных республик. В Москве, Ленинграде и Минске находилось свыше десятка тюрем и изоляторов специального назначения. В целом по стране этих карательных учреждений насчитывалось не менее 800.

Перевозка заключенных осуществлялась в товарных вагонах, которые были оборудованы сплошными двухярусными нарами. Под самым потолком — два густо зарешеченных окошка. В полу было прорезано узкое отверстие — параша. Окно было обито железом, чтобы заключенные не могли расширить его и выброситься на путь, а чтобы исключить и это, под полом укреплялись специальные железные штыри. В вагонах не предусматривалось ни освещения, ни умывальников. Вагон был рассчитан на 46 человек, но обычно в него затапливали по 60 человек и больше. Во время массовых акций эшелоны формировались до 20 вагонов, вмещавших более тысячи заключенных, они следовали по указанным маршрутам вне графика, а путь из центральных районов СССР на Дальний Восток длился до двух месяцев. На протяжении всего пути заключенных не выпускали из вагонов. Пищу выдавали, как правило, раз в сутки или реже сухим пайком, хотя по правилам полагалась горячая пища. Особенно часто уходили на Восток эшелоны после «освободительного похода» частей Красной Армии в западные области Украины и Беларуси.

Встречали «контрреволюционеров» многочисленные лагеря ГУЛАГа. Как правило, они были одного типа. Территория, огражденная тремя рядами колючей проволоки. Первый ряд — высотой около метра. Основной, средний ряд, — высотой 3–4 м. Между рядами колючей проволоки находились контрольные полосы, по углам — четыре вышки. В центре находились медсанчасть и штрафной изолятор, обнесенный частоколом. Изолятор представлял собой капитальное помещение, разгороженное на одиночные и общую камеры. Вокруг располагались бараки для заключенных. В зимнее время, да еще в условиях Урала, Сибири бараки отапливались не всегда. В таких нечеловеческих условиях мало кто из заключенных доживал до долгожданной свободы.

С принятием 15 июня 1939 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О лагерях НКВД» количество лиц, отбывших наказание, увеличилось, так как предусматривалось «...отказаться от системы условно-досрочного

освобождения лагерных контингентов. Осужденный, отбывающий наказание в лагерях НКВД СССР, должен отбыть установленный судом срок полностью».

По официальной статистике, на 1 марта 1940 г. ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний (в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентских», то есть работавших на стройках и хозяйствах других ведомств), объединенных областными, краевыми, республиканскими отделами исправительно-трудовых колоний, и 50 колоний для несовершеннолетних (колоний для детей «врагов народа»).

Общий контингент заключенных, содержащихся в лагерях и исправительно-трудовых колониях ГУЛАГа, определялся, по данным так называемого «централизованного учета» на 1 марта 1940 г., в 1668200 человек. И это, естественно, без учета тех, кто содержался в многочисленных тюрьмах, изоляторах, находился на этапах и был физически уничтожен незанесенным ни в какой учет.

В связи с принятием в 1940 г. ряда чрезвычайных законов, удалось расширить систему ГУЛАГа и довести число ее обитателей на 22 июня 1941 г. до 2,3 миллионов человек. Начало Великой Отечественной войны существенным образом не сказалось на количестве заключенных. Дивизии западных округов испытывали огромную потребность в укомплектовании личным составом, а в глубоком тылу продолжались расстрелы «врагов народа», и миллионы заключенных были лишены возможности с оружием в руках защищать свою Родину, которая так жестоко и несправедливо поступила с ними.

Только в период 1942–1943 гг. в связи с катастрофическим положением на фронте по постановлению ГКО было отправлено в Советскую Армию более 157 тысяч бывших политических заключенных. А за 3 года войны были освобождены с передачей в армию всего 975 тысяч человек из многомиллионного населения ГУЛАГа.

После победоносного окончания войны партийное и советское руководство СССР не забыло о ГУЛАГе. И вновь понеслись по уже проторенной дороге на Восток эшелоны с репатриантами, «сотрудничавшими» с гитлеровскими оккупантами, то есть проживающими на временно оккупированной территории и оставшимися в живых. Население ГУЛАГа вновь резко возросло.

В послевоенные годы в связи с реорганизацией системы органов государственной безопасности ГУЛАГ был передан в ведение министерства юстиции СССР, возглавил его генерал-лейтенант И. Долгих (отец бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС В. И. Долгих).

По состоянию на 1 октября 1953 г. в исправительно-трудовых колониях и лагерях ГУЛАГа МЮ СССР находилось 2235296 человек. С 1 марта по 1 октября 1953 г. поступило 165961 вновь осужденных. В этот же период по амнистии, а также за окончанием срока наказания было освобождено 1342979 человек. Фактически в лагерях и колониях на 1 октября 1953 г. осталось 1058278 заключенных.

Партийное руководство поспешило уничтожить даже самое слово ГУЛАГ, зловещий смысл которого стал к тому времени уже известен далеко за

пределами СССР. Осенью 1956 г. было признано нецелесообразным дальнейшее существование исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГа) и в связи с этим, было решено реорганизовать их в исправительно-трудовые колонии. Никакого официального постановления об этом не было опубликовано и неизвестно, кем было принято решение. С октября 1956 г. до апреля 1957 г. «реорганизованный» ГУЛАГ находился в ведении Министерства юстиции СССР под новой вывеской «Исправительно-трудовых колоний». Впоследствии он был передан в систему исправительно-трудовых учреждений МВД СССР. На этом история ГУЛАГа завершается.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

История спецпереселенчества в СССР берет свое начало с 1929 г., когда ширилась коллективизация в деревне. Дабы «кулаки» и «подкулачники» не мешали рождению колхозов, их отправляли в специально отведенные районы в «местах не столь отдаленных».

Поток раскулаченных из европейской части страны пошел и на Урал. На протяжении только 1930–1931 гг. туда поступило 32,1 тысячи семей с Украины, 26 тысяч — с Северного Кавказа, 9,1 тысячи — из Белоруссии, 2,8 тысячи — из Крыма и т. д., а всего в Уральском регионе оказалось 101,4 тысячи ссыльных семей — примерно 480 тысяч раскулаченных.

На конец 1938 г. в стране насчитывалось 1798 поселков, где проживало около миллиона трудпоселенцев, 146 таких поселков с населением 170500 человек было в одной только Свердловской области.

С началом второй мировой войны число спецпереселенцев резко увеличилось. С ноября 1939 г. на Урал потянулись эшелоны с депортированными жителями западных областей Украины и Беларуси. В этом потоке оказалось более 400 тысяч украинцев, поляков, белорусов, евреев, представителей других национальностей.

В декабре 1939 г. НКВД СССР утвердил инструкцию о порядке расселения польских осадников (польских военнопоселенцев, получивших земельные наделы после польско-советской войны 1920 г. в районах, населенных белорусами и украинцами. Их не надо путать с польскими беженцами, подавшими на Восток, спасаясь от наступающих немецких войск.). Инструкция содержала жесткие требования. Например, на сборы депортируемым отпускаясь от 30 минут до 2 часов. Известен факт, когда в числе выселенных оказалась женщина, которая, катаясь на лыжах, заглянула в гости к знакомым в соседнее местечко. В лыжном костюме, вместе со своим «транспортным средством» она попала в ссылку.

Польских осадников и беженцев разместили в 20 районах Свердловской области (в них же размещали основной контингент репрессированных на территории Украины и Белоруссии в 30-е годы). Особенно много их доставили в Асбестовский, Березовский, Верхнетавдинский, Ирбитский, Красноуральский, Кушвинский, Серовский, Пышминский, Таборинский, Тугулымский районы.

Среди прибывших оказалось немало представителей украинской, белорусской и польской интеллигенции. В их числе, например, были доктора

технических наук А. Бликер и С. Всеич-Сапожнецкий. Массовая депортация населения продолжалась на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы — из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, наряду с «власовцами» и лицами, сотрудничавшими с немецкими оккупантами. До 1950-х гг. в восточные районы СССР было выслано 175 тысяч членов семей украинских националистов (ОУН). Из западных областей Беларуси в послевоенные годы было выслано около 34 тысяч человек.

До 1934 г. всех отправленных в «кулацкую ссылку» официально именовали «спецпереселенцами», в 1934–1944 гг. — «трудпоселенцами» и после — «спецпоселенцами». В положении о ссыльных и высланных, утвержденном НКВД СССР, указывалось, что ссылка состоит в отдаленности от постоянного места жительства с обязательным проживанием в определенной местности под надзором компетентных органов. Она применялась на срок от 3 до 10 лет. Более легкой мерой наказания считалась высылка, означающая поселение по выбору в определенных местах на срок от 1 до 5 лет.

Ссылка на спецпоселение означала бессрочное выселение в определенные места. Спецпоселенцев запрещалось размещать ближе 50 км от объектов государственной важности, аэродромов, железных дорог, а также в 100 км пограничной зоне.

К выселенцам относились, находящиеся на спецпоселении немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкары, калмыки, турки, курды, греки, армяне, болгары, а также лица, выселенные в 1949 г. из Молдавии, Прибалтики, западных районов Украины и Белоруссии. Спецпоселенцами являлись «власовцы», члены семей «бандитов» из Литвы, «оуновцы», «указники», немецкие пособники, сектанты, бывшие кулаки.

В ноябре 1948 г. различие между выселенцами и спецпоселенцами было, по сути, ликвидировано. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР, выселенцев перевели на спецпоселение навечно без права возврата к прежним местам жительства. Самовольный выезд (побег) карался двадцатью годами каторжных работ.

Спецпоселки создавались на 100–500 семей. Размещали людей, как правило, в бараках, где на семью выделялись либо комната, либо угол. В лесной промышленности жилье отводили по нормам — 3 кв. м на человека.

Административное управление спецпоселками осуществлялось районными и поселковыми комендатурами НКВД. Коменданты должны были обеспечить соблюдение общественного порядка, предупреждать побег и, главное, следить за соблюдением договоров о трудовом использовании спецпоселенцев, которые заключались между Управлением исправительно-трудовых колоний НКВД СССР и предприятиями.

Коменданту подчинялось все население спецпоселка, без его разрешения никто не мог переехать из барака в барак или отлучиться за пределы поселка на срок свыше 24 часов. Сотрудники НКВД имели право в любое время суток проверить наличие проживающих в поселке людей. Главы семей спецпоселенцев отмечались в спецкомендатуре. На каждого спецпоселенца заводилась карточка учета в 3-х экземплярах и личное дело. Для

предотвращения побегов все личные документы изымались, и выдавалась справка единого образца.

Коменданты имели широкие дисциплинарные права — от штрафа до арестов и привлечения к уголовной ответственности. Обжаловать их решение было практически невозможно. Тем не менее, многие спецпоселенцы пытались бежать с Урала. Например, в мае 1948 г. 18-летние Ганна Адамович и Марина Блотич, минуя железнодорожные станции, прошли 100 км пешком и только тогда сели в поезд. Однако в Пензе их задержали. По статистике НКВД, 93 % из числа бежавших из спецпоселений в 40-е гг. задерживалось.

Главной причиной бегства было тяжелейшее материально-бытовое положение — холодные, сырые бараки, острая нехватка одежды и обуви, продуктов питания, антисанитария.

Спецпоселенцы были заняты, в основном, тяжелым физическим трудом. Немцы преимущественно использовались на строительстве, в угольной и металлургической промышленности. Много белорусов и украинцев работало на Сухоложском цементном заводе, леспромхозах Новолялинского района, поляки — на Зайковском конезаводе и т. д.

К тяжелым условиям труда и быта добавлялся и моральный гнет — ограничение в правах. Спецпоселенцев не призывали в армию, не принимали в члены профсоюза, их участие в выборах депутатов допускалось только на районном уровне.

Состав спецпоселенцев постоянно менялся. В начале войны амнистировали находившихся на поселении поляков, в течение 1941–1948 гг. с учета сняли бывших кулаков. К началу 1958 г. на спецпоселении оставались лишь члены семей националистического движения на Западной Украине и в Белоруссии, их освободили только в январе 1960 г.

Спецпоселенцы — это лишь одна из категорий людей, репрессированных во время сталинского режима. Кроме них миллионы советских и тысячи иностранных граждан находились в лагерях и колониях ГУЛАГа.

ОСТРОВ СМЕРТИ

Из спецсообщения УНКВД по Запсибкраю:

И. В. Сталину,

Р. И. Эйхе

Секретарю Нарымского Округкома ВКП(б),

(Совершенно секретно)

22 августа 1933 г.

«29 и 30 апреля этого года из Москвы, Ленинграда и Минска были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути следования подобный же контингент, прибыли в Томск, а затем на баржах в Нарымский округ.

18 мая первый и 26 мая второй эшелоны, состоя из трех барж, были высажены на реке Оби у устья р. Назина, на остров Назино, против остяцкого поселка и пристани того же названия (Александровский район, северная окраина Нарымского округа)»

О каких же «деклассированных элементах» шла речь? Оказывается, эти «элементы» появились в отчетах НКВД после выхода постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. о введении паспортной системы.

Именно на остров Назино 18 мая 1933 г. была доставлена и высажена первая партия «элементов городского типа» — 4900 человек, задержанных как беспаспортные. Вторая партия числом 1174 человека поступила 26 мая. К 12 июня 1473 из них умерли. К зиме погибли почти все. Из 10289 человек, прибывших в Александрово-Вахтовскую комендатуру, к осени осталось 2025 человек, 1940 отправлено в концлагерь, 3196 умерло, 3916 оказались в бегах.

Как же разыгралась эта трагедия на Назинском острове?

На второй день после прибытия первого эшелона, 19 мая, выпал снег, поднялся ледяной ветер, затем ударил мороз. Голодные, истощенные люди, без крова, не имея никаких инструментов и, в главной своей массе, трудовых навыков, очутились в безвыходном положении. Окоченевшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у огня, бродить по острову и есть гнилушки, кору, мох и пр. Трое суток никому никакого продовольствия не выдавалось.

Люди начали умирать. Они заживо сгорали у костров во время сна, умирали от истощения, начавшегося еще в долгой и мучительной дороге, от многочисленных болезней. Холод переносился так трудно, что один из трудпереселенцев залез на дерево в высокое дупло и погиб там, на глазах у людей, которые не могли помочь ему: не было ни лестницы, ни топоров. Когда, наконец, наступил солнечный день, бригада могильщиков смогла закопать только 295 трупов, неубранных оставили на второй день. Новый день дал новую смертность и т. д. Только на четвертый день прибыла на остров ржаная мука. Ее начали раздавать по несколько сот граммов. Люди тут же бежали к воде и в шапках, фуражках, галошах разводили болтушку. Многие глотали одну муку, задыхались, умирали от удушья. Не было ложек, кружек, мисок. Не было ни ведер, ни котлов, а значит — и кипятка.

Вначале изредка, в отдаленных углах острова, а затем повсеместно началось людоедство.

Свидетельствует Меньшикова Таисия Михайловна, 1908 г. рождения: *«На острове конвоир был, Веников Костя, молодой парень. Ухаживал он на острове за одной девчонкой. Он все караулил ее. Вздумал раз поехать помыться, товарищу наказал: «Ты за ней поглядывай», — а он что, столь народу... А ее привязали, руки назад к тополине, и груди отрезали ей, икры отрезали, мускулы — где можно есть, все-все... Голодные они, есть надо. Парню не повезло. Это вот такие были зверства. Человеческое мясо резали и привязывали в тряпках на деревья...».*

Лежавшую под открытым небом муку, отчего немало ее испортилось во время дождей, комендатура острова приказала зарыть в землю. Остатки ее

получали так называемые бригады, отъявленные уголовники. Получив мешки на бригаду, они уносили их в лес, а бригада оставалась без пищи. Когда муку привозили «со склада», раздавать ее в порядке живой очереди даже не пытались. Голодные люди собирались, но их разгоняли выстрелами. В жуткой давке слабых затаптывали, калечили.

Надо полагать, спецкомендатура не только мало понимала свои задачи, она сама растерялась от разразившейся катастрофы. Несмотря на индивидуальные расстрелы и «перевоспитание» трудпоселенцев палками и прикладами винтовок, на острове образовались и царили мародерские банды и шайки. Уголовники терроризировали людей еще в баржах, отбирая у трудпоселенцев хлеб, одежду, избивая их и убивая. Здесь же, на острове, открылась настоящая охота за теми, у кого были деньги или золотые зубы, коронки. Их владельцы тут же становились жертвами бандитов. Могильщики зарывали трупы с развороченными челюстями.

Мародерство захватило и некоторых охранников, за хлеб и махорку скупавших золото, одежду. По острову установились цены: новое платье или костюм — полбуханки хлеба или пачка махорки; пачка махорки — 300 рублей, два золотых зуба или четыре коронки.

В аналогичную обстановку попал и второй эшелон, быстро воспринявший установившиеся порядки острова.

Близилась «трудовая весна». В конце мая началась отправка людей на так называемые участки, то есть места, отведенные под поселки. Участки были расположены по реке Назина за 200 км от устья, к ним поднимались на лодках. Глухая необитаемая тайга. Истощение людей продолжалось. Достаточно привести такой факт: на пятый участок с острова доставили 78 переселенцев, из них в живых осталось только 12.

Участки, в конце концов, были признаны непригодными, трудпоселенцев стали перемещать на новые места, вниз по той же реке, ближе к устью.

Побеги, начавшиеся еще на острове (хотя там это сделать было куда труднее: ширина Оби около километра, на реке еще шел лед), здесь приняли массовые размеры. Пошли слухи: мол, во-первых, решено истребить деклассированный элемент, а, во-вторых, в 40 км отсюда есть железная дорога (в действительности до ближайшей станции было более 300 км). Последнее «подтверждалось» тем, что на одном из участков в ясные зори слышались отдаленная гармонь, крики петуха и звуки, подобные гудку. На самом деле это был крохотный поселок, от которого участки отделяло непроходимое болото. Люди, не зная, где они, бежали в тайгу, плыли на плотах, погибали или возвращались обратно.

После расселения на новых участках к строительству полуземляных барачков, вошебок и бань приступили только во второй половине июля. Жизнь начинала входить в свое русло — появилась работа, люди стали получать по 750–1000 г хлеба. Смертность, однако, оставалась высокой, основной причиной чему служили болезни. Особенно свирепствовала дизентерия.

К массовым болезням и смертям начсостав да и сами поселенцы вскоре стали относиться как к чему-то неизбежному и привычному. Трупы, которые лежали на тропинках в лесу, плыли по реке, прибывали к берегам, уже не

вызывали смущения. Человек переставал быть человеком. Из 6100 высланных, прибывших из Томска, плюс к ним еще 600–700 человек (точное число установить не удалось), переброшенных на назинские участки из других комендатур, на 20 июля 1933 г в живых осталось 2200.

Назинский остров оставил неизгладимую мету у всех оставшихся в живых, даже у отъявленных рецидивистов, выдавших виды на своем веку. Они прозвали его островом смерти (людоедов). Местное население усвоило это название, а слух о том, что здесь было, пошел вниз и вверх по рекам.

В конце 1933 г. сюда из Новосибирска пришло сразу два парохода с пустыми баржами. Сиблаг решил эвакуировать уцелевших. Половина назинцев не могла пройти по тропам на баржу, настолько они были больны, измождены. Их несли на носилках и складывали рядами в трюмах. Катер «Быстрый» на малых баржах подвозил оставшихся в живых с поселков.

По окончании «эвакуации» Александрово-Вахтовская участковая комендатура «подбила бабки». Отправила она свыше 6000 человек, а приняла обратно 2856. Остальные пошли на «естественную трату».

Сколько всего их было — трудно сказать. Так же трудно сказать, кто они, потому что документы отбирались и при аресте, и в эшелонах и баржах (рецидивистами на курение). То, что осталось, было уничтожено частью на острове и позднее органами госбезопасности для устранения следов преступления.

НКВД — ГЕСТАПО: БРАК ПО РАСЧЕТУ

Долгое время историки и публицисты с неловкостью обходили проблемы, связанные с советско-германским договором от 23 августа 1939 г. До сих пор не стихают дискуссии вокруг политической ситуации лета 1939 г. Причин тому несколько. Главная из них — желание постичь суть приведших к войне драматических событий и сделать необходимые выводы. Но есть и другие причины.

Палачи обмениваются жертвами

Сегодня читателю практически ничего не известно о том, с какой «специфической» целью использовался с 1939 г. ряд пересыльных тюрем НКВД в западных районах СССР.

Декабрь 1939 г. «Нас было двадцать восемь мужчин и три женщины... Все лица от страха казались застывшими. Мы стояли и смотрели на железнодорожный мост, который разделял занятую немцами Польшу и ее часть, оккупированную русскими. Через мост к нам медленным шагом направлялся военный. Когда он подошел ближе, я разглядела эсэсовскую фуражку. Офицер НКВД и эсэовец приветствовали друг друга, приложив руку к козырьку. Из узкой светло-коричневой сумки офицер НКВД вытащил список и стал называть фамилии. В этот момент от нашей группы отделились трое, бросились к энкаведисту и стали что-то взволнованно ему объяснять. Рядом со мной кто-то прошептал: «Отказываются переходить мост!». Один из трех был еврей-эмигрант из Венгрии, двое других — немцы: учитель по фамилии Кениг и молодой рабочий из Дрездена, который

участвовал в вооруженной стычке с нацистами, бежал в Советскую Россию и заочно в Германии был приговорен к смертной казни. Конечно же, всех троих погнали через мост...»

Этот отрывок из книги воспоминаний Маргарет Бубер-Нойман «Узница Сталина и Гитлера», вышедшей во Франкфурте-на-Майне в 1949 г. Той же теме отдал должное австрийский историк Ханс Шафранек. Он «поднял» в политическом архиве германского МИДа соответствующие нацистские документы и опубликовал в книге «Между НКВД и гестапо» (Франкфурт-на-Майне, 1990). Ширятся возможности и для работы в отечественных секретных прежде архивах. Мы узнаем, наконец, некоторые реальные подробности сталинско-гитлеровских игр до и после пакта 1939 г.

Выдачу немцев, арестованных НКВД, принято связывать с пактом 1939 г. Теперь становится очевидным, что активная высылка (единичные случаи бывали и раньше) началась еще в самом начале 1937 г. И до пакта, можно предположить, из Союза в Германию было отправлено несколько сот человек (общее число высланных и выданных — более тысячи).

Как это происходило? Ранней осенью 1936 г. германский посол Шуленбург высказывает Молотову и Литвинову пожелание германской стороны, чтобы находящиеся под следствием НКВД германские граждане, признанные невинными, или те, против кого имеется недостаточное количество улик, были высланы из СССР. В ноябре 1936 г. Шуленбург еще раз обращается к Литвинову с просьбой выяснить судьбу арестованных германских граждан. Советская сторона дает понять, что высылка возможна.

В начале 1937 г. замнаркома иностранных дел Крестинский сообщает Шуленбургу, что согласно приговору Особого совещания из СССР в Германию высылаются 10 человек.

Практически все это выглядит так: германское посольство обращается в Наркоминдел, и уже наркоминдельцы связываются с НКВД. Германское посольство направляет в Наркоминдел списки, в ответ немцам называются свои имена. Среди высылаемых были и спецы, и политэмигранты, и просто люди, уже десятилетиями жившие в СССР. Объединяет их только одно — все они арестованы. Как же воспринимали свой приговор сами высылаемые? Были такие, что считали: если уж сидеть, так у себя на родине «за дело», и даже настаивали на высылке. Но очень часто это воспринималось как трагедия.

Иногда высылка происходила и без предварительного ареста. Так было, например, с известным немецким актером Эрвином Гешоннеком. В 1937 г. в немецком театре в Одессе он играл роль следователя НКВД, успешно раскрывшего вредительский заговор. Но НКВД ставил свои «спектакли»: труппа была разогнана, Гешоннек исключен из партии и в три дня выслан из СССР. Спустя некоторое время он оказался в концлагере у «своих».

После пакта 1939 г. ситуация с высылкой меняется. Теперь германское посольство уже не просит и не осторожничает, оно требует: *«...настоящие дружественные отношения между III рейхом и СССР несовместимы с тем, чтобы такое количество германских подданных находилось в советских тюрьмах».*

11 ноября 1939 г. в ответ на настойчивые требования Шуленбурга тогдашний заместитель наркома иностранных дел Потемкин просит его обратиться непосредственно к Сталину и Молотову. 14 октября 1939 г. Шуленбурга принял Молотов, который заверил, что займется этим вопросом.

Если в 1937–1938 гг. высылали осужденных по приговорам Особого совещания НКВД СССР, то в 1939 г выдавали тех, кто уже просидел 2–3 года в советских тюрьмах и лагерях. Изможденных лагерников и тюремных заключенных везли из Орла и Ярославля, из Норильска и Воркуты, из Новосибирска и Владивостока и помещали в спецкамеры в Бутырках. Их подкармливали, выдавали кое-какую одежду — готовили к передаче. По этапу доставляли в минскую пересыльную тюрьму, а затем уже отправляли в Брест. Как и в 1937–1938 гг. эти камеры наполнялись теми, кто имел все основания бояться гестапо.

С декабря 1939 г. по апрель 1941 г. НКВД и гестапо вступают в непосредственный контакт, отношения между карательными аппаратами двух режимов напоминают игру, когда партнеры садятся за стол и стараются обмануть друг друга.

Трудно представить, что происходило с людьми, попавшими в это чертово колесо. Тех, кого собирались выдать немцам, заставляли становиться агентами НКВД и подписать, например, фиктивные расписки в получении денег, а тем, кто отказывался, угрожали, что дадут на них компромат в гестапо.

Но НКВД передавало в руки гестапо не всех германских подданных. Оставляли тех, кого можно было эффективно использовать для работы на оборону. Характерна судьба профессора Ф. М. Неттера. Будучи евреем, он в 1934 г. бежал из Германии в СССР, опасаясь преследований и гонений. Первый год он жил в Москве и работал в одной из закрытых лабораторий, выполнявшей оборонные заказы. Летом 1936 г. он стал профессором Томского научно-исследовательского института математики и механики. В декабре 1938 г. был арестован Томским горотделом НКВД и доставлен в г. Новосибирск с целью дальнейшей высылки в Германию.

Ф. М. Неттеру было предъявлено обвинение в том, что он якобы, являясь агентом разведотдела генерального штаба Германии, был заброшен в СССР со шпионским и разведывательным заданием. За «совершение контрреволюционных преступлений» его приговорили к 25 годам тюремного заключения, однако через 3 года расстреляли в Медведевском лесу под Орлом.

После заключения пакта о ненападении и раздела Польши СД в Варшаве и Кракове вступало в тесный контакт со службами НКВД в Перемышле и Бресте, чтобы гарантировать пересечение границы немецкими узниками.

Война подвела черту под этим «мирным сотрудничеством». Многих немецких эмигрантов, уже предназначенных к выдаче, не успели довести до Бреста из дальних лагерей, им оставалось досидеть еще с десятков лет. Других постигла судьба Неттера. У тех, кого выдали, судьба складывалась по-разному, на этот счет в Германии была разработаны четкие инструкции: тех, против кого имелся компрометирующий материал, ждал концлагерь,

«незапятнанные» и подходящие по возрасту призывались в вермахт, евреи однозначно подлежали депортации в гетто, а оттуда в лагеря уничтожения.

СЛЕДСТВИЕ ЗАКОНЧЕНО. ЗАБУДЬТЕ?

В апреле 1999 г. было завершено четвертое следствие, проведенное по факту обнаружения массовых захоронений под Минском в лесном массиве Куропаты. Но до сих пор его результаты так и не обнародованы. Тем не менее «немецкий след», ради обнаружения которого белорусской военной прокуратурой по требованию «общественности» в очередной раз было проведено новое следствие по старому делу, найден так и не был.

Как это было

3 июня 1988 г. в газете «Літаратура і мастацтва» была опубликована статья научных сотрудников Института истории АН БССР Зенона Позняка и Евгения Шмыгалева «Курапаты — дорога смерці». В статье утверждалось, что в лесном массиве Куропаты захоронены жертвы политических репрессий 1937–1941 гг. Обобщив все имевшиеся материалы, авторы статьи сделали вывод, что на этом месте в предвоенные годы органы НКВД проводили массовые расстрелы людей. Статья имела большой резонанс и послужила основанием для возбуждения прокуратурой БССР 14 июня 1988 г. уголовного дела. Это было первое в СССР уголовное дело против тоталитарного государства за преступления против своего народа в 30-е гг.

Первое следствие по Куропатам проводилось с июня по ноябрь 1988 г., потом было прекращено и возобновлено в январе 1989 г.

«Это дело было совершенно уникальным, — вспоминает Язеп Бролишс, который в то время был следователем по особо важным делам прокуратуры БССР. — Следствие по уголовному делу обычно имеет свои цели — установить событие преступления, того, кто его совершил, определить, под какую статью УК это преступление подпадает, найти потерпевших, и т. д. Здесь же, несмотря на то, что событие преступления налицо, было неясно, кого и что искать... Более того, не существовало прецедентов таких расследований, не было ни технологий, ни методик. Это первое такое дело в Советском Союзе. Тем не менее, путем проб и ошибок, применяя испытанные технологии и приемы криминалистики, мы вышли из положения. Зато мы оказали хорошую услугу всем тем, кто столкнулся с такими захоронениями после нас».

В ходе следствия было установлено, что на территории около 30 гектаров расположено 510 предполагаемых захоронений, представляющих собой впадины с признаками оседания грунта. Была произведена выборочная эксгумация, во время которой были обнаружены человеческие останки: 313 черепов, кости скелетов, 340 зубных протезов из желтого и белого металлов. Обнаружены личные вещи: расчески, зубные щетки, мыльницы, кошельки, обувь, остатки одежды, а также 177 гильз и 28 пуль. 164 револьверные гильзы и 21 пуля стреляны из револьвера системы «Наган», 1 гильза из пистолета «ТТ», то есть из штатного оружия сотрудников НКВД.

Как показала комплексная судебно-медицинская и криминалистическая экспертиза, костные останки, обнаруженные при эксгумации, принадлежали не менее чем 356 расстрелянным, останки еще 35 человек были обнаружены строителями и учащимися. На 227 черепках и их фрагментах выявлены огнестрельные повреждения. По оценочным данным, в урочище Куропаты покоится прах не менее 30 тысяч репрессированных.

В ходе расследования было опрошено около 200 очевидцев событий. 55 свидетелей из числа жителей деревень Цна-Иодково, Подболотье, Дроздово, расположенных вблизи лесного массива, показали, что в 1937–1941 гг. работники НКВД на крытых автомашинах привозили сюда людей и расстреливали их. Трупы закапывали в ямы. Расстрелы начались в 1937 г. и продолжались до 1941 г. Судя по характеру и номенклатуре обнаруженных вещей, в Куропатах были захоронены в основном выходцы из Беларуси, в том числе из западных областей и, возможно, из Прибалтики. Есть основания полагать, что там покоится прах политических заключенных Автодорлага.

Среди свидетелей, которые давали показания, не было никого, кто во время тех событий находился бы в младенческом или старческом возрасте. Во время следственного эксперимента свидетель Н. Карпович указал место, где в 1937 г. видел не засыпанную могилу, наполненную трупами. В ходе эксгумации в указанном им направлении обнаружено захоронение, из которого извлечены 50 черепков, кости скелета, обувь, другие предметы и их фрагменты.

Из протокола эксгумации останков:

«При разработке пласта захоронения (раскоп № 8) извлечены хаотично располагавшиеся в нем предметы: 50 черепков, в том числе 7 со сводом и основанием... На всех 50 черепках имеются повреждения округлой и овальной формы, располагающиеся на различных участках — в теменной, затылочной, височной, лобной областях. Сохранившихся черепков без повреждений не обнаружено...»

Практически все опрошенные засвидетельствовали, что во время войны на этом месте расстрелов не было, да и вообще в ту пору версия «немецкого следа» никому не приходила в голову. По словам Язепа Бролишса, *«и тогда, и сейчас у меня не возникало ни малейшего сомнения, что это — дело рук НКВД. В ходе следствия не было найдено никаких доказательств «немецкого следа». А свидетельств того, что расстреливали «компетентные органы, более чем достаточно».*

Согласно показаниям жителей населенных пунктов, расположенных неподалеку от лесного массива Куропаты, в этом месте во время оккупации Беларуси фашистами каких-либо расстрелов и захоронений не производилось. Были проведены проверки и иных версий. По данным Военного комиссариата БССР, воинских захоронений в лесном массиве, где обнаружены останки, также не имелось.

Показания свидетелей были подтверждены данными КГБ БССР о том, что во время оккупации в Куропатах не располагалось ни концентрационных, ни иных лагерей.

Для того чтобы выяснить, где находились места приведения в исполнение приговоров и решений внесудебных органов за 1937–1941 и 1944–1953 гг., следствие направило запросы в КГБ БССР. Однако, согласно поступившим на запросы следствия ответам, эта организация не располагала документальными данными о местах приведения приговоров в исполнение. Отсутствовали там также и сведения о лицах, исполнявших в указанные годы приговоры и решения о высшей мере наказания. Оказалось невозможным установить и количество расстрелянных. Как мало времени понадобилось для того, чтобы бесследно исчезла память о жертвах и палачах.

Тем не менее, следствием было достоверно установлено, что с 1937 по 1941 год в лесном массиве Куропаты органами НКВД производились массовые расстрелы граждан. Спустя столько времени определить их личность и конкретные основания казни уже не представилось возможным. В постановлении о прекращении уголовного дела было отмечено: *«Принимая во внимание, что виновные в этих репрессиях руководители НКВД БССР и другие лица приговорены к смертной казни либо умерли, на основании изложенного... уголовное дело, возбужденное 14 июня 1988 г. прокурором Белорусской ССР, прекратить».*

Новая версия старого дела

В июне 1991 г. члены так называемой общественной комиссии по расследованию преступлений в Куропатах, под председательством В. Корзуна направили в Прокуратуру СССР собранный ими материал, якобы доказывающий, что в урочище Куропаты покоятся не жертвы НКВД, а жертвы немецко-фашистских захватчиков.

Осенью 1991 г. в Минск приезжал представитель Прокуратуры СССР, но факты, изложенные в обращении «общественной комиссии» не нашли подтверждения. В феврале 1992 г. по требованию «общественной комиссии» Прокуратура Республики Беларусь была вынуждена вновь возобновить расследование. Следствие подтвердило выводы государственной комиссии.

В 1993 г. «общественная комиссия» обратилась в Верховный Совет РБ с предложением дезавуировать выводы, к которым пришла государственная комиссия в своем расследовании куропатских событий.

Верховный Совет в ответ поручил Генеральному прокурору республики В. Шолодонову вернуться к этому делу. Повторное расследование проводил старший следователь по особо важным делам Прокуратуры РБ Валерий Комаровский. Именно к тому времени относится возникновение версии о «немецком следе» и о том, что в Куропатах не НКВД расстреливал советских граждан, а немцы — привезенных сюда в качестве переводчиков гамбургских евреев.

Тогда же бывшая белорусская подпольщица Мария Осипова, которая принимала участие в работе государственной комиссии во время первого следствия, спустя 4 года вдруг вспомнила, что во время войны через Комаровку в сторону Зеленого Луга немцы гнали на расстрелы мирных граждан. Иными словами, новому следствию пришлось иметь дело с

несколькими версиями, каждая из которых противоречила выводам предыдущей.

Новое расследование дела по Куропатам было проведено досконально. Для того, чтобы исключить версию расстрелов евреев немецкими оккупантами, Валерий Комаровский запросил Иерусалимский Институт катастрофы и героизма европейского еврейства в годы Второй мировой войны Яд-Вашем, где собрана наиболее полная информация о репрессиях в отношении евреев. Минск, Дрозды, Масюковщина, Куропаты, Цна-Иодково и Зеленый Луг в качестве места расстрелов еврейского населения не зафиксированы. Нет информации о расстрелах в Куропатах и в немецких архивах. Немецкие эксперты подтвердили, что метод захоронения в Куропатах — не немецкий. Гитлеровцы обычно копали большие могилы — до 50–60 м в длину, перед «акцией» жертв раздевали, забирали личные вещи, снимали золотые коронки.

Был обнаружен и «польский след». В частности, в одном из российских архивов был найден приказ за подписью Л. Берия об этапировании из тюрем НКВД западных областей Беларуси в Минск 3000 офицеров польской армии и заочного приговора их к расстрелу. В марте-апреле 1940 г. они были доставлены в Минск, тут их след теряется. Фактически было доказано, что Катынь и Куропаты — звенья одной цепи.

После исследования всех документов выносится постановление об отсутствии мотивов для возобновления следствия по Куропатам. Собранные доказательства свидетельствовали о несостоятельности предположений так называемой «общественной комиссии». Анализ имевшихся в уголовном деле сведений позволили вновь сделать вывод о том, что в лесном массиве Куропаты в 1937–1941 гг. органами НКВД БССР производились массовые расстрелы граждан, обвиняемых в совершении «контрреволюционных преступлений».

Определить численность и имена погибших в процессе следствия не представлялось возможным из-за отсутствия необходимых архивных данных в КГБ Республики Беларусь.

Иными словами, версия о расстрелах НКВД оставалась в силе, собранные доказательства не подлежали сомнению, а новые материалы лишь подтверждали уже имевшееся заключение. Оснований для возобновления следствия по делу о Куропатах не было.

Решение о начале нового, четвертого, следствия в 1998 г. было как гром среди ясного неба.

На этот раз расследование было поручено старшему помощнику военного прокурора республики Виктору Сомову. И снова была проведена проверка доказательств, собранных в ходе предыдущих следствий, работа по уже известным версиям. Не обошлось и без маленькой сенсации: в ходе расследования «общественная комиссия» предъявила «свидетеля», который якобы своими глазами видел, как расстрелы в Куропатах вели немцы, а не НКВД. В ходе следствия выяснилось, что «свидетель» даже не знаком с местностью, о которой шла речь.

Следствие закончено. Забудем?

В ходе последнего следствия впервые было обнаружено самое большое из всех найденных в Куропатах захоронений, в котором содержались останки более 300 человек (обычно в ямах находилось до 100 останков). Следствие преподнесло еще одну сенсацию — впервые за всю историю раскопок в Куропатах были найдены вещественные доказательства с конкретными датами и фамилиями, свидетельствовавшие о том, что расстрелы проходили до начала войны. В захоронении № 30 были обнаружены тюремные квитанции об изъятии при аресте ценностей, выданные 10 июня 1940 г. Мовше Крамеру и Мордыхаю Шулескесу, то есть за год до оккупации Минска.

Как известно, 94 % стреляных гильз, найденных в Куропатах, — от револьверов системы «Наган». Кроме того, было найдено несколько стреляных гильз из пистолетов систем «Браунинг» и «Вальтер», что также дало возможность сторонникам «немецкого следа» еще раз заявить о правомерности своей версии. Однако надо заметить, что оружие этих систем выпускалось задолго до 1941 г. и нередко именно таким оружием награждался руководящий состав НКВД. Кроме того, имеются данные о том, что пистолеты, в том числе этих систем, были штатным оружием ряда сотрудников НКВД.

Настало время назвать установленные не КГБ, а исследователями имена палачей, которые стреляли в затылки наших сограждан. Это сотрудники комендатуры НКВД БССР: Никитин, Ермаков, Коба, Яковлев, Острейко, Дубровский, Бочков, Батян, Абрамчик, Мигно. Это далеко не полный список энкаведистов, уничтоживших тысячи ни в чем не повинных людей.

На сегодняшний день дело о Куропатах насчитывает более 15 томов. И все эти материалы лишь подтверждают версию, по которой расстрелы проводились сотрудниками НКВД. Однако даже если допустить возможность того, что на этом месте немцы во время войны расстреляли несколько сот мирных жителей, след НКВД от этого никуда не исчезнет. Тому есть немало примеров. В частности, в районе парка Челюскинцев, где установлен памятный знак, до войны вел расстрелы НКВД, а во время войны на том же месте расстреливали немцы.

Несмотря на то, что Куропаты — одно из самых громких и известных дел в постперестроечной истории Беларуси, результаты последнего следствия так и не были доведены до сведения общественности. Архивно-следственное дело засекречено до сих пор. Впрочем, само отсутствие информации уже говорит о его результатах. В ходе многочисленных проверок и экспертиз были полностью подтверждены результаты предыдущих расследований.

Только после неоднократных требований ряда общественных организаций в ответе на очередное обращение 7 декабря 2001 г. республиканская прокуратура фактически подтвердила, что *«...как первоначальным, так и дополнительным расследованием установлено, что в 1937–1940 гг. органами НКВД из мест заключения вывозились в урочище «Куропаты» люди и там расстреливались...»*.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что исход куропатского дела не удовлетворят тех, кто упорно не желает слышать правду о трагическом прошлом Беларуси. Все остальное уже ясно.

ТРОСТЕНЕЦКАЯ ТРАГЕДИЯ

По оценочным сведениям, в Минске сегодня находится не менее 8 мест массовых расстрелов периода 1920–1940 гг. годов. Расстрелы производились не менее, чем в 40 населенных пунктах республики. И это только в Беларуси! А сколько мест массовых захоронений и расстрелов по всей территории бывшего СССР еще не выявлены до сих пор?

Близ Минска массовые расстрелы проводились в урочище Куропаты и в районе Лошицкого парка. Одиночные расстрелы велись на Кальварийском кладбище, а трупы под покровом ночи закапывали в уже существующие могилы. Еще одно захоронение, о котором известно немногим, было обнаружено во время строительства станции метро «Пушкинская». Там для пущей конспирации в скотомогильнике, где были зарыты зараженные сибирской язвой животные, лежали трупы 300 железнодорожников, расстрелянных в 1937 г. по личному приказу наркома Кагановича. Это захоронение было уничтожено при строительстве метрополитена. В период с 1937–1941 гг. массовые расстрелы проводились также в районе нынешней промышленной зоны Шабаны и в районе урочище Благовщина. Несмотря на то, что в Благовщине оккупанты во время войны расстреляли более 140 тысяч мирных жителей, это не дает права забывать о тысячах людей, расстрелянных сотрудниками НКВД в 1937–1941 гг.

Что же произошло в районе Тростенца более 60 лет тому назад?

С осени 1941 г. в окрестности деревни М.Тростенец (тогдашний колхоз имени К. Маркса) стали прибывать первые транспорты со смертниками. Возможно, место было выбрано неслучайно. Еще в июньские дни 1941 г. части НКВД конвоировали по Могилевскому шоссе колонны арестованных из минских тюрем, а так жертв энкавэдэшной «зачистки» первых дней войны.

Конвоировали не дальше ближайшего леса, а это и были окрестности Тростенца. Ранее, в конце 1930-х гг., по свидетельствам очевидцев, были отселены хутора, и севернее урочища Благовщина часть территории вблизи Могилевского шоссе отошла под охраняемый НКВД объект. Оттуда по ночам нередко доносились выстрелы.

Под Минском в урочище Благовщина не только фашисты расправлялись с мирными гражданами, здесь также немало «положили» своих соотечественников в предвоенные годы энкэвэdistы, расстреляли попавших в плен к фашистам в первые дни войны советских солдат и офицеров.

Известно, что перед вступлением оккупантов в Минск все заключенные и находящиеся под следствием за совершение так называемых «контрреволюционных преступлений» были выведены из города несколькими колоннами по 2–4 тысячи человек. 25 июня одна из колонн была расстреляна в районе Благовщины, другая 26 июня за Червенем. Аналогичные расстрелы были произведены в июне 1941 г. и в ряде населенных пунктов Беларуси.

Для ответа на вопрос, как это было, приведу фрагменты воспоминаний узника минской внутренней тюрьмы НКВД Цодика, которого опросил А. Майсеня в начале 1990-х гг.

Заклученные, давно ожидавшие команды покинуть тюрьму, потянулись друг за другом в освещенный створ двери. Цодик тоже подхватился с нар и пристроился к выходящим. По всему этажу и на лестничных клетках стояла усиленная охрана. Еще из 3–4 камер выходили заключенные. Охранники торопили, подгоняли без конца, матерясь и угрожая. Вместе со всеми Цодик вышел на улицу.

Колонна тронулась с места, крытые машины одна за другой выползли из тюремных ворот на ночную минскую улицу. Ехали медленно — то и дело приходилось обгонять марширующие в ночи воинские части; стучали об асфальт тысячи солдатских сапог, громыхали артиллерийские орудия, гудели моторы. В этот гул постоянно врвались зенитные залпы, глухой раскат стреляющих пушек. На ходу сигнала и маневрируя, колонна, наконец, вырвалась из уличной сутолоки на Могилевское шоссе. Машины пошли быстрее, но и здесь то и дело приходилось притормаживать, чтобы вписаться в поток людей и техники, катившей вниз по шоссе.

Ехали по шоссе минут тридцать, внезапно машину слегка накренило на левый бок, она ткнулась носом вперед и съехала с шоссе, затрясшись неровной дрожью по ухабам и выбоинам проселочной дороги. Звуки колонны беженцев на шоссе удалялись, потом и вовсе затихли. Среди заключенных в машине нарастало напряжение.

Скоро машина сбавила ход, покатила по склону вниз, а через минуту застыла на месте. Раздалась команда, было слышно, как сзади спрыгивали наземь охранники с собаками — один, второй, третий. Вот целое отделение их пробежало с той стороны, где сидел Цодик. Взвизгнули замки, задний борт опрокинулся. «Слезайте по одному и быстро!».

Светало. Цодик протолкнулся к заднему борту и спрыгнул вниз, пристроился к своей группе. Вслед за ним спрыгивали другие, у Цодика было время оглядеться. Они оказались на краю неширокой ложбины, поросшей молодым сосняком и кустарником.

Кругом, метрах в пятидесяти, стоял лес — сосны попеременно с елями, береза, ольха. В редких просветах виднелось поле с поднявшейся рожью. Если считать время в дороге, то это было не так уж далеко от Минска — от силы километров двадцать.

Возле каждой машины стояло наготове выстроенное подразделение охранников с собаками. Натренированные овчарки злобно рычали. Казалось, они были готовы разорвать в клочья этих сбившихся, жалких людей. Когда последние заключенные оказались на земле, всех выстроили в шеренгу по двое, Цодик оказался вторым номером, стоял в задней линии.

Двое охранников приволокли откуда-то куски проволоки. Последовала команда: «Руки назад, держать за спиной». Охранники ходили по рядам — один подавал проволоку, второй схватывал ею запястья рук и быстрым движением закручивал концы.

Вскоре донесся топот. От группы заключенных возле второй машины отделился высокий молодой парень и рванул в сторону леса, потом крики охраны: «Стой, сволочь! Куда?!». Лай спущенных собак, выстрелы — все одновременно. Не успев отбежать метров двадцать, парень споткнулся,

качнулся из стороны в сторону и, раскинув руки, словно пытаюсь удержаться за воздух, рухнул лицом вниз. Налетевшие псы вцепились в спину. Но беглецу было уже все равно. Он был мертв.

Все вышло так неожиданно, так просто и так жестоко, что заключенные стояли в глубоком потрясении. Обреченность, страх и бессилие прочно сковали их сознание.

«Так будет со всеми, кто попробует бежать!» — прокричал перед строем начальник охраны, заталкивая в кобуру пистолет. Он успел выстрелить по бегущей мишени. И, кажется, остался доволен своим выстрелом. «А чего этих сволочей, врагов народа, жалеть, сегодня была команда их всех истребить ночью, нечего с ними возиться. Немец на подступе к Минску, вот это страшно. А оставишь их в живых, перебегут к немцу».

Настал черед Цодика — от прикосновения холодной проволоки к рукам он вздрогнул. Три быстрых витка вокруг запястья и небрежно закрученные концы проволоки — вот и все. Цодик попытался пошевелить руками — проволока не давала, больно впилась в тело. Еще раз — как будто немного поддалась, но немного. И для чего все это? Все равно один конец.

Их выстроили на краю ложбины, все четыре группы заключенных стянули вместе, в одну шеренгу. Спереди и по бокам заняли свои позиции охранники с винтовками наперевес. Офицеры вытащили пистолеты. Все делалось молча в зловещей тишине утреннего рассвета. Надежд на лучший исход ни у кого из заключенных не осталось.

С первыми выстрелами Цодик упал на землю, но его не ранило, даже не зацепило. Сработал рефлекс самосохранения, все произошло как-то само собой: выстрел, подкосились ноги, рухнул на землю. Пальба продолжалась, на землю падали новые тела. Еще выстрелы, еще... Потом все внезапно стихло. Только глухие стоны раненых, мольба о помощи врывались в эту тишину. Цодик услышал прозвучавшую команду, он узнал этот голос — командовал начальник охраны: «Проверить каждого, в живых никого не оставлять!».

Раздались торопливые шаги; они приближались, совсем уже рядом — Цодик сжался в пружину, оцепенел. Подбежавший охранник больно, со всего размаху ударил в бок Цодика — стиснув зубы, Цодик смолчал. Рядом в забытьи простонал раненый — это его погубило и спасло Цодика, охранник сразу же переключился на несчастного, раздался один, потом второй выстрел в упор. Одиночные выстрелы звучали то здесь, то там.

Вскоре все стихло. Больше не было слышно ни стонов, ни выстрелов. И еще раз у самой головы Цодика прошуршали по густой траве чьи-то ноги — видно, начальник охраны со своими подручными проверял выполнение приказа. Потом прозвучала команда: «По машинам!» Завелись моторы, «караван смерти» тронулся в обратный путь. Цодик вслушивался в удаляющееся гудение машин.

Сколько времени он пролежал в забытьи — неизвестно. Очнулся, когда сквозь щели в груди мертвых человеческих тел пробивался дневной свет. Перед его глазами предстала ужасная картина. В ложбине, — сотни скрюченных, опрокинутых навзничь, распластанных тел. В перекошенных от

боли лицах, посиневших губах, изуродованных агонией, в рыжих пятнах крови на траве застыла смерть.

Оглушенный увиденным, Цодик кинулся бежать со всех ног к лесу и потом еще долго, не разбирая дороги, пробирался напролом через кусты можжевельника, молодой ельник. Спотыкался, падал, подхватывался снова и снова бежал.

На полпути до шоссе справа виднелась деревня — хат сто, не больше. Цодик спросил у встреченной им старухи, как называется деревня. Старуха ответила, что это Тростенец.

Годы спустя Цодик вернулся в родную Беларусь под фамилией Добровольский и обосновался в Витебске. Тогда он узнал о трагедии Тростенца — проклятом месте, превращенном фашистами в концлагерь-душегубку. Но мало кто знает, что трагедия Тростенца началась раньше. Единственным свидетелем ее остался Цодик.

Можно привести еще ряд свидетельств, которые подтверждают предвоенную правду о Тростенце. Были и случаи освобождения некоторых узников. Из рассказа бывшего учителя Ю. А. Соболевского следует, что он был арестован в Минске органами НКВД в первый день войны. 24 июня 1941 г. арестованных вывели из камер и на тюремном дворе построили в колонну, которая двинулась на Восток по Могилевскому шоссе. 25 июня на большой поляне в лесу колонну остановили и объявили, что сейчас состоится суд. Охранники разделились на несколько групп, стали вызывать арестованных и требовать от них ответов на вопросы. Сержант НКВД, узнав, что Соболевский — учитель, отпустил его. Было отпущено еще несколько человек из числа интеллигентов. Остальные разделили печальную участь заключенных, таких как Цодик.

Есть еще ряд документальных подтверждений Тростенецкого расстрела.

Немецкий журналист Пауль Коль в 2000 г. детально поведал о технологии массового уничтожения узников, которая, в принципе, нам известна. Он продемонстрировал советскую топографическую карту 1939 г., где территория урочища Благовщина была обозначена как закрытый охраняемый объект.

Есть предположение, что прямое отношение к «объекту» имеет НКВД. Требуется только доказательная база. И она есть. Как известно, на месте концлагеря в 1944 г. начала работать Государственная Чрезвычайная комиссия.

Первоначально вскрыли захоронения не там, где была яма-печь, не сам концлагерь, а слева от Могилевского шоссе в урочище Благовщина. Тогда-то и были опубликованы первые официальные данные о количестве погибших здесь людей. По версии членов комиссии, за полгода до освобождения фашисты выкапывали останки и сжигали их. По количеству пепла и был сделан вывод о числе захороненных в 34 рвах.

Но есть и другая часть заключения Чрезвычайной комиссии, о которой мало кто знает. Когда Комиссия начала работу, она вскрыла захоронения, часть из которых находились на территории нынешней свалки. Они-то и оказались

предвоенными. Раскопки были немедленно прекращены и отнесены за 300–400 м. В дальнейшем вскрывали 34 рва-траншеи.

О справедливости этой версии свидетельствуют также немало гильз от советского оружия довоенного образца, обнаруженные в 1994–1995 гг. сотрудниками музея Великой Отечественной войны в Благовщине при съемках документального фильма «Тростенец».

Это подтвердила бывший ученый секретарь музея ВОВ А. Валькевич в 1994 г. *«Как стало известно, в районе Тростенца погибло более 500 тысяч человек. Но давать гласность этим сведениям запретили члены ГЧК (Государственной Чрезвычайной Комиссии) из Москвы. Почему? Потому что, на взгляд, в это трудно было поверить... Можно было пригласить международных экспертов. Останки полумиллиона погибших не иголка в сене. И вот здесь рождается еще одна, небезосновательная мысль. А не входят ли в это число и жертвы НКВД 30-х гг.? Вспоминали же старые жители д. Большой Тростенец и Малый Тростенец стрельбу в лесу по ночам в довоенное время».*

В 1957 г. на месте предвоенных расстрелов с санкции властей совершенно сознательно была устроена городская свалка, чтобы таким образом скрыть следы преступлений. Иначе никак нельзя объяснить появление здесь этого «маскирующего объекта». Это было сделано, как ни странно, после принятия в 1950 г. и в 1956 г. решений об увековечении памяти жертв фашизма.

Сегодня уже нельзя выяснить, сколько жертв сталинского террора покоится под городской свалкой и в урочище Благовщина.

До войны на месте, обозначенном на карте как охранный зона, не находились военные объекты. Ни одного документа, подтверждающего факт расстрелов в Куропатах или в других местах, исследователям в белорусских архивах найти не удается, а архив КГБ наглухо закрыт до сих пор. По всей видимости, не будет обнаружено документов и по Тростенцу, потому что они, по всей видимости, давно уничтожены.

Нельзя не согласиться с выводами известного исследователя тростенецкой трагедии Евгения Цумарова о том, что *«сегодня небезосновательным следует считать и вероятные опасения руководства самого НКВД, что в случае «выхода» на Нюрнбергский процесс Тростенца, как захоронения большого количества граждан европейских стран, придется проводить эксгумацию с участием специалистов разных стран, а также возможные их перезахоронения на основе национальных традиций. А как же тогда отвести внимание дотошных иностранных специалистов от братских могил происхождения 1930-х гг. и июня 1941 г. Ведь они — здесь же...».*

Совершенно очевидно, что в данном случае идет фильтрация информации. О жертвах фашизма писать можно, о жертвах сталинизма — «нежелательно». Требования восстановить истину во всем объеме трактуются как политическая игра. Замалчивание, сокрытие мест захоронений и число жертв политических репрессий — аморально. Постыдно, что кто-то имеет право на могилы и память, а кто-то все еще лишен его.

К ЛИКВИДАЦИИ ПРИСТУПИТЬ

В последнее время все чаще ставится проблема интернированных, которые появились после вступления частей Красной Армии на территорию Польши 17 сентября 1939 г. Что же известно об интернированных польских военнослужащих по советским и польским материалам? Их общее число не определено. Представление о принципе формирования лагерей приблизительно. О судьбах офицеров известно только по катынским могилам Козельского лагеря (г. Козельск и Оптина Пустынь находились тогда в Смоленской области, ныне — Калужской).

Они дают возможность говорить о примерном числе погребенных. Может ли там быть 10–12 тысяч расстрелянных, как объявили гитлеровцы в 1943 г., не известно. На сегодняшний день основой определения момента гибели являются даты прекращения переписки с родственниками, данные эксгумации 1943 г., вещественные доказательства, найденные в 1943 г. гитлеровцами, но в 1945 г. уничтоженные ими.

В Войске Польском в мае 1939 г. служило 18,5 тысячи офицеров, в корпусе охраны границ — 846, в резерве — 60 тысяч, в отставке — 12 тысяч. В результате разгрома почти миллионной польской армии в сентябре–октябре 1939 г. гитлеровские войска взяли в плен более 18 тысяч офицеров и 400 тысяч солдат. Часть польской армии смогла уйти в Румынию, Венгрию, Литву, Латвию.

Другая часть польских войск сдалась Красной Армии. В сентябре 1940 г. в газете «Красная звезда» были опубликованы частичные данные об их численности — 181 тысяча солдат, примерно 10 тысяч офицеров.

Выяснить общее число интернированных поляков трудно. В документах есть свидетельства самих интернированных о том, что многие сразу же были отпущены по домам. В лагеря было заключено 130242 военнослужащих, включая лиц, переданных в 1940 г. из Прибалтики.

По международной конвенции о военнопленных и интернированных «принимающая» сторона имела право использовать рядовых и унтер-офицеров на работах. Поэтому Экономсовет СНК СССР (председатель А. И. Микоян) принял решение направить на строительство шоссе Новгород–Волынский–Львов 14 тысяч человек, на рудники и шахты Криворожского и Донецкого бассейнов 10,3 тысячи человек (Криворожский, Елено-Каракубский, Запорожский и другие лагеря).

На основе соглашения между Наркомчерметом и НКВД для жителей Западной Украины и Западной Белоруссии предусматривалась возможность перевода интернированных в вольнонаемные рабочие. Часть интернированных отказалась работать. Тогда их стали «стимулировать» различиями в нормах питания. Оплата труда определялась нормой выработки.

Сведения о выполнении норм крайне противоречивые. Более близки к истине сообщения о том, что только 10–15 % работавших выполняли и перевыполняли нормы. Это были белорусы и украинцы, «желавшие закрепиться за данным предприятием».

В октябре 1939 г. проходили переговоры между заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным и германским послом в Москве фон Шуленбургом об обмене населением, интернированными и военнопленными, поэтому органы НКВД постоянно различали среди интернированных три группы. К первой принадлежали лица, проживающие на территориях, отошедших к СССР, во второй — проживавшие на землях, отошедших к Германии; к третьей — на территориях, отошедших к Литве.

В распоряжении Берии от 3 октября 1939 г. говорилось о роспуске по домам всех солдат, жителей Западной Украины и Западной Белоруссии. «Некоторые категории солдат из этнической Польши надлежало сконцентрировать в Козельском и Путивльском лагерях впредь до особого распоряжения».

В середине октября 1939 г. правительство СССР решило произвести обмен с Германией военнопленными и интернированными. Были установлены пункты передачи: один в Белоруссии и два на Украине.

Германия принимала военнопленных, «если они жили в немецкой сфере влияния». Всего на территорию этнической Польши было репатрировано 42492 человека, «изъявивших желание выехать», как сказано в советской сводке 1941 г. Ибо, когда началась отправка интернированных к месту жительства, многие отказались ехать под власть немецко-фашистских оккупантов.

19 ноября 1939 г. последовало указание Берии о сосредоточении оставленных (или не принятых Германией) офицеров в Старобельском, Осташковском и Козельском лагерях.

В Старобельске Ворошиловградской области в бывшем монастыре и ряде зданий в городе, где проживали полковники и генералы, на 14 октября 1939 г. было 4813 рядовых и 2232 офицера (когда лагерь стал офицерским, число офицеров увеличилось до 3974 человек). Помещенные в этот лагерь активно и организованно требовали от советских властей выполнение международных конвенций о военнопленных и интернированных. Однако органы НКВД «раскрыли» там тайную антисоветско-националистическую организацию.

Осташковский лагерь, расположенный на одном из островов озера Селигер (остров Столбный, бывший монастырь Нилова Пустынь), функционировал с 28 сентября 1939 г. На 10 октября 1939 г. в Ниловой Пустыни было 184 офицера, 92 помещика, 6938 рядовых из «советских воеводств» и 1913 — из этнической Польши. Затем в Осташкове собрали исключительно чинов полиции, жандармерии, корпуса пограничной охраны, осадников и т. д. На 1 декабря 1939 г. в лагере насчитывалось 5963 человека, происходивших из этнической Польши — 3848, из западных областей СССР и Литвы соответственно 1919 и 196.

Документы дают возможность проследить три различных этапа в истории расположенного в пяти километрах от города Козельска и в двухстах километрах от Смоленска Козельского лагеря. До 1 ноября 1939 г. Козельск-1 был смешанным пересылочным лагерем на 8843 человека. Примерно 6,2 тысячи человек содержались в основном лагере, 2,5 тысячи — в филиале, расположенном в Оптиной Пустыни.

После отправки солдатских эшелонов на Запад в лагерь начали привозить офицеров. 1 ноября пришел эшелон в две тысячи человек. 3 ноября — полторы тысячи. Лагерь стал чисто офицерским. В Козельске-2 на начало 1940 г. находилось 4727 человек. В связи с тем, что лагеря были перегружены, родилось очередное предложение руководства НКВД о «дальнейшей разгрузке лагерей». Для этого 20 февраля 1940 г. Берия утвердил следующие мероприятия. Во-первых, отпустить всех лиц старше 60 лет, всех больных, инвалидов, всех офицеров запаса из советских областей — в мирной жизни агрономов, врачей, учителей, инженеров и техников (всего 700–800 человек). Во-вторых, оформить дела примерно на 400 человек для рассмотрения на Особом совещании, которое провести в НКВД УССР и БССР.

Опубликованные в 1989 г. в книге польского историка Ч. Мадайчика немецкие документы свидетельствуют, что в начале 1940 г. между СССР и Германией шли переговоры о дальнейшем обмене военнопленными. В марте 1940 г. по этому вопросу состоялась встреча представителей НКВД и гестапо, проходившая в Кракове и в Закопане. С середины апреля 1940 г. переселение беженцев и немцев возобновилось.

Мы не знаем даты совещания в Кракове, поэтому не можем сопоставить последовательность событий, происходивших в лагерях интернированных. По последовательности событий, можно судить, что в марте «в верхах» СССР решался вопрос о дальнейшем существовании лагерей.

В 1940 г. офицерские лагеря были ликвидированы. Из Козельска первый эшелон вышел 3 апреля, второй — 6 апреля, из Старобельска первый — 5 апреля 1940 г.

Сейчас стало известно, что санкцию на уничтожение тысяч ни в чем не повинных людей дало в 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б), а непосредственно приговор был вынесен Особым совещанием НКВД СССР.

Следствие, проведенное в 1990–1992 гг. следственной группой Главной военной прокуратуры, выявило, что во рвах Катыни покоятся не только офицеры польской армии. Две трети интернированных составляли офицеры запаса: инженеры, учителя, адвокаты, врачи, преподаватели вузов, лицеисты, студенты, священники (капелланы).

Генерал Владислав Андерс писал: «Москва осуществляла план обезглавливания общества». Если учесть, что в это же время из Польши (куда входила и территория Западной Беларуси) депортировались семьи обреченных на смерть, сомнений не остается: уничтожался цвет интеллигенции. Причем в Катыни погребены лишь те офицеры, которые находились в Козельском лагере. Где завершился крестный путь их товарищей из лагерей в Старобельске и Осташкове, не было известно до недавнего времени. Сегодня установлены места их казни и погребения — лесопарковая зона в Харькове и поселок Медное в Тверской области.

Раскопки в Медном окончательно подтвердили: выводы комиссии Бурденко — ложь. «Окончательно» потому, что сомнения в достоверности представленных ею материалов возникли еще на Нюрнбергском процессе, катынское дело не было включено в приговор. И это очень показательно — советская сторона решение не опротестовала.

В заключении комиссии утверждалось, что «находящиеся в трех лагерях западнее Смоленска», были уничтожены в Катыни немцами после оккупации Смоленска, в сентябре–декабре 1941 г.. Но Медное, как и сам Осташковский лагерь, не было ни дня под оккупацией. Сегодня доподлинно известно, что офицерский корпус польской армии был расстрелян НКВД в трех местах практически одновременно в апреле–мае 1940 г.

О том, как это было свидетельствуют протоколы допросов Петра Сопруненко, генерал-майора в отставке, с 1939 по 1944 г. возглавлявшего Управление НКВД по делам военнопленных, и Дмитрия Токарева — бывшего начальника Управления НКВД по Калининской области (именно здесь размещался самый крупный Осташковский лагерь).

Показания двух высоких чинов НКВД позволяют представить, как готовилось это преступление.

В марте 1940 г. на совещание к Кобулову, заместителю Берии, вызвали начальников управлений НКВД по Калининской, Харьковской и Смоленской областям, их заместителей и комендантов. *«А коменданты, чтобы вы знали, проводили в исполнение приговоры», — уточнял Токарев. Совещание носило инструктивный характер. «Кобулов нам объяснял, — свидетельствовал Токарев, — что есть указание (он, не назвал, какая это инстанция) о расстреле представителей карательных органов Польской Республики, которые были захвачены в плен при вхождении наших войск на территорию Польши и восточные ее области».*

Получив задание, Токарев прибыл к месту службы в Калинин, куда вскоре прибыла группа высших офицеров НКВД из Москвы — майор госбезопасности Синегубов, начальник Главного управления конвойных войск комбриг Кривенко, комендант НКВД Блохин. Московские гости поселились в салоне-вагоне на станции и стали готовить «операцию по разгрузке лагеря».

Офицеров польской армии предстояло перевезти из Осташковского лагеря в здание НКВД, в подвале которого находилась внутренняя тюрьма. Она и была избрана местом казни 6 тысяч человек. Следствие выявило, что применительно ко всем трем лагерям действовала одна схема, была разработана единая технология уничтожения пленных. Маршрут смерти начинался в лагере, откуда пленных вывозили эшелонами, и проходил через внутреннюю тюрьму НКВД (сюда их доставляли со станции машинами), а заканчивался во рву, отрытом экскаваторами или вручную, в недалеком лесу, чтобы за ночь машина могла сделать побольше ходок.

Перед тем как расстреливать, узников заводили в красный уголок. Здесь сверяли данные, чтобы не случилось ошибки. Когда удостоверяться, что это тот человек, который должен быть расстрелян, надевали на него наручники и вели в подвал.

Приговор в исполнение приводили около 30 человек, вся комендантская команда, надзиратели, шоферы, сам Блохин. Технология была им и отработана. Блохин, Синегубов и Кривенко привезли с собой целый чемодан «вальтеров». Наши «ТТ» не выдерживали нагрузки и быстро изнашивались от стрельбы.

В первый день расстрелов Блохин зашел в кабинет к Токареву, который вспоминает: *«Мы пошли в подвал, и я увидел весь этот ужас. Блохин надел спецобмундирование — кожаную коричневую кепку, кожаный коричневый фартук, кожаные коричневого цвета перчатки выше локтей. Я увидел палача».*

У камеры смертников был второй выход, во двор. Через него вытаскивали трупы, грузили в машины и вывозили. Грузовых машин было 5–6. Они были открытыми, но с брезентом, которым закрывали трупы после загрузки кузова. По завершении «работы» Блохин отдал водителям указание брезенты сжечь. Кровь с кузовов смывали каждый день.

Хоронили пленных, сваливая всех в одну кучу. Закапывали экскаватором «Комсомолец». «Настоящая индустрия», как выразился Токарев. Расстрелы начались, когда ночи были уже короткие. В первый раз расстреляли 300 человек. Заканчивать «работу» пришлось на восходе солнца. Торопились, но не успевали. И тогда Блохин распорядился, чтобы больше 250 человек не привозили.

После каждого расстрела Блохин выдавал «исполнителям» приговора спиртные напитки, он закупал их ящиками, в том числе и за деньги, изъятые у приговоренных к расстрелу. «Когда это грязное дело закончили, москвичи устроили в своем салоне банкет, настойчиво приглашали меня, но я не пошел» (Токарев).

Завершение дела отметили и в Москве, правда, с некоторым опозданием. 26 октября 1940 г. появился секретный приказ за подписью Берия о награждении работников НКВД за успешное выполнение специального задания месячным окладом. В списке значилось 143 фамилии. Офицеры госбезопасности, надзиратели, вахтеры, шоферы.

Награда была заслуженной. *«Мы не управлялись работать, спали всего по три часа»*, — свидетельствовал в своих показаниях Митрофан Сыромятников, старший по корпусу харьковской внутренней тюрьмы НКВД. Ему можно верить: он и другие его «коллеги» копали могилы, грузили трупы на машины, заматывали шинелями головы убитых, чтобы не кровоточили.

В лесных угодьях, принадлежавших харьковскому НКВД, выкапывались большие ямы с таким расчетом, чтобы в них могли въехать задним ходом крытые грузовики. Маршрут конвоирам был знаком: из центра города — по Белгородскому шоссе, затем поворот на грунтовку, издавна именуемую «черной дорогой». Не один год сюда свозили трупы расстрелянных в подвалах харьковского НКВД.

Однако, если до сих пор дневной «нагрузкой» было до десятка трупов, то на исходе 1939 г. стали привозить едва ли не полные кузова. Назад грузовики шли порожняком. Слова из показаний, как, впрочем, и документы, следовало проверить, ведь архивы были частично уничтожены, записи могли быть искажены.

Проведенная эксгумация подтверждает приведенные факты. Для ее проведения вырыли десятки ям на площади в несколько гектаров. В некоторых оказались только кости и обувь — сапоги и калоши с маркировкой «Красного треугольника». Это — наши. Видимо, перед расстрелом людей

заставляли раздеваться донага. Уничтожение соотечественников велось продуманно, чтобы не оставалось следов. Но калоши превратились в вещественные доказательства.

Польских офицеров же, по всей видимости, спешили убивать быстрее — только этим можно объяснить то, что офицеров не подвергали унижительной процедуре раздевания. Из ям были извлечены золотые вещи с символикой, характерной для католиков. Были обнаружены, в частности, личные медальоны и чудом сохранившиеся персональные документы. Благодаря этому удалось сразу же узнать имена семерых погибших. Их сравнили со списками поляков из архивов НКВД. Эти офицеры значатся в них. Таким образом, подтверждено, что в лесу под Харьковом те самые, объявленные «пропавшими», командиры польской армии.

Извлечено множество простреленных черепов. Со следами пуль и кости ног. Криминалисты объясняют это так. После зачитания приговора многие из тех, кого привозили живыми, пытались бежать. Их косили из пулемета по ногам, а затем уже добивали из наганов.

Найдены гильзы от оружия, оно находилось на вооружении НКВД. Достаточно точно можно судить и о времени расстрелов. Это вторая декада декабря 1939 г., на что указывают обнаруженные обрывки газет с датами.

В Козьих Горах в катынском лесу размещались дачи Смоленского УНКВД. Окрестности Медного — территория дачного поселка работников органов госбезопасности Тверской области. 6-й квартал лесопарковой зоны в Харькове выбран для пансионата ФСБ РФ. Расчет у «строителей» был чисто практический — принадлежность к ведомству НКВД–МГБ–КГБ наглухо перекрывало вход в эти места всем посторонним.

Раскрыть причины катынской трагедии позволяет анализ международной обстановки весны 1940 г. В СССР это было время второй волны депортаций из западноукраинских и западнобелорусских земель, время наиболее жестких высказываний против польских политических партий и их представителей. В апреле 1940 г. войска гитлеровской Германии начали наступление на Западе. «Странная война» кончилась. С 9 апреля до 20 июня 1940 г. пали Дания, Норвегия, Бельгия, Франция. Использовали ли органы НКВД СССР события в Европе для прикрытия своих преступных акций или чекисты освобождали территорию будущих военных действий от «контрреволюционных элементов»?

Остается не выявленной связь между ликвидацией лагерей и депортацией с комплексом проблем советско-германских отношений. Ответ на этот вопрос, возможно, даст работа польской комиссии, если ей будет дано право на проведение эксгумации захоронений.

ЗАГОВОР ВОЕННЫХ

«Дело военных» — так назвала мировая печать судебный процесс над военачальниками Красной армии, проходивший в Москве летом 1937 г. Осуществленные И. В. Сталиным и его ближайшим окружением массовые репрессии в армии накануне второй мировой войны нанесли огромный ущерб Советским Вооруженным Силам, всей обороноспособности советского государства.

Внутриполитическая обстановка в стране во второй половине 1930-х гг., обострение и расширение репрессий вызвали у И. В. Сталина определенные опасения в отношении позиции крупных военачальников, авторитет которых в народе и армии был очень высоким еще со времен гражданской войны. Их глубокий профессионализм, независимость в суждениях, открытая критика выдвиженцев И. В. Сталина — К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, Е. А. Щаденко и других, не понимавших необходимости создания современной армии, вызывали раздражение, подозрительность и опасения, что армия может проявить колебания в поддержке проводимого им курса. Отсюда стремление убрать из армии всех колеблющихся, всех, кто вызывал у И. В. Сталина и его ближайшего окружения хоть малейшие подозрения.

В декабре 1936 г. шеф германской службы безопасности (СД) Гейдрих был вызван к Гитлеру с очередной разведывательной сводкой по СССР. В ответ на упреки фюрера, что разведка работает все еще вяло, не оказывает нужного влияния на развитие политических событий в мире, Гейдрих сообщил, что имеется возможность попытаться «обезглавить Красную Армию», скомпрометировав группу ее высших офицеров, и прежде всего маршала Тухачевского.

Сведения о якобы зреющей измене в Красной Армии были получены СД от бывшего генерала русской царской армии Н. Скоблина, активного врага Советской власти, проживавшего во Франции.

Вернувшись после беседы с Гитлером в штаб-квартиру гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, 8, Гейдрих потребовал к себе А. Науйока, руководителя подразделения, занимавшегося изготовлением фальшивых документов, и в общих чертах обрисовал суть замысла. Письмо, как заявил Гейдрих, набросает Беренс, а гравер выведет под ним подпись Тухачевского.

Текст со всей определенностью укажет на то, что сам маршал и кое-кто из его коллег в Красной Армии состоят в тайной связи с некоей группой немецких генералов-противников фашистского режима. Что те и другие замышляют захват власти в своих странах. Досье с фотокопиями документов, похищенных якобы из архивов СД, будет передано русским, у которых должно сложиться впечатление, что в отношении замешанных в этом деле немецких генералов предпринято расследование.

Предполагалось, что сфабрикованное досье будет заключать в себе несколько писем, донесений, а также служебных записок сотрудника, занимавшегося расследованием связей представителей немецкого штаба верховного главнокомандования и Красной Армии, сводки тайно подслушанных телефонных разговоров.

Основным в наборе фальшивок должно было быть «личное» письмо Тухачевского, содержащее намек на предшествующую переписку. В документах, относящихся к разным периодам времени, будут упоминаться фамилии сторонников Тухачевского среди советских военачальников, а также связанных с ними немецких генералов, оппозиционность которых по отношению к нацистской партии не могла быть более терпима.

Так началась работа по подготовке грандиозного политического подлога. Все делалось в строжайшей тайне. В СД была организована специальная оперативная группа. Возглавил ее Беренс.

Вскоре Гейдриху было представлено досье, просмотрев которое он отметил, что «письмо Тухачевского» составлено в стиле, очень характерном для маршала, выполнено на соответствующей бумаге с русским водяными знаками. Слева на полях имелись карандашные пометки, «еще более явно свидетельствующие о вине Тухачевского, нежели сам текст письма». В «документах» содержались упоминания об имевших место ранее беседах и переписке и «ясные намеки на то, что Красная Армия и вермахт были бы несравненно сильнее, если бы им удалось освободиться от давящей на ними тяжелой партийной бюрократии».

Досье было представлено Гитлеру. Перелистывая его, фюрер нашел план операции «в целом логичным, хотя и абсолютно фантастическим».

В конце января — начале февраля 1937 г. (это подтвердит впоследствии тогдашний президент Чехословацкой республики Эдуард Бенеш) чехословацкий посланник в Берлине Мастны информировал свое правительство об очередной беседе с немецким дипломатом, упорно добивавшимся ответа на вопрос о том, как поведет себя Прага в случае войны между Германией и Францией. Желая, очевидно, припугнуть чехословацкое правительство, немецкий дипломат «доверительно» намекнул, что группа генералов вермахта развивает контакты с некоей влиятельной группировкой в Красной Армии и есть основания полагать, что в ближайшее время в СССР произойдет смена руководства, которая непременно повлечет за собой изменение расстановки сил в Европе в пользу нацистской Германии. Опытный Гейдрих решил продублировать свой маневр.

Используя имевшиеся у СД среди русской эмиграции агентурные подходы к правительственным кругам Франции, Гейдрих добился того, чтобы аналогичная информация дошла до ушей военного министра Эдуарда Даладье. Последний, всерьез обеспокоенный возможностью крутого поворота в политическом курсе Москвы, обратился к руководителю советского посольства в Париже за разъяснением, в какой мере можно верить дошедшим до него слухам о подозрительных связях между немецким вермахтом и командованием Красной Армии.

То, что подобная дезинформация действительно распространилась в Париже, свидетельствует телеграмма тогдашнего полпреда СССР во Франции В. П. Потемкина в наркомат иностранных дел и рассекреченная в 1989 г. в числе других документов, относящихся к «делу Тухачевского»: *«Даладье пригласил вашего полпреда для беседы, в ходе которой сказал, что из надежного источника им стало известно о планах германских кругов осуществить государственный переворот в СССР. Предположительно опорой должны служить лица из командного состава Красной Армии, враждебно настроенные к руководителям страны. Германия намерена заключить с новым режимом военный союз, направленный против Франции. Даладье ссылается на то, что такого же рода сведения получены французскими военными кругами от русских эмигрантов. Он предупредил, что более конкретными сведениями не располагает».*

Считая, что маневр удался и цель достигнута, Гейдрих приступил к завершающему этапу операции. Он направил особо ответственного сотрудника СД в Прагу. Сотрудник СД имел задание войти в контакт с кем-либо из лиц, близко стоявших к Бенешу, и довести до него информацию о существовании документов, обличавших Тухачевского в причастности к заговору. *«Бенеш немедленно сообщил все, о чем ему стало известно, Сталину»*, — пишет У. Черчилль в своих воспоминаниях. Вскоре посредник Бенеша предложил представителю Гейдриха связаться с сотрудником советского полпредства в Берлине.

Сотрудник тотчас же вылетел в СССР и возвратился со специальным курьером, имевшим полномочия вести переговоры о выкупе фотокопий материалов досье. Названная сумма вознаграждения в размере 500 тысяч марок была немедленно уплачена. Фотокопии документов, якобы хранившихся в сейфе гитлеровской службы безопасности, перекочевала в Москву.

Безусловно, не подлог нацистов вызвал «чистку» и разгул репрессий в офицерском корпусе Красной Армии. К тому моменту аресты среди военных приняли уже широкие масштабы. И сфабрикованные нацистами материалы послужили удобным «основанием» для обвинения в «сговоре» и «измене» высшего командного состава Красной Армии. Грязная фашистская авантюра лишь ускорила наступление роковой развязки в трагической судьбе Михаила Тухачевского.

Развязка

Их было восемь: Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, командармы 1 ранга И. П. Уборевич и И. Э. Якир, командарм 2 ранга А. И. Корк, комкоры В. М. Примаков, В. К. Путна, Б. М. Фельдман и Р. П. . Все они активные участники гражданской войны, видные командиры Красной Армии, отмеченные высокими наградами. Им было предъявлено чудовищное обвинение в измене Родине, шпионаже, вредительстве.

Первыми из них были арестованы комкоры Примаков и Путна. Обоим было предъявлено обвинение в принадлежности к боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации. На пятый день после ареста, 25 августа 1936 г., Путна заявил, что участником этой организации не является и об ее деятельности ему ничего неизвестно. Это зафиксировано в протоколе допроса, но вместо подписи Путны следует странная приписка, сделанная им собственноручно: *«Ответы в настоящем протоколе записаны с моих слов верно, но я прошу освободить меня от необходимости подписывать этот протокол, т.к. зафиксированное в нем отрицание моего участия в деятельности зиновьевско-троцкистской организации не соответствует действительности»*.

На следующем допросе, состоявшемся 31 августа, и на очной ставке с Радеком 23 сентября Путна признает, что состоит в организации еще с 1926 г., что, будучи военным атташе в Германии и Англии, встречался с сыном Троцкого Седовым, от которого получал поручения Троцкого организовать террористические акты против Сталина и Ворошилова.

В деле Примакова зафиксировано, что он до самого мая 1937 г., в течение 9 месяцев, категорически отрицал свою причастность к заговору. На допросе 10–11 сентября 1936 г. признал лишь, что со своими старыми друзьями вел разговоры *«носящие характер троцкистской клеветы на Ворошилова, но никаких террористических разговоров не было. Были разговоры о том, что ЦК сам увидит непригодность Ворошилова...»*.

Но уже 8 мая 1937 г. он пишет Ежову: *«В течение 9 месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации и в этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро, перед товарищем Сталиным продолжал запираяться и всячески уменьшать свою вину. Товарищ Сталин правильно сказал, что Примаков — трус, запираяться в таком деле — это трусость. Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 г., я ... начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полное показание...»*.

На допросе 21 мая, отвечая на вопрос, кто возглавлял заговор, сказал: *«Якир и Тухачевский... От Якира я слышал отрицательные отзывы о коллективизации. И всегда под видом шуток... Осенью 1934 г. я лично наблюдал прямую прочную связь (?) Тухачевского с участниками заговора Фельдманом, Ефимовым, Корком, Геккером, Гарькавым, Аппогой, Розынко, Казанским, Ольшанским, Туровским. Эта группа и есть основной актив заговора»*.

Все остальные обвиняемые из этой группы были арестованы с небольшими интервалами в течение второй половины мая 1937 г. Если верить следствию, Корк, Фельдман и дали признательные показания на первых же допросах. Якир и Уборевич некоторое время сопротивлялись.

30 мая Якира допросил сам Ежов. И на следующий день в 21 час Якир написал на имя Ежова: *«Я не могу больше скрывать свою преступную антисоветскую деятельность и признаю себя виновным... Вина моя огромна, и я не имею никакого права на снисхождение»*. 1 июня на 22 листах Якир собственноручно пишет признание и раскаяние. Называет много соучастников заговора. Затем его допрашивают 3, 5, 7 июня.

9 июня ему предъявляют под расписку обвинительное заключение. А 10 июня он пишет большое собственноручное письмо на имя Ежова и заканчивает его так: *«Я был в очень хороших отношениях с огромным количеством командиров и политработников... Боюсь, чтобы на этих отношениях не построили на местах обвинения и не создали бы обстановку недоверия»*.

Вот тут Якир, что называется, как в воду глядел. После суда над ним и его товарищами по несчастью по делу «военно-фашистского заговора» было репрессировано 108 руководящих работников армии и флота.

Уборевич был несколько сдержанней. Письмо Ежову, предусмотренное, по-видимому, сценарием следствия, он тоже написал. Признался, что политику коллективизации считал неправильной и сочувствовал правым; что деятельность Ворошилова, как и все заговорщики, не одобрял; что лично

вовлек в заговор 12 человек и, кроме того, рассчитывал в реализации своих планов поражения Красной Армии на других, не посвященных в заговор.

В следственном деле Фельдмана лежит записанный его рукой и, видимо, продиктованный ему план нужных следствию показаний в собственноручном изложении обвиняемых.

Скупее всех на вопросы следствия отвечал Уборевич.

Если верить протоколам, то все следствие по столь тяжкому, чреватому смертным приговором делу, шло без сучка и задоринки. Лишь изредка следователь очень корректно напоминает: *«Вы говорите не всю правду»*. И тут же подследственный выдает еще несколько страниц разоблачительного и самобичующего текста.

Маршал

Тухачевского арестовали 22 мая в Куйбышеве, куда он только что прибыл из Москвы на должность командующего войсками Приволжского военного округа. При обыске были изъяты ордена, маузер, ружье, семь шашек, стереотруба, бинокль.

И сразу после этого в деле следует собственноручное заявление Тухачевского, адресованное капитану госбезопасности Ушакову: *«Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путна, и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания без малейшего утаивания чего-либо из своей вины в этом деле, а равно из вины других лиц заговора»*.

Заявление датировано 26 мая, четвертым днем после ареста. Этой же датой помечены еще два документа, тоже собственноручно исполненных — заявление наркому внутренних дел Ежову. Вот что в заявлении Ежову: *«Будучи арестован 22 мая, прибыв в Москву 24, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающиеся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа. Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алуфузо, Примаков, Путна, и др., о чем я подробно покажу дополнительно»*.

Тухачевский пишет, что в 1932 г. у него были большие неудовольствия его положением в наркомате. Тогда и появилась мысль с помощью давнего своего сослуживца Фельдмана, возглавлявшего в наркомате кадровую работу, отобрать группу лиц высшего комсостава, которая могла бы обеспечить большее влияние его, Тухачевского, в армии.

Первоначально в этой организации троцкистского влияния не было, но в дальнейшем оно было привнесено Путна и Примаковым, которые бывали за границей, где поддерживали связь с Троцким. Цель заговора — захват власти в армии. Вдохновителем его был Енукидзе, который доверял Тухачевскому и гордился им как своим выдвинутцем (Тухачевский начал службу в Красной

Армии в 1918 г. в военном отделе ВЦИК, которым заведовал в то время Енукидзе). Старались вредить в области вооружений.

27 мая Тухачевский собственноручно обращается с заявлением к Ушакову, где раскаивается в том, что во вчерашних показаниях сказал не все: *«Но т.к. мои преступления безмерно велики и подлы, поскольку я лично и организация, которую я возглавлял, занимались вредительством, диверсией, шпионажем и изменяли родине, я не мог встать на путь чистосердечного признания всех фактов... Прошу предоставить возможность продиктовать стенографистке, причем заверяю вас честным словом, что ни одного факта не утаю...»*

Сегодня можно сказать наверняка, что обещанные Тухачевским в заявлении Ежову от 26 мая «факты и документы» в деле отсутствуют.

Невинные жертвы имеют обыкновение взывать о возмездии. Настигло оно и капитана госбезопасности Ушакова (Ушамирского) Зиновия Марковича. Он сам был в 1938 г. арестован, признался на следствии в том, что являлся агентом германских разведорганов, был приговорен к высшей мере и расстрелян.

В собственноручных показаниях, жалуясь на избиения, Ушаков писал, что он сдался физически, т. к. не выносил не только побоев, но и напоминания о них. Далее я цитирую: *«Можно смело сказать, что при таких избиениях волевые качества человека, как бы они ни были велики, не могут служить иммунитетом от физического бессилия, за исключением, быть может, отдельных редких экземпляров людей... Мне казалось ранее, что ни при каких обстоятельствах я бы не давал ложных показаний, а вот вынудили меня... Мне самому приходилось бить в Лефортовской врагов партии и Советской власти, но у меня не было никогда такого представления об испытываемых муках и чувствах».*

Далее Ушаков писал с гордостью, что он выбил из Фельдмана показание о военном заговоре, на основании которого 21 или 22 мая состоялось решение ЦК об аресте Тухачевского и ряда других. Рассказывая и дальше о своих «заслугах», Ушаков похвастался, что даже в день процесса, рано утром, он отобрал от Тухачевского дополнительное показание об Апанасенко и некоторых других. Когда арестованные Аронштам и Фишман ничего не рассказали другим следователям, Ушаков попросил передать их ему и уже на следующий день имел то, чего добивался.

Применялись изощренные методы не только физического, но и морального воздействия на арестованных. В протоколе допроса в качестве свидетеля бывшего работника особого отдела Вула А. М. от 2 июля 1956 г. есть такая подробность. *«Лично я, — показал свидетель, — видел Тухачевского в коридоре дома 2, когда его вели на допрос к Леплевскому. Одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был надет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унижить его».*

Суд

Заседание Специального судебного Присутствия Верховного Суда СССР, состоялось 11 июня 1937 г. Председательствовал армвоенюрист В. В. Ульрих.

Подсудимым разъяснили, что дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г. Это означало, что участие защитника в судебном процессе исключается, приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Стенограмма содержала всего несколько страниц, свидетельствовавших о примитивности разбирательства, хотя обвинения были многочисленными и тяжкими. Тот факт, что «процесс» длился один день, говорил сам за себя. Пересказывать все содержание стенограммы нет необходимости. Чтобы лучше представить себе, какие показания давали подсудимые, мы их сгруппировали. И вот что получилось.

Тухачевский прежде всего заявил: *«У меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к отечеству, которое с гражданской войны защищал... Что касается встреч, бесед с представителями немецкого генерального штаба, их военного атташе в СССР, то они носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах. Немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащении. До прихода Гитлера к власти наши отношения с Германией были взаимно заинтересованные».*

Аналогичные показания об отношении к Родине дали Уборевич, Корк, Фельдман, Якир, Путна. Якир сообщил, что учился в 1929 г. в академии генерального штаба Германии, читал там лекции о Красной Армии, а Корк некоторое время исполнял обязанности военного атташе в Германии.

Разделяли ли подсудимые взгляды лидеров троцкизма, правых оппортунистов, их платформы? На этот вопрос Тухачевский ответил: *«Я всегда, во всех случаях выступал против Троцкого, точно так же выступал против правых».*

Путна не отрицал «наличие связей» со Смирновым, Фельдманом, Пятаковым. Характер этих связей не выяснялся.

Было выдвинуто и другое тяжкое обвинение — вредительство с целью ослабления мощи Красной Армии. Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич разъяснили, что строительство военных объектов, реконструкция железнодорожных узлов, формирование воздушно-десантных частей, действительно, шло медленно. Были недостатки и упущения в боевой подготовке войск. Тухачевский пояснил: *«Если бы немного поднажали и дополнительные средства нам дали, наше положение чрезвычайно сильно выиграло бы».*

Вредительство со стороны Тухачевского и активно поддерживавших его Уборевича и Якира расценивалось как настойчивое внедрение концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию. С резким осуждением такой концепции выступил на суде С. М. Буденный.

Ульрих неизменно спрашивал: *«Вы подтверждаете показания, которые давали на допросе в НКВД?»* Когда Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич

пытались что-то разъяснить, Ульрих обрывал: *«Вы не читайте лекций, а давайте показания»*. Однако подсудимые продолжали утверждать, что они правы, что будущая война будет войной моторов.

Был ли у подсудимых сговор по поводу отстранения К. Е. Ворошилова от руководства Красной Армией? Тухачевский, Уборевич, Корк, Путна признали, что разговоры об отстранении Ворошилова между ними велись. Уборевич уточнил: *«нападать на него по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что крепко выступит против Ворошилова в правительстве»*.

Почему хотели выступить против Ворошилова? Какие ошибки и упущения могли быть поставлены в вину наркому? На суде этого не выясняли. Желание же подсудимых обратиться в правительство расценили как вынашивание террористических намерений в отношении Ворошилова.

Когда подсудимым предоставили последнее слово, все они, за исключением Примакова, заявили о своей преданности делу революции, Красной Армии, лично товарищу Сталину.

Невероятным по своему содержанию оказалось последнее слово Примакова: *«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек-заговорщиков, которых завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть, из каких групп он состоит, его руководство, центр. Люди, входящие в заговор, не имеют глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина: у Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевич — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, — с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...»*.

Организаторы этого судилища пришли в восторг. Торжествовал и следователь Авсеевич, подготовивший Примакова к такой речи в суде.

Каким мог быть приговор? Его содержание было предрешено приказом наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 г.

В нем сообщалось: *«С 1 по 4 июня с.г. в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. На заседании Военного совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой Народным комиссариатом внутренних дел предательской контрреволюционной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую, подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии»*.

11 июня 1937 г. Специальное судебное присутствие Верховного Суда Союза ССР признало всех подсудимых виновными в нарушении воинского долга и присяги, измене Рабоче-Крестьянской Армии, измене Родине и постановило всех подсудимых лишить воинских званий и приговорить всех к расстрелу.

12 июня 1937 г. приговор был приведен в исполнение. Для чего же был затеян весь этот липовый, жестокий и циничный процесс? Ведь для вынесения смертного приговора не имели реального значения никакие логические, вещественные или документальные доказательства существования «военного троцкистского центра», потому и не были допущены к участию в процессе ни прокурор, ни адвокат, ни свидетели.

Сталин занимался этим делом лично. Раньше об этом можно было догадываться, теперь, по письму Примакова, можно считать установленным. Ему было достаточно агентурной информации о том, что обвиняемые не верили в успех его детища — коллективизации, да еще помышляли спихнуть его дружка Ворошилова. Так они, чего доброго, и на него самого могли замахнуться. А недовольство Сталиным зрело и в партии, и в обществе, он не мог не знать этого.

Из определения ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

№ 4н-0280/57

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР в составе: председательствующего — генерал — лейтенанта юстиции Чепцова А.А. членов: полковника юстиции Борисоглебского В. В. и полковника юстиции Лихачева П. А., рассмотрела в заседании от 31 января 1957 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР на приговор Специального судебного Присутствия Верховного Суда

СССР от 11 июня 1937 г., которым осуждены по ст. ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества и лишением присвоенных им воинских званий —

1.Тухачевский Михаил Николаевич, 1893 года рождения, бывший Зам. Наркома Оборонны СССР, Маршал Советского Союза;

2.Корк Август Иванович, 1888 г. рождения, бывший начальник Академии им. Фрунзе, командарм 2 ранга;

3.Якир Иона Эммануилович, 1896 г. рождения, бывший командующий войсками Киевского военного округа, командарм 1 ранга;

4.Уборевич Иероним Петрович, 1896 г. рождения, бывший командующий войсками Белорусского военного округа, командарм 1 ранга;

5.Путна Витовт Казимирович, 1893 г. рождения, бывший венный атташе СССР в Великобритании, комкор;

6. Роберт Петрович, 1895 г. рождения, бывший председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР, комкор;

7.Примаков Виталий Маркович, 1897 г. рождения, бывший Заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, комкор;

8.Фельдман Борис Миронович, 1890 г. рождения, бывший начальник Управления по начсоставу РККА, комкор.

Анализ показаний осужденных дает основание сделать вывод о том, что эти показания о руководящем центре «заговора», о составе участников заговора и времени его возникновения являются вымышленными и не отвечающими действительности.

Также неконкретны и противоречивы показания осужденных о вредительстве, о подготовке террористических актов против руководителей Партии и Правительства и о шпионских связях с иностранными разведками. Все эти показания представляют собою голословные утверждения в общей форме, без подкрепления их фактами и какими-либо объективными данными.

Все усилия следствия, как это видно из материалов дела, были направлены лишь к одной цели — добиться от арестованных признания ими своей вины.

Заслушав доклад Лихачева П. А.и заключение Зам. Главного Военного Прокурора — полковника юстиции Терехова Д. П. об отмене приговора и прекращении дела, УСТАНОВИЛА:

Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Путна, Примаков и Фельдман судом были признаны виновными в том, что они, являясь руководителями «военно-фашистского заговора» в Красной Армии и, будучи организационно связанными с антисоветским правотроцкистским центром, готовили свержение советской власти путем вооруженного восстания и поражения СССР в будущей войне в целях восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отторжения от СССР части территории в пользу Германии и Японии.

В этих целях они систематически передавали германскому генеральному штабу совершенно секретные сведения, проводили вредительскую работу в области боевой подготовки и оснащения Красной Армии и в оборонной промышленности, а также создали террористические группы для подготовки террористических актов против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, изучив материалы дела и дополнительной проверки, считает бесспорно установленным, что уголовное дело в отношении Тухачевского, Корка, Якира и других по обвинению их в антисоветской деятельности было сфальсифицировано.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 373–378 УПК РСФСР ОПРЕДЕЛИЛА:

приговор Специального судебного Присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 г. в отношении Тухачевского Михаила Николаевича, Корка Августа Ивановича, Якира Ионы Эммануиловича, Уборевича Иеронима Петровича,

Путна Витовта Казимировича, а Роберта Петровича, Примакова Виталия Марковича и Фельдмана Бориса Мироновича отменить и настоящее дело в силу ст. 4. п.5 УПК РСФСР, то есть за отсутствием в их действиях состава преступления, производством прекратить.

Председательствующий А. А. Чепцов

Члены военной коллегии В. В. Борисоглебский

П. А. Лихачев

ДОНОСЫ

Сталин требовал не только подчинения, но и соучастия. Отсюда — душевный кризис, который так хорошо описал Пастернак в 1937 г. в устной беседе с доктором Нильсоном: «... они однажды пришли ко мне... с какой-то бумагой, где было написано, что я одобряю решение партии о казни генералов. В каком-то смысле это было доказательство того, что мне доверяют. Они не приходили к тем, кто был в списке подлежащих уничтожению. Моя жена была беременна. Она плакала и умоляла меня подписать эту бумагу, но я не мог. В тот день я взвесил все и попытался установить, сколько у меня шансов остаться в живых. Я был убежден, что меня арестуют — пришел и мой черед. Я был к этому готов. Вся эта кровь была мне ненавистна, я больше не мог терпеть. Но ничего не случилось. Меня, как выяснилось впоследствии, косвенным путем спасли мои коллеги. Никто не осмелился доложить высшему начальству, что я отказался поставить свою подпись».

Такое нравственное величие было доступно немногим. Но что значил молчаливый индивидуальный протест по сравнению с гигантскими митингами, которые одобряли казнь генералов? Никаких признаков оппозиции или даже нейтралитета не было. Все тонуло в массовом подражании энтузиазму. Даже дети и родственники осужденных публично отрекались от своих родителей.

Разрушение семейных связей было осознанной целью Сталина. Когда в ноябре 1938 г. Сталин ликвидировал руководство ВЛКСМ во главе с Косаревым, он жаловался на то, что организации «не хватает бдительности». По мнению Сталина, комсомол слишком много внимания уделял исполнению устава, который провозглашает эту организацию политической школой для будущих коммунистов. Сталин считал, что хорошему молодому коммунисту нужна не политическая подготовка, а качества энтузиаста-стукача.

Много доносов было сделано из страха. Любой человек, который слышал неосторожно сказанное слово и не сообщил об этом, мог поплатиться сам. Членов партии, которые не могли отыскать «врагов народа» среди своих знакомых, «прорабатывали» на собраниях за «недостаток бдительности». Иногда случалось и такое: разговор между старыми знакомыми становился вдруг слишком откровенным и заканчивался тем, что они доносили друг на друга. Только старые, испытанные друзья могли вести беседы, которые хоть немного отклонялись от официальной линии.

Отбор был очень тщательным. Илья Эренбург рассказывает в своих воспоминаниях, что у его дочери был пудель, который научился закрывать дверь гостиной, как только разговор гостей становился приглушенным. Он получал за свою бдительность кусочек колбасы и научился безошибочно распознавать характер разговора.

Но не все сознательные граждане безотказно выполняли свой стукаческий долг. В своей книге «Я выбрал свободу» Кравченко приводит такой эпизод: *«Директор одного предприятия подвез как-то на своей машине мать «врага народа», старую женщину, после чего его шофер сказал: «Товарищ директор, я, может быть, сукин сын, который должен сообщать обо всем, что видит и слышит. Но клянусь собственной матерью, на этот раз не скажу ни слова. Моя мать — простая женщина, а не такая интеллигентная дама. Но я ее люблю, и спасибо вам, Виктор Андреевич, говорю как русский — русскому». И действительно, об этом инциденте никто не узнал, хотя впоследствии директору были инкриминированы различные «серьезные преступления».*

Если нацизм способствовал выходу наружу садистских инстинктов, учредив это законодательным порядком, то сталинский тоталитаризм автоматически поощрял подлость и злопыхательство. Даже сегодня в печати можно натолкнуться на заметки об «особо сознательных» гражданах, которые сообщают в милицию о проступках (истинных или воображаемых) своих сограждан и в результате добиваются их высылки в отдаленные районы.

Во времена Сталина это было общепринятой практикой. Интриганы, вызывающие склоки дома и на работе, авторы анонимных писем могут причинить неприятности в любом обществе. При Сталине эти люди процветали.

Деятельность доносчиков разрослась до невероятных размеров. Нередкими были сообщения в советских газетах, что, например, один человек донес на 69 человек, а другой — на 100 и т. д. В одном из городов член партии «разоблачил» всю свою организацию.

На XVIII съезде партии, когда «перегибы», допущенные во время чисток, подвергались запоздалой и частичной критике, огласили рассказ одного доносчика о том, как ему удалось добиться снятия пятнадцати секретарей местных партийных организаций. Другой известный клеветник из Минска, как сообщалось на съезде, обратился с такой просьбой: *«Я выбился из сил в борьбе с врагами, а поэтому прошу путевку на курорт».*

Некоторые совершенно бредовые доносы вели к невероятным результатам, анонимные письма представляли собой просто злопыхательские выдумки, но они достигали цели. Вот пример: некто Силаков дезертировал из Красной Армии, а затем сдался.

Он рассказал о том, что планировал налет на почтовое отделение, чтобы достать деньги для террористической организации, но потом решил добровольно отдать себя в руки советской власти. НКВД этого было мало. Силакова избили, и после этого была выработана другая версия, в которой фигурировал уже не только он сам и его друзья, но целое военное подразделение. Во главе заговора стоял теперь не Силаков, а его командир.

Они намеревались совершить террористические нападения на членов правительства. Почти все подразделение, от командира до шоферов, было арестовано, причем многие — вместе с женами. В дело были вовлечены также обе сестры Силакова, его старая больная мать и его отец. Привлекли даже дядю, который всего один раз виделся с племянником, но он был унтер-офицером в царской армии. По новой версии дядя превратился в «царского генерала».

Это нелепое дело раздулось до такой степени, что «в минской тюрьме не осталось ни одной камеры, где бы не сидел человек, связанный с заговором Силакова». После падения Ежова, Силаков и все осужденные вместе с ним были допрошены заново. Им была дана возможность отказаться от своих показаний. Некоторые на это не соглашались, опасаясь ловушки, и тогда с ними пришлось говорить по-другому. Этих людей насильно заставили отказаться от ложного признания своей вины в преступлении, которое грозило им смертной казнью. В результате сам Силаков был приговорен к трем годам тюремного заключения, но лишь за дезертирство.

Доносительство процветало не только на любительской добровольной основе. НКВД повсеместно организовал специальную сеть «сексотов» (секретных сотрудников), которые вербовались из местного населения.

Сексоты разделялись на две группы: в первую входили добровольцы, откровенные подонки и злопыхатели, которые хотели досадить своим знакомым, и «идеалисты», уверенные в том, что они работают для блага «дела». Вторую группу составляли сексоты по принуждению; часто этим людям обещали облегчить судьбу их родственников, находящихся в тюрьме. Они надеялись, что будут говорить правду и не доставят неприятностей своим друзьям. Но это был самообман: нажим становился все сильнее и сильнее.

Сексота, который не поставлял информации, автоматически брали на подозрение. А поскольку население в целом научилось держать язык за зубами, доносчикам приходилось все больше сообщать о безобидных поступках и словах, по-своему истолковывать или просто выдумывать, чтобы удовлетворить одолевающую НКВД жажду заговоров.

В воспоминаниях очевидцев есть история о том, как один сексот стал убежденным коммунистом. Он не смог вступить в партию из-за прошлых связей с Белой армией, и поэтому решил служить делу коммунизма единственным доступным ему способом. Вначале он старался соблюсти беспристрастность. Он всего лишь выполнял свой долг, а это всегда приятно. Когда ему удавалось преодолеть угрызения совести, личные склонности и антипатии, он чувствовал себя настоящим героем. Но одних намеков на враждебное отношение к правительству было недостаточно.

Сотрудники НКВД прекрасно знали, что в эту категорию попадает широкий слой населения, и требовали новых конкретных сведений. Сексот попытался сопротивляться, но был сам обвинен в том, что скрывает факты. И он начал по-своему «истолковывать» подслушанные разговоры, пока всякое различие между правдой и ложью не стерлось у него в уме. Но, несмотря на это, он был на плохом счету, потому что пытался сохранить в своих доносах подобие

убедительности. Его измышления казались начальству слишком сдержанными, и он сам был арестован.

Любой отчет о работе советского учреждения, научно-исследовательского института и т. д., даже до Большого террора, говорит о том, что жизнь в нем представляла собой клубок интриг. То же самое, наверное, можно сказать о многих других странах. Но средства, доступные интригану в советских условиях, делали его гораздо более опасным. Для того, чтобы продвинуться, нужно было «компрометировать» других, добиваться их исключения из партии, а зачастую и ареста. Это был общепринятый способ служебного продвижения. Объектом мог быть соперник, чье положение казалось слишком прочным, или же один из его подчиненных, с помощью которого можно было очернить начальника. По самым приблизительным подсчетам, каждый пятый сотрудник советского учреждения в те годы был в той или иной форме осведомителем НКВД.

Сталин неуклонно разбивал все формы «солидарности» товарищества, за исключением тех, которые были созданы на основе личной преданности ему самому. Террор полностью разрушил личное доверие. Больше всего пострадали организационные и коллективные связи, которые все еще существовали в стране после 18 лет однопартийного правления.

Самой могущественной и важной организацией, требующей приверженности по отношению к своим идеалам, была партия или, точнее, ее досталинский состав. Затем — армия. Потом уж — интеллигенция, которая справедливо считалась потенциальным носителем еретических идей. Все эти групповые «приверженности» возбуждали особенно яростную реакцию.

Когда Сталин стал действовать против всего народа, он был совершенно логичен. Только такими методами можно было раздробить общество, уничтожить всякое доверие и всякую преданность, за исключением преданности ему самому и его ставленникам.

Только самые закадычные друзья могли намекнуть друг другу о несогласии с официальными взглядами. Рядовой советский гражданин не мог определить, в какой степени официальная ложь «срабатывает». Такой человек думал, что он, вероятно, принадлежит к разбросанному и беспомощному меньшинству, что Сталин выиграл свою битву, уничтожив представление о правде в умах людей.

Но не все приписывали вину Сталину. Он всегда умел остаться на заднем плане, обманув даже таких людей, как Пастернак и Мейерхольд. А, если в заблуждении оказались умы такого калибра (хотя и не политического склада), то ясно, что аналогичные представления были широко распространены. Страх и ненависть всей страны сосредоточились тогда на Ежове.

Мы погибли бы, если бы не погибали.

Фемистокл

ЧАСТЬ II. АРХИВЫ ОТКРЫВАЮТ ТАЙНЫ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ПАКТА

23 августа 1939 г. был подписан советско-германский пакт о ненападении.

Разные оценки дают историки и политики этому документу. По мнению одних, он был неизбежен для Советского Союза и представлял крупную дипломатическую победу, другие считают, что он открыл путь Гитлеру к мировой войне, а СССР не получил никаких выгод от отсрочки немецкого нападения. Есть и суждения о неиспользованных шансах в деле договоренности с западными странами или позиции нейтралитета.

В 1939 г. в новой «Имперской канцелярии» состоялся дипломатический прием. Гостей принимал сам Адольф Гитлер. Согласно этикету он поочередно пожимал руку дипломатам, иногда обмениваясь короткими репликами. Когда же подошел черед советского полпреда А.Мерекалова, не только задержал рукопожатие, но и удостоил того беседы, длившейся несколько минут!

Достаточно вспомнить, в какие времена происходил этот прием. Обстановка в мире тревожная. Года не проходило без войны. Сначала Италия вторглась в Абиссинию, затем Япония напала на Китай. Непокойно было и на советско-японской границе.

Обстановку этих дней отражают фрагменты текстов посланий, которыми обменялись в те дни Гитлер и Сталин.

«Господину Сталину, Москва... Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня установление германской политики на длительный период. Германия тем самым снова принимает политическую линию, которая на протяжении столетий была благотворной для обоих государств...».

«Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру. Благодарю за письмо. Надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении приведет к повороту в сторону серьезного улучшения политических отношений между нашими странами. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает основу для ликвидации политического напряжения и для установления мира и сотрудничества между нашими государствами...».

23 августа пакт о ненападении был заключен, дополнительный, ставший секретным, протокол подписан. Риббентроп по пути домой давал интервью в аэропорту Кенигсберга: «Фюрер послал меня в Москву. Возможно, это явилось неожиданностью для многих в Германии. Однако мы, национал-социалисты, знаем, что все, что делает фюрер, — правильно. Россию зазывали в кольцевой фронт (в антигитлеровскую коалицию), но фюрер еще раз сработал молниеносно. Он вырвал Россию из этого фронта. Вот результаты этого 24-часового визита».

31 августа Верховный Совет единогласно ратифицировал договор. *«Мы перестали быть врагами»*, — сказал на сессии Молотов. О дополнительном протоколе, конечно, не было сказано ни слова.

В этот же день договор ратифицировали и в Берлине. Там тоже торопились. Через сутки Германия напала на Польшу.

28 сентября 1939 г. между СССР и Германией был подписан Договор о дружбе и границах, который сыграл трагическую роль в судьбах сотен тысяч белорусов, поляков и представителей других национальностей, проживающих в западных областях Беларуси.

Более того, тогда же, 28 сентября, Молотов и Риббентроп подписали секретный дополнительный протокол к договору, который констатировал, что... *«обе стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации... Они будут устранять на своих территориях все источники подобной агитации и будут информировать один другого о мерах, принятых с этой целью»*.

С этой целью СД на территории Западной Белоруссии по указанию имперского министерства безопасности вступило в тесный контакт со службами НКВД. С этой же целью в Закопане был создан секретный совместный учебный центр, в котором ээсовцы и энкавэдисты постигали «науку» борьбы с польским сопротивлением.

Но в то время еще оставался нерешенным вопрос о переселении белорусов, русских с территории Польши, которая отошла к Германии, и немцев с территорий, которые отошли к СССР. Это решение было принято в Москве 28 сентября 1939 г. и вылилось в подписание конфиденциального протокола.

Соглашение, которое подписали председатель правительственной комиссии по эвакуации М. М. Литвинов и председатель правительственной германской делегации Курт фон Рампбебенер, предусматривало еще в сентябре 1939 г. *«приступить к эвакуации всех граждан украинской, белорусской и русской национальностей, которые проживали на территориях бывшей Польши и теперь находились в границах государственных интересов Союза ССР»*. Эвакуации *«подлежали только те лица, которые высказывали желание эвакуироваться»*.

Но после подписания пакта 1939 г. ситуация с высылкой меняется. Теперь германское посольство уже не просит и не осторожничает, оно требует: *«...настоящие дружественные отношения между III рейхом и СССР несовместимы с тем, чтобы такое количество германских подданных находилось в советских тюрьмах»*. Германское посольство не называет имен, не требует конкретных лиц, таким образом, НКВД мог действовать по своему усмотрению.

Наконец, 27 ноября заключается соответствующее соглашение. И отправляется первая группа — «рождественский подарок» НКВД гестапо. Теперь речь шла уже не о высылке людей, а о прямой их передаче из рук в руки. До 1939 г. высылка выдавался паспорт, хотя и с краткосрочной визой. Был шанс ускользнуть по дороге: общей границы с Германией не существовало. После пакта — уже никаких паспортов: общий документ, один

на всех. Он передавался (вместе с указанными в нем лицами) офицером НКВД офицеру гестапо на мосту в Бресте.

Но если выдача и в самом деле происходила без проблем, то так называемое переселение осуществлялось непросто. О чудовищных эпизодах, связанных с этим переселением, у нас известно мало — вскоре началась война. Что это было?

В соответствии с соглашением, подписанным германской и советской сторонами 16 ноября 1939 г., осуществлялось переселение в Германию жителей немецкого происхождения с территории Западной Белоруссии и Украины, а в СССР — белорусов и украинцев генерал-губернаторства.

С германской стороны этим занималась команда по переселению, состоявшая главным образом из эсэсовцев. В течение двух месяцев она совершенно свободно действовала на советской территории и контролировала совместно с соответствующими службами НКВД массовое переселение лиц немецкого происхождения.

Самое скверное ожидало еврейское население этих мест. Есть некоторые сведения о евреях, которые переселились с немецкой на советскую сторону в конце октября 1939 г. и в апреле 1940 г. при обмене беженцев. С немецкой стороны это было более 60 тысяч человек, а с советской — 14 тысяч. Смешанная контрольно-пропускная комиссия работала в Брест-Литовске, Владимире-Волыньском, Перемышле, Ковеле и Львове.

Что касается национальности, то она не указывалась, поскольку большая часть переселенцев работавших на территориях, занятых Германией, являлась гражданами генерал-губернаторства. По оценке немецкой стороны около 164 тысяч человек пожелали перейти в немецкие области. Это были в основном поляки, ранее проживавшие в областях, которые представляли интерес для СССР.

5 декабря 1939 г. генерал-полковник Кейтель сообщал в германский МИД: *«Выдворение евреев на русскую территорию проходило не так гладко, как, вероятно, ожидалось. На деле практика была, например, такой: в тихом месте в лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу, в 15 км от этого места они снова вернулись к границе с русским офицером, который хотел заставить немецкого принять их обратно».*

ОПЕРАЦИЯ «ВАЙС»

Поворот ко второй мировой войне начался в 1936 г. Органы коллективной безопасности были уничтожены. Германия избавилась от всех ограничений, навязанных Версальским договором, и отказалась от тех, которые добровольно приняла на основе договора, заключенного в Локарно. Не сумев защитить от Муссолини Эфиопию, Лига Наций утратила свое значение. Единственным международным соглашением, которое еще что-то значило, был союз между Англией и Францией.

Зловещую роль в судьбе Польши, да и всего мира, сыграл советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. Гитлер, ободренный достигнутым успехом, установил дату нападения на Польшу — 26 августа, несмотря на то, что Германия не могла завершить военные приготовления к

этому сроку. 25 августа Гитлер отложил начало боевых действий. Возможно, его остановил объявленный Муссолини нейтралитет, может быть, официальное подписание соглашения о союзе между Англией и Польшей. Но, скорее всего, он понимал, что армия еще не была готова к войне.

Последовали 6 дней энергичных переговоров, англичане пытались добиться от Польши уступок, поляки отказывались уступить. Ждать дольше Гитлер не мог. Как только армия будет готова, ей надлежит немедленно перейти в наступление, иначе угаснет порыв. 31 августа Гитлер приказал на рассвете следующего дня начать наступление.

1 сентября 1939 г. вошло в историю человечества одной из самых мрачных и зловещих дат.

В этот день рассвет в Восточной Европе наступил в 4 часа 45 минут. Германские войска перешли польскую границу, а через час их самолеты бомбили Варшаву и уничтожили на аэродромах больше половины польских самолетов. Ни ультиматума, ни объявления войны. В 10 часов утра Гитлер обратился к рейхстагу, как обычно, в роли пострадавшего. Он стремился к мирному урегулированию путем переговоров с поляками, но они, мол, его предложения игнорировали: немцев убивали в Польше.

31 августа Гитлер подписал секретную директиву N 1 «По ведению войны», в которой сообщалось: *«Нападение на Польшу должно быть осуществлено в соответствии с планом «Вайс», с теми изменениями для армии, которые были внесены... Задания и оперативные цели остаются без изменения. Начало атаки — первое сентября 1939 г. Время атаки — 2.45 утра».*

Стремясь оправдать перед мировой общественностью и немецким народом вероломное нападение на Польшу, фашистская военная разведка и контрразведка, возглавляемая адмиралом Канарисом, совместно с гестапо пошла на провокацию. В строжайшей тайне была разработана операция «Гиммлер», в соответствии с которой готовилась инсценировка нападения эсесовцев и уголовных преступников, специально отобранных в немецких тюрьмах и переодетых в форму польских солдат и офицеров, на радиостанцию пограничного немецкого городка в Силезии Глейвиц (Гливица).

Практическое осуществление провокации было поручено начальнику отдела диверсий и саботажа военной разведки генералу Эриху Лахузену и члену службы безопасности СД Альфреду Хельмуту Науджоксу.

«Между 25 и 31 августа, — показал Науджокс на Нюрнбергском процессе, — я разыскал шефа гестапо Генриха Мюллера... Мюллер сказал мне, что он получил приказ от Гейдриха (шеф полиции безопасности СД) предоставить в мое распоряжение одного преступника для проведения операции в Глейвице».

В полдень 31 августа 1939 г. условный приказ осуществить провокацию был дан по телефону. Он был выполнен в 20 часов — в этот час гестаповцы и уголовники напали на радиостанцию в Глейвице. После перестрелки с немецкой полицией и «захвата» радиостанции один из немцев, знавший польский язык, торопливо прочитал в течение 3–4 минут перед микрофоном текст, заранее составленный в гестапо. В нем было слова «пришло время войны Польши против Германии». Чтобы уничтожить следы этой провокации,

всех участников нападения на радиостанцию расстреляли. 31 августа в 22 часа 30 минут по средневропейскому времени немецкие войска вторглись из Восточной Пруссии в Гданьск.

Перешедшие в наступление германские войска обрушили сокрушающие удары танковыми и моторизованными группировками на узких участках фронта. В немецкой 10-й армии генерала Рейхенау, наносившей главный удар на Варшаву с юго-запада, находилось 7 подвижных соединений. Гитлеровцы действовали методами таранных ударов, типичными для вермахта и в последующих кампаниях второй мировой войны.

К 5 сентября враг прорвал польский фронт на главных направлениях. 7 сентября польское правительство оставило Варшаву и перебралось в Люблин. В это день после жестоких боев немцы заняли Вестерплатте. Упорные бои шли за Модлин, полуостров Халь. Несмотря на панические настроения, охватившие политическое и военное руководство, польские войска продолжали сражаться, хотя их сопротивление носило все более разрозненный характер.

Силы были неравными. Фашистская Германия бросила против Польши 1,6 млн. солдат — 62 дивизии, из них 7 танковых, 4 легкие и 4 моторизованные, около 2800 танков и 2 воздушных флота с 2000 самолетами.

Польская армия выставила против немецких войск около 1 миллиона человек, 31 кадровую и 6 резервных пехотных дивизий, 11 кавалерийских бригад и около 870 танков (вместе с танкетками), 771 самолет устаревшей конструкции.

К тому же, Советский Союз, подписав с Германией пакт о ненападении, фактически стал на сторону агрессора. В нарушении соответствующих статей советско-польского договора о ненападении 1932 г., запрещавших помощь и содействие государству, которое нападет на Польшу. Советский Союз нарушил это положение уже 8 сентября, когда польский посол был приглашен к Молотову, и ему было официально заявлено, что транзит военных материалов через территорию СССР в Польшу запрещен.

Второе нарушение имело место при использовании радиостанции Минска в качестве радиомаяка для наведения германских самолетов, осуществляющих бомбардировки территории Польши, за что со стороны Гитлера была передана официальная благодарность К. Е. Ворошилову (кстати, после завершения польской кампании Гитлер прислал Ворошилову в подарок самолет). Наконец, 17 сентября 1939 г. произошло введение советских войск на территорию Польши со стороны Западной Белоруссии и Западной Украины.

Не говоря уже о советско-германских военных переговорах в Москве 20 сентября по координации действий, связанных с борьбой против «польских банд», соответственно, в советской и германской зонах.

8 сентября отступавшие на восток польские войска натолкнулись возле реки Бзура на германский фланг. Шесть дней продолжалось тяжелое сражение. Немецкое командование было сильно встревожено: это показатель того, как может провалиться танковая атака, если потерян темп наступления. 14 сентября изможденные, но оставшиеся в живых, поляки ушли в осажденную Варшаву; разбитые остатки польских армий отступили далеко на юго-восток.

Спаслось около 70 тысяч польских военнослужащих. Варшава продержалась до 28 сентября, 5 октября сдалась последняя польская крепость, 694 тысячи польских солдат попали в плен к немцам, а 217 тысяч — к русским. Немцы потеряли убитыми около 10 тысяч человек. Их запасы истощились к концу боев. Если бы французы предприняли наступление, у немцев не было бы возможности сопротивляться. Это ясно показывало, что Гитлер, не готовясь к большой войне, действовал на узком участке фронта и рассчитывал на быструю, достигнутую победу недорогой ценой.

Польский народ заплатил за войну миллионами человеческих жизней, бесчисленными жертвами Освенцима, Майданека и других лагерей смерти, многочисленными жертвами органов НКВД. Из 35 миллионов человек, проживающих в довоенной Польше, за годы второй мировой войны погибло свыше 6 миллионов человек — более 17 %.

Гитлер напал на Польшу, чтобы устранить угрозу Восточного фронта. Но уничтожение Польши привело к возникновению этого фронта, который, в конечном итоге, должен был уничтожить самого Гитлера.

НЕНАПАДЕНИЕ

В конце августа 1939 г. словно взорвалась бомба: еще недавно клеймившие друг друга СССР и Германия неожиданно для всех подписали договор о ненападении. Никто еще не знал, что к нему прилагался секретный протокол, в котором был зафиксирован раздел Восточной Европы на сферы влияния между Москвой и Берлином. Через неделю Германию вступила в Польшу, а через 17 дней советско-польскую границу перешла Красная Армия.

Как и предусматривалось в секретных договоренностях, Польша была поделена между СССР и Германией по линии рек Нарев–Висла–Сан. До сих пор делаются попытки объяснить эту акцию Сталина сугубо заботой о безопасности нашей страны, его стремлением отодвинуть западные границы СССР в преддверии гитлеровской агрессии, прийти на помощь белорусским и украинским братьям, проживавшим в восточных районах Польши и действительно подвергавшимся угнетению. Здесь только часть правды.

Другая часть правды долгие годы не афишировалась. Речь идет, прежде всего о том, что восстановление справедливости по отношению к Белоруссии и Украине соседствовала с «территориально-политическим переустройством». Встав на путь раздела добычи с хищником, Сталин стал изъясняться языком ультиматумов и угроз с соседними, особенно малыми странами.

Цитата из отчета Германского посла в Москве графа Шуленбурга о беседе, состоявшейся у него с Молотовым 10 сентября 1939 г.: *«Молотов подошел к политической стороне вопроса и заявил, что советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что, вследствие этого, Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором».*

Так все и произошло.

ШАТАЮЩИЙСЯ МИР

Советско-германский договор о ненападении 23 августа 1939 г. потряс всех. На противоположной стороне земного шара ушло в отставку правительство Японии — единственная в истории этой страны отставка из-за договора двух других стран. Тем временем, быстро возрастала напряженность между Германией и Польшей.

В последние дни лета 1939 г. группы слушателей академии Генштаба Красной Армии были освобождены от занятий и направлены в Киевский и Белорусский особые военные округа, где, как им сказали, ожидалось «крупные маневры». Кроме того, был принят еще ряд мер: проведен большой учебный сбор воинов запаса в шести военных округах, задержано увольнение в запас старослужащих, прекращены отпуска, приведены в боевую готовность войска, вооружение и транспорт Белорусского, Киевского особых военных округов и Ленинградского военного округа.

31 августа в Польше началась мобилизация. В этот же день в Москве открылась внеочередная сессия Верховного Совета СССР. Первым делом был ратифицирован договор с Берлином. С большой речью по этому вопросу выступил Молотов. Он дал понять, что инициатором сближения СССР и Германии является сам Сталин: *«Товарищ Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз. Надо признать, что в нашей стране были некоторые близорукие люди, которые увлеклись упрощенной антифашистской агитацией, забывали об этой провокаторской работе наших врагов».*

И больше ни единого слова о нашей бывшей антифашистской политике. «Близорукие» люди в СССР были ошеломлены. А дальновидный Вячеслав Михайлович больше не вел не только «упрощенной», но и вообще никакой агитации против фюрера до той самой минуты, когда ему пришлось сообщить советскому народу о неслыханном в истории вероломстве.

Из слов Молотова следовало, что «ненападение» означает не просто «нейтралитет», но нечто большее. *«Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии. (Бурные продолжительные аплодисменты)».*

Сформулировано осторожно. «Дружба между народами» — что ж тут такого? Но не пройдет и месяца, как формулировки станут смелее.

А вот сообщение из Германии, относящееся к тому же времени, когда Верховный Совет аплодировал Молотову: *«Берлин, 1 сентября (ТАСС). Сегодня, в 10 часов утра, открылось заседание германского рейхстага. Перед собравшимися с большой речью выступил Гитлер. В своей речи Гитлер заявил, что ввиду того, что Польша отклонила германские мирные предложения, больше не имеется путей для мирного разрешения германо-польских спорных вопросов. Гитлер отметил также, что вчера вечером польские регулярные части перешли германскую границу и что сегодня утром германские войска выступили против поляков».*

Польская армия героически сопротивлялась. Немецкие танковые клинья с большим трудом пробивались вперед, теряя технику и живую силу. Не удалось уничтожить внезапным ударом и польскую авиацию. Дрались окруженные

Люблин, Гдыня, Варшава и многие другие города. Все газеты мира обошла фотография, на которой польская кавалерия неслась в атаку на немецкие танки.

События начались и увлекают за собой миллионы жизней. А фюрер убедительно обосновывает свою долгосрочную мирную политику по отношению к Советскому Союзу: *«Германия и Россия боролись друг против друга в мировой войне, и обе оказались жертвами мировой войны. Это не случится во второй раз...»*.

Хотя повсеместно части вермахта под командованием Рундштедта, фон Бока, Клюге, Кюхлера и Рейхенау одерживали победы, они достались дорогой ценой. Уже 3 сентября посол Германии в Москве Шуленбург обратился к Молотову с просьбой о том, чтобы Красная Армия как можно скорее вошла в восточные области Польши. В те самые восточные области, которые отдавались Советскому Союзу по секретному протоколу договора от 23 августа 1939 г. Причины такой просьбы очевидны. Германское командование хотело сковать значительную часть польских войск на востоке и тем самым облегчить решение собственных задач.

Советское руководство выжидало, хотя решение о вводе войск в Западную Белоруссию и Западную Украину было уже принято. К тому же и обстановка в Польше была довольно противоречивой. Несмотря на прогнозы, боевые действия там носили упорный характер.

В Москве ждали падения Варшавы. Передовые немецкие части уже 9 сентября достигли ее пригородов. В этот же день В.Молотов направил поздравление Шуленбургу: *«Я получил Ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской империи»*. Поздравления оказались несколько преждевременными — Варшава держалась вплоть до 27 сентября.

Советская сторона форсировала свои военные приготовления. Одновременно шла обработка общественного мнения в Советском Союзе и за рубежом. 14 сентября в «Правде» была опубликована статья «О внутренних причинах поражения Польши». Естественно, особо подчеркивалось бесправное положение 11 миллионов белорусов и украинцев.

С 4 сентября в СССР началась кампания призыва в армию молодежи. Впервые призыв производился на основании нового закона. В Белоруссии и на Украине призывали военнообязанных из запаса. Шесть военных округов приводились в боевую готовность. Простые люди не могли быть осведомлены обо всем в полной мере, но предчувствие грозных событий висело в воздухе. 11 сентября нарком обороны СССР издал приказ о сосредоточении войск Киевского и Белорусского особых военных округов на западной границе.

ДРУЖБА ПО РАСЧЕТУ

А мы еще жили прежней жизнью, которая скоро покажется утерянным раем. Как написал тогда известный поэт:

Был час обычный, час дневной,

Сентябрьский ветер листья мчал,

Вдруг громче грома над страной

Спокойный голос зазвучал...

Спокойный голос принадлежал Молотову. Он обратился к народу, как кондуктор в трамвае: «Граждане и гражданки!..» Почти двадцатилетний мир закончился. На дворе стоял исторический день 17 сентября 1939 г.

Молодежь, не заставшая предыдущей войны, взрослевшая под могучим пропагандистским прессом, восприняла случившееся возбужденно: вот оно, началось! Реакция старших поколений была, конечно, иной.

В 2 часа ночи в Кремль был вызван германский посол граф фон Шуленбург. Сталин принял его в присутствии Молотова и Ворошилова. После взаимных приветствий послу объявили, что сегодня, 17 сентября 1939 г., в 6 часов утра Красная Армия перейдет польскую границу на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска. Во избежание возможных инцидентов между советскими и немецкими летчиками была передана просьба, чтобы немецкая авиация не залетала восточнее линии Белосток–Брест–Львов.

На границе с Польшей было сосредоточено 54 стрелковых и 13 кавалерийских дивизий, 18 танковых бригад и 11 артиллерийских полков резерва Главного командования общей численностью около 600 тысяч человек. Их боевые действия обеспечивали 4 тысячи танков, 5500 орудий и 2 тысячи самолетов. Эти силы были разделены на два фронта — Украинский под командованием командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко и Белорусский под командованием командарма 2-го ранга М. П. Ковалева.

«В ночь на 17 сентября я находился на наблюдательном пункте 4-й армии, — писал будущий начальник Генштаба С. М. Штеменко. — Здесь, как обычно на пороге больших событий, воцарилась деловая напряженность. Поминутно звонили телефоны, один за другим появлялись и исчезали связные из дивизий. И все-таки казалось, что время тянется невыносимо медленно. Наконец, обусловленный приказом срок перехода границы настал. Ровно в 5 часов была подана команда, и войска пошли...». А вот свидетельство Е. Долматовского: «Польские стражницы были окружены нашими бойцами. Офицеры стражницы Загачье отчаянно сопротивлялись. Застрочил их пулемет, но вскоре смолк: его заставили замолчать советские гранаты».

После первых известий о переходе Красной Армией польской границы верховный главнокомандующий вооруженными силами Польши маршал Э. Рыдз-Смиглы отдал приказ: «С Советами в бои не вступать, оказывать сопротивление только в случае попыток с их стороны разоружения наших частей, которые вошли в соприкосновение с советскими войсками. С немцами продолжать борьбу. Окруженные города должны сражаться. В случае, если подойдут советские войска, вести с ними переговоры с целью добиться вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию».

В Войске Польском в мае 1939 г. было 18,5 тысячи офицеров, в корпусе охраны границ — 846, в резерве — 60 тысяч, в отставке — 12 тысяч. В результате разгрома почти миллионной польской армии в сентябре–октябре 1939 г. гитлеровские войска взяли в плен более 18 тысяч офицеров и 400

тысяч солдат. Часть польской армии смогла уйти в Румынию, Венгрию, Литву, Латвию.

Другая часть польских войск сдала оружие Красной Армии. В сентябре 1940 г. были опубликованы частичные данные об их общей численности — 181 тысяча солдат, примерно 10 тысяч офицеров. Польская литература называет от 220 до 250 тысяч, гитлеровские материалы — до 300 тысяч интернированных. Цифру в 300 тысяч назвал и первый премьер-министр польского эмигрантского правительства генерал В. Сикорский. Советское правительство в июле 1941 г. ее опровергло.

В начале сентября 1939 г. высшее советское руководство рассматривало вопрос о судьбах интернированных. 3 октября последовала серия документов о перемещении интернированных по лагерям, организации там торговли.

В распоряжении Берии говорилось о роспуске по домам всех солдат уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины. «Некоторые категории» солдат из этнической Польши надлежало сконцентрировать в Козельском и Путивльском лагерях впредь до особого распоряжения. Находившимся там Берия приказал разъяснить, «что они оставлены временно до решения вопроса о порядке возвращения — всем будет обеспечено возвращение на родину». Офицерский состав, крупных военных и гражданских чиновников надлежало сосредоточить в Старобельском лагере, а полицейских, жандармов, тюремщиков — в Осташковском.

Последовало указание Берии о подготовке к 8 октября 1939 г. документов и формировании команд интернированных для передачи германским властям в соответствии с постоянным местом жительства. Органам НКВД вменялось не освобождать офицеров под видом солдат.

В середине октября 1939 г. правительство СССР решило произвести обмен с Германией военнопленными и интернированными. Были установлены пункты передачи: один в Белоруссии и два на Украине.

Германия принимала военнопленных, если они жили в немецкой сфере влияния. Всего на территорию этнической Польши было репатриировано 42492 человека, «изъявивших желание выехать», как сказано в советской сводке 1941 г. Ибо, когда началась отправка интернированных к месту жительства, многие отказались ехать под гнет немецко-фашистских оккупантов. Несмотря на приказы, протесты против отправки были вплоть до прибытия к пунктам передач. Отказавшихся ехать должны были направлять для расселения и трудоустройства. На практике это вылилось в третью волну депортации летом 1940 г.

В СССР Германия передала через Брест 24670 и через другие пункты 13754 постоянных жителей западнобелорусских и западноукраинских земель.

В течение октября–ноября 1939 г. из советских лагерей было отправлено по домам 42400 белорусов, украинцев, поляков, постоянно проживавших в Новогрудском воеводстве, Полесье, на Волини, Львовщине и в других районах Западной Белоруссии и Западной Украины.

Вернемся к событиям сентября 1939 г. Авангардные подразделения Красной Армии быстро продвигались вперед, встречая лишь слабое

сопротивление. Малочисленные пограничные заставы и гарнизоны либо складывали оружие, либо уходили в леса. Сопротивление сводилось к разрушению мостов, минированию дорог, сооружению завалов, чтобы задержать продвижение нового противника.

Правдиво и рифмованно излагают события поэты-комсомольцы Литинститута И. Бауков, Е. Заходер, А. Копштейн, М. Луконин, Л. Ошанин, С. Смирнов, А. Яшин. Видимо, это единственный в истории литературы случай, когда одно стихотворение написал «поэтический колхоз» — семь поэтов вместе:

Все обиды, всю неправду,

Как бурьян, скосила

Нашей Армии Червонной

Молодая сила.

Старики роняли слезы,

Подолгу глядели

На портрет вождя народов

В походной шинели.

Трогательна эта шинель на плечах человека, который уже лет пятнадцать совершает походы только из Кремля на курорт и обратно.

Но вернемся к речи Молотова по радио, ведь она прозвучала спустя несколько часов после начала военных действий. Одним из главных мотивов нашего решения упоминалось угнетение в Польше национальных меньшинств (белорусов и украинцев). Это прозвучало как неявное выражение солидарности с Гитлером, обвинявшим Польшу именно в этом грехе, но по отношению к немцам. До открытой солидарности с Гитлером оставались одни сутки.

КАК ЭТО БЫЛО?

И был вечер, и было утро. День восемнадцатого сентября. Тоже исторический: это день германо-советского коммюнике. «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования».

Текст был опубликован на первых полосах «Правды» и «Известий».

В заявлении сказано то, чего не было ни в августовском договоре о ненападении, ни в будущем сентябрьском о дружбе и границе. Советское правительство оговорилось: гитлеровцы в Польше лишь «восстанавливают порядок» и «помогают населению».

Основные силы польской армии были окружены немецко-фашистскими войсками и уничтожались в западной части страны, между Бзурой и Вислой. После жестких боев большая боевая группа под командованием генерала Кутжеба все-таки вырвалась к Варшаве.

Мы хорошо знаем об обороне Брестской крепости в 1941 г., но практически ничего — о ее обороне поляками в 1939 г. 14 сентября 19-й танковый корпус Гудериана броском из Восточной Пруссии захватил Брест. Крепость же в течение нескольких суток оборонялась польскими войсками под командованием генерала К.Плисовского. Лишь в ночь на 17 сентября ее защитники в организованном порядке покинули форты и отошли за Буг.

А к городу приближались советские части под командованием В. И. Чуйкова. Командир авангардной танковой бригады комбриг С. М. Кривошеин занял Брест. От немцев потребовали увести свои войска за демаркационную линию, поскольку город находился в советской сфере раздела Польши.

В ознаменование победы над Польшей в Гродно, Бресте, Пинске и некоторых других городах состоялись совместные советско-германские военные парады. В Бресте парад принимали генерал Гудериан и комбриг С. М. Кривошеин, в Гродно вместе с немецким генералом — комкор В. И. Чуйков.

В это время тысячи польских солдат и офицеров уходили в Литву, Венгрию, Румынию. Фашисты добивали окруженные войска и гарнизоны. А бодрые митинги в Москве и Ленинграде, Минске и Киеве не кончались.

«Берлин, 19 сентября. (ТАСС). Германское население единодушно приветствует решение советского правительства... Берлин в эти дни принял особенно оживленный вид. На улицах около витрин и специальных щитов, где вывешены карты Польши, весь день толпятся люди. Они оживленно обсуждают успешные операции Красной Армии. Продвижение частей Красной Армии обозначается на карте красными советскими флажками».

Двадцатого сентября в Западную Белоруссию выехали советские артисты давать концерты. Война была очень короткой, операции едва начавшись, уже подходили к концу. С легким злорадством описывает картину разгрома Виктор Шкловский: *«Польская армия оставляет после себя разнокалиберные остатки. Польская буржуазия бежала сперва с запада на восток, потом с востока на юг.. Польша воевать не могла. Она могла только хорохориться...».*

Но если картины паники помещиков и капиталистов, а также сценки радостных встреч местных жителей и Красной Армии находили свое место на страницах нашей прессы, то о происходящем в оккупированных Германией районах советскому человеку узнать было неоткуда. Царило тактичное молчание. Зато с наименьшей корректностью наш народ оповещали о речах Гитлера. 20 сентября фюрер выступил по радио в Данциге: *«Судьба,*

постигшая этот город и область, была судьбой всей Германии. Мировая война превратила эту область и этот город в свои жертвы...».

Это говорит Адольф Гитлер. Его уже трудно отличить от Молотова. Этот противник насилия, как и все прогрессивное человечество, не упускает случая выразить свою солидарность с Москвой: *«Россия оказалась вынужденной со своей стороны ввести свои войска для защиты украинского и белорусского населения Польши. В Англии и Франции считают преступлением сотрудничество Германии и России... Уроки 4 лет войны достаточны для обоих государств и народов. Мы намерены представить и защищать свои собственные интересы и нашли, что лучше всего двум самым крупным государствам и народам Европы договориться о соглашении...».*

На территории Белоруссии самые тяжелые бои развернулись в районе Гродно, где скопились многочисленные польские части, отступавшие с разных направлений. Несмотря на активное сопротивление, 20 сентября город был взят частями Красной Армии. В этот же день части Красной Армии заняли Барановичи, а через 2 дня — Брест.

Население радостно встречало советских воинов. Почти 20 лет белорусы и украинцы находились в составе Польши. Польские правители в эти годы проводили насильственное ополячивание населения, закрывали белорусские и украинские школы, превращали православные церкви в костелы, отбирали у крестьян лучшие земли, передавая их польским осадникам.

В октябре 1939 г. состоялись выборы в верховные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины. На белорусских землях они прошли с высоким уровнем активности, в голосовании приняло участие 2 миллиона 672 тысячи человек. Более 90 процентов проголосовали за предложенных депутатов. Разумеется, и здесь имели место подтасовки, но остается фактом и то, что в целом белорусское население положительно восприняло установление здесь Советской власти.

Действительно, тогда идею воссоединения белорусского и украинского народов, пусть даже под Советами, с энтузиазмом поддержали самые различные политические силы — от коммунистов до националистов.

ТРАГИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ

Вместе с советской властью пришли и сталинские порядки. Начались массовые репрессии против новых «врагов народа» из числа местных жителей западных областей. С ноября 1939 г. потянулись в Сибирь эшелоны с депортируемыми жителями. В числе первых подверглись репрессиям осадники — отставные офицеры и унтер-офицеры польской армии. 5 декабря 1939 г. СНК СССР принял постановление о выселении этой категории граждан в Сибирь, Казахстан и другие отдаленных районы страны. На конец 1939 г. НКВД БССР было взято на учет 8000 хозяйств осадников общей численностью 45409 человек.

Первая массовая операция по выселению осадников началась 10 февраля 1940 г. В результате за пределами БССР оказались 50732 человека.

Вторая по счету акция была проведена 13 апреля 1940 г. За пределы республик было выслано 26777 человек. При проведении этой акции не

остались в стороне и партийные органы. 8 апреля 1940 г. секретарям обкомов КП(б)Б в Барановичи, Белосток, Брест, Вилейку, Пинск были направлены телеграммы Бюро ЦК КП(б)Б следующего содержания: *«13 апреля с.г. органы НКВД будут проводить выселение семей репрессированных помещиков, офицеров, полицейских и др. ЦК КП(б)Б обязывает вас обсудить на закрытом заседании обкома партии доклад начальника областного НКВД и определить все необходимые мероприятия по оказанию помощи органам НКВД в проведении операции. Секретарь ЦК КП(б)Б Пономаренко».*

29 июня 1940 г. органами НКВД была проведена третья депортация в отдаленные районы СССР. Она касалась большого количества беженцев, которые искали спасения от гитлеровского террора в Польше. Всего в этот день из пяти западных областей республики было выселено 22879 человек.

Четвертая массовая депортация из западных областей была проведена 19–20 июня 1941 г., за два дня до начала войны. На этот раз было репрессировано еще 24412 человек.

По данным НКВД СССР, с октября 1939 г. по июнь 1940 г. в западных областях республики было выявлено и ликвидировано 109 так называемых подпольных повстанческих организаций, которые объединяли 3231 участника.

Кровавый след оставили за собой органы НКВД на территории западных областей республики. Сколько еще безымянных, захоронений разбросано от Бреста до Минска! Одно из них было обнаружено в ноябре 1994 г. в Вилейке, которая в те годы была областным центром. Одной из главных «достопримечательностей» города являлась внутренняя тюрьма НКВД с нормативной емкостью 210 заключенных (для размещений «врагов народа» на территории области было создано 7 тюрем). Однако, согласно акту проверки от 14 мая 1940 г., в вилейской тюрьме содержалось 910 заключенных, из которых за НКВД числилось 854.

Если учесть, что из числа арестованных, дела которых рассматривали несудебные органы, к высшей мере наказания в тогдашней БССР приговаривалось не менее 45 процентов, то можно предположить, что в Вилейке с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. к расстрелу было приговорено не менее тысячи человек.

Сотни жителей Вилейки и тогдашней области до сих пор числятся как пропавшие без вести в самые первые дни войны — то есть до оккупации города. Куда они могли исчезнуть? На их судьбу могут пролить свет строки из протокола заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 22 июня 1941 г.: *«Слушали: о заключенных, содержащихся в тюрьмах западных областей, приговоренных к высшей мере наказания. Постановили: поручить тт. Цанаве и Матвееву передать директиву об исполнении приговоров в отношении осужденных, содержащихся в тюрьме западных областей БССР».*

А какая судьба постигла офицеров польской армии?

Согласно указанию Берии, они были сосредоточены в Старобельском (Ворошиловградская область), Осташковском (остров Столбный, озеро Селигер) и Козельском (Смоленская область) лагерях.

Называют различные цифры этой категории военнопленных. В среднем около 15 тысяч человек. Советское руководство не собиралось отпускать их из плена, как это впоследствии сделали немцы. Оно исходило из того, что эти 15 тысяч человек — офицеры, интеллигенты, священники, представляют собой цвет польской нации, ее военную и интеллектуальную элиту. Окажись на свободе, они обязательно станут организаторами и активистами антифашистского и антикоммунистического сопротивления. Естественно, такой вариант Сталина и Берия не устраивал.

Первоначально предполагалось передать офицеров польской армии немцам. Последние даже построили на территории генерал-губернаторства несколько специальных лагерей. Однако, в конце концов, в сталинском руководстве победило мнение, что пленных надо уничтожить. Сейчас уже известно, что санкцию на уничтожение тысяч ни в чем не повинных людей дало в 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б), а непосредственно приговор был вынесен Особым совещанием НКВД СССР.

ФИНАЛ

Двадцать шестого сентября советские газеты опубликовали большой сообщение «Германское командование об итогах войны в Польше». На следующий день в Москву прибыл Риббентроп. Двадцать восьмого, когда еще догорали очаги открытого сопротивления фашизму в Варшаве и на Балтике, был подписан советско-германский договор о дружбе и границе. Кроме договора появился на свет еще один документ, расширявший пропасть между СССР и его будущими союзниками по борьбе с фашизмом.

Ну, а Риббентроп, навсегда покидая СССР, заявил сотруднику ТАСС: *«Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это».*

Вплоть до июня 1941 г. по Москве ходили слухи о том, будто Сталин и Гитлер скоро объединят Германию и СССР в одно государство: мол, там, в Берлине тоже социалисты, только с приставкой «национал».

Итак, все кончено. В школах Западной Белоруссии возобновляются занятия. Налаживается работа предприятий. Войска устраиваются в казармах. Жизнь продолжается — для тех, кто выжил. Развеселой частушкой ставит точку на происшедшем Лебедев-Кумач:

«Панской Польши нету больше,

Хитрой ведьмы нет в живых,

Не захватит в лапы Польша

Наших братьев трудовых!»

НЕЗНАМЕНИТАЯ ВОЙНА

В советское время не любили вспоминать об этой войне, которая чаще всего невнятно именовалась «советско-финляндским вооруженным конфликтом 1939–1940-х гг.». В СССР эту войну называли «финской», а в Финляндии — «зимней». А еще ее называют «незнаменитой». Ведь чего греха таить, немного добавила она славы и престижа великой державе и ее оружию.

Большая Советская Энциклопедия отводила событиям на Карельском перешейке всего одну страничку. Первые пять строчек статьи определяли суть войны коротко и категорично: *«советско-финляндская война 1939–1940 гг. возникла в результате политики реакционного правительства Финляндии, превратившего территорию страны в плацдарм для возможного нападения агрессивных держав на СССР».*

Часто говорят, что финская война позволила извлечь многие уроки при подготовке страны к Великой Отечественной. В известной степени с этим нельзя не согласиться. Сменился нарком обороны, произошли кадровые перестановки в армии, улучшилась боевая учеба войск.

Карелия — страна лесов, озер и болот. Говорят, когда эти непролазные чащобы сковываются трескучими рождественскими морозами, деревья начинают издавать целую гамму удивительных звуков. Это — Реквием, Реквием карельских лесов и болот, последняя зауспокойная месса, звучащая в момент перехода человеком зыбкой границы жизни и смерти. Сколько советских солдат перешли эту границу в те годы, одному богу известно. Реквием нашим и финским солдатам, на чьих обелисках начертаны разноязыкие, но одинаковые эпитафии: *«Погиб в боях за Родину».*

Выбрав государственную независимость, Финляндия сделала выбор и в вопросе государственного устройства, став буржуазной республикой. Несмотря на активную советскую поддержку, в мае 1918 г. революция в Финляндии потерпела поражение.

Юрьевский мирный договор, заключенный в октябре 1920 г., стабилизировал отношения между двумя странами. Воспользовавшись крайней истощенностью своего вчерашнего сюзерена, финская сторона прибегла на переговорах к жесткому прессингу. В основном, это коснулось демаркации границы на Карельском перешейке. И в итоговом документе она декларировалась по линии старой границы между Россией и Великим Княжеством Финляндским, в 32 км от Петрограда, что разрушило исторически сложившуюся систему обороны северной столицы и сделало второй город страны теоретически достигаемым даже для артиллерийского огня с сопредельной стороны.

«Жестко, жестче, еще жестче — только так можно разговаривать с Советами!» — восторженно комментировали «крупный успех финской дипломатии» хельсинские газеты. Однако сыграть на временной слабости могучего соседа — вовсе не означало заручиться непоколебимым статус-кво достигнутого на будущее.

Именно там, в Юрьеве, была заложена одна из мин замедленного действия, которая два десятилетия спустя взорвет мир на Карельском перешейке. В свое

время один из патриархов знаменитой политики финского реализма Юхо Кусти Паасикиви назовет этот «успех» в Юрьеве роковым для своей страны.

Объективно политический климат Европы определялся в то время тремя главными силами: обновленным англо-французским союзом, жаждущим смыть «позор Версаля», стремительно набирающей мощь Германией и многомиллионным исполином вчерашней России, идущей неведомым, а посему пугающим путем. Очень скоро становится ясным, что бросить якорь в тихой гавани Финляндии не удастся: слишком выгодное стратегическое положение занимала она, и европейским столицам далеко не было безразличным, для кого берега Финского залива станут неприятельскими.

На кого ориентироваться? Традиционно финские симпатии были на стороне Германии — настроения среднего и высшего офицерства страны не оставляли, казалось, возможности для иного выбора. Но... Рядом — Швеция, Норвегия — страны английской ориентации. Роман с Германией потенциально мог быть чреват подрывом скандинавского добрососедства. К тому же — Великобритания богата, влиятельна. Флот Ее Величества не имел равных на море.

Третья карта — Советский Союз отпала сама собой: слишком страшен был политический блок с «красными», слишком туманны и неопределенные перспективы. Да и с границей полной ясности по-прежнему не было. Между тем «жесткий курс» в отношении СССР стал, похоже, давать побочные явления. Многократно возросшая активность правых движений в стране, призывы «отодвинуть границу до Урала» и объявить «третье тысячелетие тысячелетием народов ледовитых морей», все это заставляло опасливо поеживаться даже выдавших виды парламентариев. Эскалация ультраправых настроений явно коробила Лондон и Париж.

Советские попытки наладить диалог с Финляндией разбивались, словно волны о каменистый берег фьорда. Тем не менее, в начале тридцатых, кажется, появляется свет в конце тоннеля: Финляндия и СССР заключают договор о ненападении и мирном улаживании конфликтов, который в 1934 г. был продлен до декабря 1945 г. Однако, взаимное недоверие продолжало расти.

Несмотря на то, что в 1935 г. Финляндия официально заявила о своем нейтралитете, ее поворот в кильватер германской политики принимал все более тревожные формы. Фраза, однажды брошенная Свинхувудом относительно того, что «патриотизм имеет две стороны: любовь к своей родине и ненависть к России», подкреплялась конкретными делами. Крепло финско-германское «братство по оружию», усиленными темпами проводилось строительство укрепленных районов на советской границе.

Поводы для серьезного беспокойства были и у Финляндии. Очень многое из того, что происходило в СССР, не могло быть понято, а тем более, принято на Западе вообще, и Финляндией в частности. Это и сталинская коллективизация на селе, и репрессии НКВД, и, наконец, малоприятные для Запада обещания «уничтожить капитализм во всем мире» в сочетании с призывом к пролетариям всех стран соединиться для осуществления этих замыслов.

Август 1939 г. буквально поверг Хельсинки в шок пактом Молотова-Риббентропа.

Финляндия чувствовала себя брошенной один на один со Сталиным, покинутой ближайшим партнером. На фоне роста военных приготовлений происходило поспешное сближение страны с новыми «друзьями»: англо-французским блоком. В конечном итоге, во всей этой истории в выигрыше оказался Гитлер, получивший совершенно задаром, за счет своего северного союзника возможность устроить грандиозные кровавые «маневры» с участием главного противника в будущем — Красной Армии.

Требования, выдвинутые Сталиным к Финляндии, были внушительны: уступить практически весь Карельский перешеек, отодвинув границу на сто километров к западу, передать СССР часть полуострова Рыбачий, предоставить в аренду полуостров Ханко для строительства на нем советских военно-воздушных и военно-морских баз с персоналом в 5000 военнослужащих. Взамен Финляндии предлагалась территория в советской Карелии, вдвое большая по площади.

Мнения в парламенте разделились. К примеру, главнокомандующий финской армией маршал Маннергейм заявлял, что находит такой обмен даже выгодным, кроме того, он «не думал также, чтобы престиж Финляндии пострадал, если бы мы согласились на такой обмен». К этому же склонялся и Паасикиви. Однако, взяла верх точка зрения сторонников «жесткого курса» — Кааяндера, Эркко, Таннера. Итог: Хельсинки ответили отказом.

Переговоры в Москве зашли в полный тупик. Причем финская делегация оборвала их не «просто так», а с подчеркнутым вызовом, заявив, что у нее «есть более важные дела в Хельсинки».

Были ли обоснованы претензии Советского Союза к Финляндии? Сложный вопрос. С одной стороны, они, безусловно, объяснимы с точки зрения обеспечения безопасности Ленинграда, а с другой — Финляндия, как суверенное государство, вольно было принимать или не принимать предложения, затрагивающие ее территориальную целостность. С международно-правовой точки зрения это, безусловно. Вот только гибкости и трезвого расчета дипломатии Вяйне Таннера так и не хватило.

Майнила. Думали, гадали ли крестьяне этой крохотной, затерянной в карельских болотах деревушки, что их маленькой родине будет суждено стать первым полем боя новой войны?

Как следовало из сообщения ТАСС, 26 ноября 1939 г. финская сторона произвела обстрел подразделения Красной Армии, дислоцированного в пограничной деревне Майнила. В результате обстрела несколько красноармейцев было убито и ранено. В последовавшей в тот же день ноте Советского правительства правительству Финляндии, были заявлены категорический протест и требование немедленно прекратить вооруженные провокации и отвести войска на 25 км от государственной границы.

Финны ответили молниеносно. В ноте финского правительства категорически отрицалась причастность финских войск к произошедшему инциденту и высказывалось предположение о том, что случившееся —

несчастный случай, результат трагической ошибки при учебно-боевых стрельбах советской артиллерии.

В ноте также обращалось внимание Советского правительства на тот факт, что финские войска не имеют в указанном районе такой артиллерии, которая по своим тактико-техническим свойствам была бы в состоянии обстреливать Майнилу. В заключении делалось предложение о немедленном создании советско-финской смешанной комиссии для детального изучения инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах 1928 г.

Ответ Сталина был ошеломительным для Хельсинки. 28 ноября Советский Союз в одностороннем порядке денонсирует пакт о ненападении, а на следующий день объявляет об отзыве из Хельсинки советских дипломатических и торговых представителей.

30 ноября 1939 г., в восемь часов утра, войска Ленинградского военного округа перешли советско-финскую границу.

Политический характер советско-финляндской войны не укладывается в обычную классификацию, ограниченную этическими рамками понятий о «справедливой» и «несправедливой» войне. Она была ненужной для обеих сторон и несправедливой с нашей стороны.

Неправомерные действия советского руководства состояли в том, что советские войска, без объявления войны на широком фронте перешедшие границу, нарушили советско-финляндский мирный договор 1920 г. и договор о ненападении 1932 г., продленный в 1934 году. Советское же правительство нарушило собственную конвенцию (так называемый «договор Литвинова»), заключенный с соседними государствами в июле 1933 г. К этому документу присоединилась тогда и Финляндия.

В нем определялось понятие агрессии и четко отмечалось, что *«никакими соображениями политического, военного, экономического или какого-либо другого характера нельзя обосновывать или оправдывать угрозы, блокаду или нападение на другое государство-участника».*

В силу ряда обстоятельств Советское правительство допускало возможность военного конфликта с Финляндией еще с весны 1936 г. Именно тогда было принято постановление СНК СССР о переселении гражданского населения (речь шла о 3400 хозяйствах) с Карельского перешейка для строительства здесь полигонов и других военных объектов.

Как вспоминал К. А. Мерецков (назначенный в марте 1939 г. командующим войсками Ленинградского военного округа), в конце июня 1939 г. он присутствовал при разговоре Сталина с О. В. Куусиненом. Обсуждалась обстановка в Финляндии и различные варианты наших действий.

Главный военный совет по предложению Сталина поручил Мерецкову спланировать действия войск округа на случай военного нападения. Во второй половине июля 1939 г. план был рассмотрен в Москве и одобрен. Задача советских войск официально состояла в том, чтобы сковать силы противника, а затем нанести решительный контрудар.

Утверждение Молотова, высказанное на 6-й сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. о том, что «Финляндия, и, прежде всего,

Карельский перешеек, была уже к 1939 г. превращена в готовый военный плацдарм для третьих держав для нападения на Советский Союз, для нападения на Ленинград», не подтверждается убедительными фактами.

Как свидетельствуют факты, приводимые командованием советских пограничных войск, в первой половине 1939 г. обстановка на советско-финляндской границе была хотя и напряженной, но относительно спокойной. Имели место одиночные нарушения границы, но крупных, а тем более, вооруженных инцидентов здесь не отмечалось.

Тем не менее, Советское правительство продолжало принимать меры по усилению пограничных войск на северо-западном направлении. Еще в марте 1939 г. Ленинградский округ пограничных войск НКВД был разукрупнен на три округа: Мурманский, Карельский и Ленинградский. К началу боевых действий они были укомплектованы личным составом с большим превышением — на 127–129 %. Непосредственная подготовка пограничных войск к боевым действиям началась уже с 10 октября, то есть до начала последних переговоров делегаций обеих стран. А приказ Сестрорецкому пограничному отряду о возможном переходе границы был отдан 25 октября, но без указания дня и часа выполнения.

Подобная неопределенность в советско-финляндских отношениях продолжалась до конца августа 1939 г.

В секретном протоколе, приложенном к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. было зафиксировано, что «в случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР». Это означало, что секретный протокол предусматривал возможность «территориально-политических изменений» в пользу Советского Союза.

Еще в ходе боевых действий в Польше директивами наркома обороны маршала К. Е. Тимошенко и начальника Генерального штаба командарма 1-го ранга Б. М. Шапошникова от 11 и 14 сентября 1939 г. Военному совету Ленинградского военного округа было приказано произвести сосредоточение войск на случай войны с Финляндией. Авиация была рассредоточена на полевые аэродромы в полной боевой готовности. Тогда же в оперативное подчинение командующего ЛВО поступила 7-я армия. В составе округа была сформирована Мурманская оперативная группа, которая с 15 ноября была переименована в 14-ю армию.

Вернемся к событиям 30 ноября 1939 г. Ведь тогда, в то морозное утро, на границе с Финляндией начался не просто «военный конфликт», а настоящая война со всеми ее специфическими признаками. Она продолжалась 105 дней. В ходе боев со стороны Финляндии были задействованы практически все ее вооруженные силы: 10 дивизий, 7 специальных бригад и военизированная организация шюцкор — всего около 400 тысяч человек.

С нашей стороны в марте 1940 г., в период наибольшей концентрации войск, в активных действиях участвовали 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, несколько десятков отдельных бригад и полков, входящих в специально сформированный Северо-Западный фронт (две армии) под

командованием командарма 1 ранга С. К. Тимошенко, и кроме того, три армии, которые действовали от Ладожского озера до Баренцева моря.

Сухопутные войска поддерживали корабли Краснознаменного Балтийского и Северного флотилии. Численность этой крупной группировки сухопутных войск, ВВС и сил флота составляла около 960 тысяч человек. По боевой технике Красная Армия имела тройное, а по танкам и авиации — абсолютное превосходство.

Тимошенко против Маннергейма

Итак, выбор был сделан, и «вынувший меч да не уstraшитcя».

Впрочем, никто особенно не страшился. Ни комбаты, снисходительно разглядывавшие в стереотрубы убежавшие на том берегу Сестры в сосновые боры жиденькие цепочки финских дзотов, ни люди с шитыми золотом звездами в тиши кремлевских кабинетов. Ими финская пехотная армия не принимались за достойного противника.

Если верить воспоминаниям очевидцев, Сталин был настроен сердито и одновременно насмешливо. Разработка плана кампании была целиком передана в штаб Ленинградского военного округа. «Великий полководец» счел, что у генштаба в то время были заботы куда важнее, чтобы отвлекать его на подобную мелочевку.

Так же директивно было запрещено привлекать к операции дивизии внутренних округов, а общее поражение планировалось нанести за 9–12 дней. Вселял уверенность высокий боевой дух войск, развернутых на финской границе, преисполненных решимости «преподать урок зарвавшимся белофинским бандитам» и оборонить колыбель революции.

Река Сестра. Двадцать два года эта тихая река носила неведомый ей до того титул государственной границы. 30 ноября она сложила его, став просто одной из сотен мелких карельских речушек.

Здесь, на Карельском перешейке, наша 7-я армия, наиболее сильное и боеспособное объединение Ленинградского военного округа, с успехом перешла в наступление. Финская пехота отходила, уклоняясь от крупных боев. Редкая сеточка проселочных дорог, убегающая в глубь страны, на северо-запад, отныне стала называться в оперативных сводках направлением главного удара.

Надо заметить, что над планом финской кампании, видимо, по уже оговоренным выше причинам, в штабе думали недолго. Он был прост и незамысловат, как штык «трехлинейки».

При разработке плана во главу ставилось то обстоятельство, что кратчайший путь по карте от государственной границы до Хельсинки пролегал именно здесь, по побережью Финского залива.

Можно задаться логичным вопросом: почему не бралась в расчет упрятанная в межозерье и непроходимых болотных топях обширнейшая система мощных финских укрепрайонов, эшелонированная в глубину на многие десятки километров, которая наглухо перекрывала путь в глубь страны? Более известная как «линия Маннергейма», она, по оценкам

специалистов, ни в чем не уступала имевшимся мировым аналогам, в частности, немецкой линии Зигфрида и французской линии Мажино. Так почему же для главного удара было выбрано это, гиблое во всех отношениях направление?

Здесь можно высказать несколько соображений.

Во-первых, по разумению Сталина, воевать надлежало с громкой славой, так, чтобы демонстрация сокрушительной мощи Красной Армии заставила почтительно притихнуть европейские столицы. Если лихим тараном проломить железобетонный панцирь Суоми, да и еще совершить это в то время, когда немцы, англичане и французы нерешительно топчутся друг против друга в Европе, — это впечатлит и заставит «снять шляпы» и Лондон, и Париж, и Берлин.

Во-вторых, ни тогдашний нарком обороны маршал Ворошилов, ни командующий группировкой округа командарм 1-го ранга Тимошенко полководческими талантами, мягко говоря, не обладали. Часто для обоих решающим аргументом в принятии того или иного решения становилась обычная линейка, превращавшая на карте прямую линию от пункта А до пункта Б в направление главного удара.

К слову, сразу же по окончании финской кампании Тимошенко, отвечая на вопросы выпускников военных академий, касавшихся новых стратегических решений, снисходительно отмахнулся: *«Какая вам тут еще стратегия? Иди вперед, прогрызай оборону — вот и вся стратегия!»* Об этой «стратегии» Тимошенко речь пойдет чуть позже.

«Малой кровью, могучим ударом» на поверку оказалось не более чем фанфарной строкой из бравой песни, никак не соответствовавшей реальному положению вещей. Солдатская кровь оставалась едва ли не на последнем аргументом в длинной череде «за» и «против».

Подтверждение тому — многочисленные эпизоды и финской, и Великой Отечественной, когда у «незнакомого поселка, на безымянной высоте» пехоту клали ротами и батальонами, до последнего человека. Много ли могла стоять жизнь деревенского мужика в красноармейской шинели в то время, когда в одночасье расстреливались и маршалы и командармы!

Существовал ли альтернативный план кампании? Да. Он был разработан еще в начале тридцатых годов под руководством маршала Тухачевского, как возможный вариант боевых действий против потенциального противника, которым тогда стремительно становилась Финляндия. План предусматривал быстрый перехват Финляндии в самом узком месте, в Северной Карелии, с последующим энергичным ударом на юг и выходом в тыл финских укреплений на Карельском перешейке.

Однако история распорядилась иначе. К тому времени, когда потенциальный противник стал противником реальным, прах ошелюманного маршала уже лежал в земле, а тот его план, как и все другие труды, стал планом «врага народа».

Войскам определялось действовать по другой, уже известной нам схеме, ставшей впоследствии хрестоматийно печальным примером.

Штаб Маннергейма и финская военная разведка сумели разгадать «оперативный замысел» советского командования и повести грамотную контригру. На направлении нашего главного удара финны развернули, пожалуй, лучшее, что было в их вооруженных силах — 5-ю полевую армию генерала Эстермана при поддержке Аландской армейской группы.

Первые дни боев хоть и не дали запланированных темпов продвижения, но все же не вызвали серьезных поводов для беспокойства. На всех оперативных направлениях Красная Армия продолжала наступать, встречая, как правило, очаговое сопротивление финских егерей. В оперативных сводках и донесениях начинает просматриваться боевой характер противника. Финский солдат хладнокровен и стоек, за счет отличного владения лыжами чрезвычайно подвижен, как правило, хороший стрелок.

Финские части упорно обороняют мосты, населенные пункты, господствующие над местностью высоты. При оставлении населенного пункта буквально все жгут, обильно минуют дороги, причем отход войск всегда организован, прикрыт арьергардами, никогда не переходит в паническое бегство. Финны боятся обходов, охватов с флангов и при такой угрозе сразу откатываются на новые позиции.

Сплошного фронта как такового не существовало. Именно из-за этого иногда случались комические эпизоды. Один из таких произошел в полосе наступления 9-й армии, в состав которой входил стрелковый батальон 43-й стрелковой дивизии Белорусского Особого военного округа.

Одна из рот этого батальона, с ходу уничтожив финский пограничный пост, начала стремительно продвигаться вглубь территории противника. Лапландия — далеко не самое густонаселенное место на земле. Пройдя десяток километров и не встретив ни единого человека, изумленные красноармейцы вышли на окраину еще сонного крохотного финского городка. Тишина и умиротворенное спокойствие насторожили: не устроили ли финны засаду? Бесшумно развернувшись в боевые порядки, рота, соблюдая все меры предосторожности, вступила в городок.

На единственной площади окружили приземистый деревянный дом, из которого явственно доносился смех и разноголосый гомон. Распахнута дверь — красноармейцы с винтовками наперевес врываются внутрь. За дубовыми столами завтракают финские солдаты. Немая сцена. Но вот унтер-офицер жестами предлагает остолбеневшим красноармейцам присоединиться к трапезе. Ротный, вконец обалдев, сунув в кобуру «ТТ» и вытащив разговорник, пытается объяснить финнам, чтобы те сдавали оружие.

С подобной прогулки война началась далеко не везде. В этот день на Карельском перешейке было не до смеха. Одна из стрелковых дивизий 7-й армии, в коротком бою сбив приграничные части финнов, к исходу дня вышла на подступы к городу Териоки (ныне Зеленогорск) и завязала здесь тяжелый бой.

Териоки горел. Глазам вступивших в него бойцов предстала жуткая картина хаоса и разрушения. То, что уцелело после штурмового огня артиллерии, при отступлении было подожжено финскими факельными командами. Минировано было практически все, даже руины.

4 декабря хельсинское правительство Ристо Рюти попыталось через посредничество Стокгольма обратиться к Советскому Союзу с предложением немедленно остановить военные действия и сесть за стол переговоров. Переданный через советского полпреда в Швеции А. Коллонтай ответ ошеломил Рюти. Оказывалось, что СССР не только не находится в состоянии войны с Финляндией, а напротив, заключив с ней военный союз, помогает финскому народу в его борьбе за освобождение Финляндии от шайки хельсинских белобандитов.

Этот зигзаг сталинской дипломатии дал свои плоды. Именно тогда финские солдаты на фронте получили приказ-заклинание стоять насмерть. Именно с этого дня сводки с фронта все чаще начинают определять сопротивление финской армии как «яростное», «отчаянное», «исступленное».

Между тем военный союз на то и союз, что предполагает участие в нем хотя бы двух союзников. И этот недостающий союзник был создан, что называется, из воздуха. В Ленинграде начал формироваться Первый Финляндский корпус, ядро которого составляли ингерманландцы — финны, уроженцы Карелии и севера Ленинградской области. Одевать солдат «независимой» армии в красноармейскую форму показалось перебором даже Сталину. Финской же в таких количествах просто не было. Что делать?

Решение нашлось нестандартное: командующему Белорусского Особого военного округа было дано указание из захваченных в сентябре 1939 г. под Белостоком пакгаузов в Ленинград самолетами срочно доставить необходимое количество польской армейской формы.

Знаменитые польские конфедератки заменены шапками, спороты шевроны с белокрылым орлом — и вот уже финские волонтеры с песнями маршируют по Ленинграду от Дворцовой площади к Финскому вокзалу. Корпус берегли от боев: он предназначался для торжественного вступления революционных финских войск в Хельсинки. Этого не случилось. Корпус, так и не понюхавший пороху за всю войну, прекратил свое существование вместе с правительством Отто Куусинена, которое заявило о своем самороспуске за несколько дней до окончания военных действий.

8 декабря 1939 г. постоянный представитель Финляндии в Лиге Наций сделал чрезвычайное заявление относительно того, что его страна подверглась неспровоцированной агрессии со стороны СССР. *«Советский Союз, — заявил представитель, — нарушив Договор о ненападении и мирном улаживании конфликтов, атаковал Финляндию на всем протяжении границы. Кроме атаки приграничных районов, он подверг бомбардировке с воздуха открытые финские города, в результате чего имеются жертвы среди мирного населения...»*

В назначенный для заслушивания сторон день советский представитель на заседание Лиги Наций не явился. Итог известен. СССР, как государство, объявленное агрессором, большинством голосов исключался из членов Лиги.

Теперь Советскому Союзу руки были полностью развязаны. В связи с тем, что дела на фронте складывались крайне неудачно, началась переброска войск из внутренних округов. Основным округом был избран Белорусский Особый. Это объяснялось, прежде всего, тем, что он граничил с

Ленинградским военным округом и к тому же считался одним из самых боеспособных в Красной Армии.

Первые эшелоны с личным составом и боевой техникой убыли из Минска 13 декабря 1939 г. В этот день 100-я стрелковая дивизия, которая дислоцировалась в военном городке Уручье, была поднята по тревоге, погружена в эшелоны и скрытно отправлена в Ленинград. Личный состав дивизии мог только догадываться, куда следует, по названиям населенных пунктов: Витебск, Остров, Псков, Луга. 24 декабря дивизия вышла на передний край линии фронта в районе станции Терийоки и деревень Питкала и Пихкала, где и приняла свой первый бой.

Подробности событий той «незаметной» войны восстановил ветеран 100-й стрелковой дивизии Влас Леонтьевич Корхов. Он вспоминал: *«Финская оборона крепла, наше наступление выдыхалось. На момент прибытия на передовую в нашей дивизии было 14 тысяч человек. Через несколько недель боев она потеряла до 70 % личного состава убитыми, ранеными и обмороженными. Ударили трескучие морозы. В условиях наступления они оказались лютым врагом. Мерзло все: превращалась в ледяную коросту артиллерийская смазка, буханка хлеба становилась булыжником, руки прилипали к металлу. О нас и говорить не приходилось: шинель от такого мороза — не бог весть, какая защита!.. Были, правда, и полушубки, были тулупы, но мало, в основном, у артиллеристов. Да и неудобны они были: в тулупе, что куль — неуклюж, неповоротлив. То ли дело финны! Их бригады и батальоны были подготовлены к полярной войне отменно. Шерстяное белье, свитеры, толстые ватные штаны, сапоги на меху, длинноухие овчинные шапки — все теплое, легкое, удобное. Каждый солдат был снабжен белым маскхалатом, лыжами из знаменитой карельской березы. К слову, на лыжи ставили буквально все: обозные повозки, пулеметы, легкие пушки, санитарные фургоны. Все это в условиях боев в заснеженных северных лесах позволяло бесшумно и очень быстро маневрировать значительными силами...».*

У финнов существенно хуже обстояли дела с тяжелым вооружением. При неплохой артиллерии чувствовалась нехватка танков и боевых самолетов. Маннергейм располагал несколькими десятками старых французских танков «Рено» и незначительным количеством самолетов, в основном бипланов, устаревших английских, французских и итальянских марок. Да еще Гитлер, явно для демонстрации своих «симпатий» к Москве, преподнес сюрприз вчерашнему союзнику. Тридцать новеньких итальянских истребителей «Фиат», отправленных финнам по указанию Муссолини, были задержаны на территории Германии.

К концу декабря наше наступление окончательно застопорилось. Линия фронта на Карельском перешейке практически стабилизировалась в 50–70 км к северо-западу от старой границы.

Из Москвы требовали продвижения вперед. Продвижения во что бы то ни стало, за наступлением Красной Армии пристально следила вся Европа. И наступавшие дивизии делали все, что могли, проявляя солдатское мужество и ратную доблесть.

«Преданность Родине, воинскому долгу показал заместитель командира стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии майор И. П. Курьлин, — вспоминает В. А. Корхов. — В бою при прорыве линии Маннергейма один из стрелковых полков дивизии потерял командира и, неся большие потери от сильного перекрестного огня из дотов противника, залег в снегу. Майор Курьлин И. П., несмотря на то, что он артиллерист, взял на себя командование полком. Он поднял в атаку весь полк и, увлекая своим примером, ринулся первым в финские окопы. Противник был полностью уничтожен. По просьбе личного состава он остался временно командовать этим полком. Майор И. П. Курьлин в бою под городом Выборг погиб смертью героя».

Трагедия нашей войсковой группировки заключалась в том, что судьбы десятков тысяч бойцов были вверены в руки таких «стратегов», как Тимошенко, Мехлис, Ворошилов, Жданов (бывший членом Военного совета). Их бездарность, жестокость, выдаваемая за твердость, крайнее пренебрежение к противнику оплачивалось кровью тысяч солдат и командиров. Особенно много было раненых и обмороженных.

Сказалась посредственная подготовка санитарной и автомобильных служб. Из-за невозможности быстро вывезти раненых в тыл, они замерзли насмерть или умерли от потери крови. В то время, как финны без особых проблем вывозили своих раненых на быстрых санях, наши маломощные санитарные грузовики натужно буксовали в глубоком снегу.

Все оставшиеся в живых ветераны вспоминают, что единственно надежным средством от мороза оказывался спирт. Место рождения знаменитых фронтовых «наркомовских сто граммов» — именно финская война.

Снайперам выдавали по целой бутылке. Снайперская дуэль — охота. Охота друг на друга двух тренированных, подготовленных стрелков, требовавших зачастую многочасового лежания в снегу без шороха и движения.

С финскими снайперами, наносившими ощутимый урон пехоте, пришлось столкнуться с первых же дней военных действий. За излюбленную манеру вести огонь с деревьев наши бойцы окрестили их «кукушками». Иногда, начав «куковать», такая кукушка заставляла залечь в снегу целую роту.

В советской пехоте нашлись таежные охотники, которые и придумали эффективный способ борьбы с лесными снайперами. На помощь пришли собаки. Пущенная вперед стрелковой цепи лайка, бесстрашно лавируя между снежными фонтанчиками пуль, упиралась передними лапами в ствол и громко лаяла. Это означало — наверху враг. Сосну тут же брали вперекрест 2–3 ручных пулемета и прошивали густую крону, не оставляя снайперу никаких шансов выжить.

«И первый маршал в бой нас поведет...»

Накануне 1940 г. Сталин на экстренном военном совете потребовал добиться решительных успехов в самое ближайшее время. Каждый новый день вялых перестрелок, разведок боем, артиллерийских дуэлей наносили ощутимый урон престижу и авторитету Красной Армии.

Началась срочная переброска дивизий из внутренних округов — Белорусского, Киевского, Харьковского. Одетые в шинели маршевые роты в авральном порядке грузили в теплушки, туманно обещая «с зимним вещевым довольствием разобратся на месте». Однако на месте, как правило, становилось уже не до того: жернова войны требовали все больше и больше человеческого материала.

В январе 1940 г. в горнило войны были брошены батальоны 2-й, 5-й и 82-й стрелковых дивизий, эскадроны 2-й и 3-й кавалерийских дивизий Белорусского Особого военного округа. В ходе боевых действий выбывший личный состав заменялся в среднем 2–3 раза.

После Нового года активные боевые действия возобновились. Сразу же возросли потери. Полевые госпитали не справлялись с потоком раненых. На помощь пришел Ленинград, вскоре тоже захлестнутый этим потоком. Тогда раненых стали вывозить в окружные госпитали.

Тяжелые потери несли и финны. Горе в тысячных стаях казенных конвертов разлеталось по обе стороны линии фронта.

Главкомандующий финской армией маршал Карл Густав Маннергейм был трезвым и хладнокровным человеком. Будучи давним и убежденным антикоммунистом, он никогда не опускался до пещерного национализма, до ненависти к русскому народу. Быть может, это качество выработалось в нем за долгие годы, проведенные на российской военной службе. Финский барон был не последней фигурой в кругах царского генералитета.

Он дослужился до эполет генерал-лейтенанта, командовал одной из лучших в русской армии кавалерийской дивизией. Благодаря своей преданности и исполнительности Маннергейм был замечен императором Николаем и приближен ко двору. Он не относился к тому типу людей, которые в зависимости от политической конъюнктуры меняли свои привязанности, как перчатки. В течение всей «зимней» войны на столе главнокомандующего в его ставке в Миккели простояла фотография с дарственной надписью и припиской, сделанной рукой маршала: *«Это — мой государь»*.

Маннергейм отлично знал русского солдата: его самоотверженную стойкость в обороне, взаимовыручку в бою, неудержимый напор и отвагу в наступлении. И главным контраргументом этому он выставил ту мощнейшую систему фортификационных сооружений на Карельском перешейке, которая получила его имя.

Что же представляла собой эта «финская крепость»? Обратимся вновь к воспоминаниям участников боев. Подступы к первой линии были обильно насыщены дзотами, засеками, завалами, минными полями. Финны взорвали практически все мосты через каменистые лесные реки и узкие горловины озер. Инженерное усиление в сочетании с болотами, узкими дефиле озер, делали эту местность труднопроходимой.

Каждый узел сопротивления оборонялся полевой и казематной артиллерией и пехотной силой до двух егерских батальонов. Обычно узел представлял собой неправильный прямоугольник в четыре километра по фронту и два километра в глубину. Он насчитывал до 30 долговременных огневых точек (дотов), составляющих его бетонный скелет. Промежутки между дотами были

заполнены разветвленной сетью траншей, окопов и ходов сообщений, прикрытых засеками, лесными завалами, противотанковыми «волчьими ямами» и сложной системой инженерных заграждений.

К примеру, один из дотов в полосе наступления 100-й стрелковой дивизии имел перед фронтом 45 рядов колючей проволоки. *«Прямо в этом проволочном поле, — вспоминает В. А. Корхов, — было разбросано в шахматном порядке двенадцать рядов противотанковых бетонных надолб. Кроме того, там были сотни противотанковых и противопехотных мин. Каждый дот имел боевые казематы, арсенал, коридоры со спусками в казарму, электростанцию, машинное отделение, офицерскую комнату, кухню, уборную, лазы в бронекупол. Доты были рассчитаны на прямое попадание гаубичных снарядов».*

И это еще не все. Уходящие в тыл отсечные позиции через соединяли главную полосу обороны с полосой тактических резервов или второй оборонительной полосой. Она имела 39 дотов и 178 дзотов и той же самой системой полевого заполнения. Еще примерно через 7 километров лежала третья линия обороны, состоявшая из четырех узлов сопротивления.

И, наконец, в неприступную крепость был превращен Виипури (Выборг). Финны сделали из него особо мощный укрепрайон. Опорными пунктами стали дома, кладбище, ипподром. В случае особой необходимости оборона усиливалась затоплением территорий к востоку от него путем взрыва плотины Саймаанского канала.

Предусмотрено было, казалось все, вплоть до минирования льдов Выборгского залива. И все-таки линию Маннергейма прорвали!

Прорвали именно в лоб, растапливая кровью льды болот и озер, превосходя предел человеческих возможностей.

Зимой сорокового девятнадцатилетний солдат Антти, вторым номером лежал за пулеметом в дзоте под Хоттиненом. Он вспоминал: *«Сначала несколько часов была русская артиллерия. Это был суший ад, словно все черти разом повылезали из болот. Нам повезло: мы отсиделись в казематах, а от второго взвода, не успевшего покинуть траншею, осталось шесть человек. А потом цепями пошла советская пехота. Она шла так густо, что мы не успевали перезаправлять ленты. Ствол раскалялся докрасна, — и ни одна, ни одна пуля не летела мимо цели. А они продолжали по штабелям трупов ползти вперед. Потом снова поднимались с винтовками. В полный рост. С одними винтовками. Это безумие, это было дикое безумие. Наш унтер сказал: «Они чертовски храбрые парни, но у них там, наверху, кто-то определенно спятил...».*

Наконец дело сдвинулось с мертвой точки. Ценой титанических усилий, невиданного героизма солдат и командиров главная полоса финской обороны была прорвана. 7-я и 13-я армии (впоследствии воины 13-й армии первыми приняли на себя удар фашистов в июне 1941 г. в гродненском укрепрайоне) продолжали развивать наступление, спотыкаясь о доты и укрепленные огневые позиции.

Финны сдавались в плен крайне редко. В основном, их брали либо раненых, либо застав врасплох. В пользу этого говорит хотя бы тот факт, что за все

время военных действий в советском плену оказалось менее одной тысячи финских солдат и офицеров. Иногда при допросе пленного финского солдата, к изумлению присутствующих, обнаруживалось, что он еле-еле говорит по-фински!

Выяснилось, что в учебных лагерях финской армии много иностранцев. Эти добровольцы прибывали в Финляндию практически из всех стран Европы. Шведов набралась целая стрелковая бригада численностью более 8 тысяч штыков.

В Лапландии, на северном участке советско-финского фронта, фактически всем руководил бывший в то время начальником Политического управления РККА армейский комиссар 1-го ранга Мехлис. Этот до мозга костей преданный Сталину человек считался в армии «серым кардиналом». Его, жестокого и вспыльчивого человека, одного из главных организаторов репрессий высшего командного состава РККА, откровенно побаивались даже командармы. Его вмешательство в управление войсками чаще всего было губительным, не раз приводившим к катастрофам.

По его указанию северная группировка войск пришла в движение. 44-я стрелковая дивизия 13-й армии, будучи на острие удара, после короткого боя прорвала финскую оборону и начала быстрое продвижение вперед. Между тем, финнам энергичными фланговыми ударами удалось закрыть проход, отрезав дивизию от основных сил.

Несколько дней, в лютую стужу, в полном окружении, части дивизии вели тяжелейшие бои на прорыв из кольца. В конце концов, это удалось, но какой ценой! Вот выдержка из срочной телеграммы Мехлиса Сталину: «... 44-я дивизия оставила противнику 79 орудий, 37 танков, 130 станковых пулеметов, 150 ручных пулеметов, 6 минометов, 150 автомобилей, все радиостанции, весь обоз. Из окружения вышла только половина личного состава, причем до 40 процентов без оружия. Раненых и обмороженных 1057 человек. Фактически от дивизии остался только артполк и медсанбат...».

Над командованием дивизии Мехлис устроил показательный военно-полевой суд. После пятидесятиминутного разбирательства командир дивизии полковник Виноградов, начальник штаба полковник Волков и начальник политотдела полковой командир Пахоменко были расстреляны перед строем.

28 февраля сопротивление финнов на линии Маннергейма прекратилось. Утром 13 марта пал Выборг. В этот же день ровно в двенадцать часов смолкли пушки. Война закончилась.

Настало время получать награды. 100-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина, а многие красноармейцы, сержанты, командиры, политработники были награждены орденами и медалями. Только из состава 46-го гаубичного полка дивизии было награждено орденами и медалями 56 особо отличившихся солдат и командиров. За мужество и героизм, проявленный в бою, звания Героя Советского Союза было удостоено 10 воинов дивизии. Среди них: лейтенант Кучеров Ф. Я., старший лейтенант Ребенок П. И., сержант Кириллов В. М., старший лейтенант Ватагин А. М., красноармеец Веселов А. М., старший лейтенант Мешков В. М., лейтенант

Перегуда П. У., старший лейтенант Сипович М. И., старший политрук Фомичев М. А., заместитель политрука Хмаладзе И. Г.

По условиям мира Финляндия лишалась всего Карельского перешейка, Выборга, Сортавалы, ряда территорий в северной Карелии. К СССР полностью отошли полуостров Рыбачий и Средний.

Почему же в начале марта воюющие стороны решили заключить мир?

Перед Красной Армией, только что прорвавшей линию Маннергейма, путь на Хельсинки, казалось, был открыт. Однако, в Европе поднималась волна недовольства последними событиями и продвижением советских войск. Более того, сотысячный англо-французский экспедиционный корпус был готов высадиться в финских портах по первому обращению правительства Финляндии. Наши потери были ужасающими: более 272 тысячи убитых, раненых и обмороженных, 17 тысяч военнослужащих пропали без вести.

Тяжелыми были и потери Финляндии: 25 тысяч убитых, не считая раненых, страшная цифра для 4-х миллионного народа! Кроме того, продолжать боевые действия с помощью французов и англичан означало превратить территорию страны в поле боя новой мировой войны. Тогда, в марте 40-го, в Хельсинки этого очень боялись.

Оценивая боевые качества Красной Армии, немецкий генерал Типпельскирх отмечал: *«Престиж русских в военном отношении сильно поколебался, хотя с самого начала было ясно, что финнам не избежать поражения. Спрашивалось: почему удалось достигнуть успеха только после трехмесячных кровопролитных боев? Конечно, наступление было начато слишком слабыми силами. Но русские в течение всей войны проявили такую тактическую неповоротливость и такое плохое командование, несли такие огромные потери во время борьбы за линию Маннергейма, что во всем мире сложилось неблагоприятное мнение относительно боеспособности Красной Армии. Несомненно, впоследствии это оказало значительно влияние на решение Гитлера».*

До начала Великой Отечественной оставались считанные месяцы.

«ГРОЗА» НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

В военных приготовлениях СССР ключевое место занимала деятельность Генерального штаба, до сих пор содержащая, много «белых пятен», что связано с сохранением секретности документов 1939–1941 гг.

Содержание советских военных планов традиционно излагается в отечественной литературе по устоявшейся схеме: планы разрабатывались в ответ на рост германской угрозы и предусматривали отражение вражеского нападения, нанесение ответных контрударов и общий переход в наступление для разгрома противника.

В соответствии с этим замыслом армиям прикрытия ставилась задача в течение 10–15 дней обороняться на линии государственной границы, не допуская вторжения противника на советскую территорию, и готовиться к переходу в наступление вместе с армиями второго стратегического эшелона.

Однако, документальные материалы, ставшие доступными в начале 90-х гг., и исследования последних лет существенно корректируют подобные подходы. Стало известно, что советское военное планирование боевых действий против Германии началось с октября 1939 г. и продолжалось до середины июня 1941 г. За этот период было разработано пять вариантов плана оперативного использования Красной Армии в войне с Германией. Это не исключает наличия и других рабочих вариантов, которые все еще недоступны для исследователей.

Прежде чем переходить к анализу этих документов, следует хотя бы кратко остановиться на хронологии процесса их разработки. Документ под условным названием «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.» начал разрабатываться после установления советско-германской границы по договору от 28 сентября 1939 г. Особую интенсивность этот процесс приобрел со второй половины марта 1940 г., и в конце июля этот документ был готов.

К 18 сентября был подготовлен новый вариант плана, который учитывал возможность использования главных сил Красной Армии, в зависимости от обстановки, на Северо-Западном или Юго-Западном направлениях. Именно эти варианты развертывания советских войск именуется в историографии соответственно «северным» и «южным». 14 октября доработанный «южный» вариант плана был утвержден в качестве основного, но при этом было решено «иметь разработанным» и «северный» вариант. Разработку обоих вариантов на местах планировалось закончить к 1 мая 1941 г.

Таким образом, советские вооруженные силы получили действующий документ, на основе которого велось более детальное военное планирование.

К 15 мая 1941 г. был разработан еще один вариант.

Основная группировка советских войск должна была развернуться в полосе от Балтийского до Черного моря. Какие же задачи возлагались на все эти войска? Согласно документу от июля 1940 г., *«основной задачей наших войск является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировкам противника в районе Ивангород [Демблин], Люблин, Грубешов, Томашов, Сандомир».*

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 51 дивизия и 4 бригады) должен был *«ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Алленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта нанести решительное поражение германской армии, сосредоточивающейся в Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла. Одновременно ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород [Демблин], совместно с армиями Юго-Западного фронта нанести поражение Ивангород-Люблинской группировке противника и также выйти на р. Висла».*

Согласно плану от 18 сентября 1940 г., *«главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем, чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на*

Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней».

Общая задача Красной Армии на Западе была сформулирована следующим образом: «1. Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск. 2. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение Люблин — Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер. 3. В процессе операции прочно прикрывать границы Северной Буковины и Бессарабии. 4. Активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии, прочно прикрывая при этом Минское и Псковское направления».

Из документа четко вырисовывается действительный сценарий начала войны, положенный в основу планирования. Под прикрытием войск западных военных округов Красная Армия проводит сосредоточение и развертывание на Западном театре военных действий, ведя одновременно частные наступательные операции. Завершение сосредоточения служит сигналом к переходу в общее наступление по всему фронту от Балтики до Карпат с нанесением главного удара по южной Польше.

Немецкие войска, как и в первом варианте плана, обозначены термином «сосредоточивающиеся», значит, инициатива начала войны будет исходить от советской стороны.

Широко распространенное мнение о том, что СССР сначала ждал нападения врага, а уже потом планировал наступление, не учитывает того, что в этом случае стратегическая инициатива фактически добровольно отдавалась бы в руки противника, а советские войска ставились бы в заведомо невыгодные условия. Тем более, что сам переход от обороны к наступлению, столь простой в абстракции, является очень сложным процессом, требующим тщательной и всесторонней подготовки, которая должна была начинаться с оборудования четырех оборонительных рубежей на 150 км глубину. Но ничего подобного до начала войны не делалось, и вряд ли стоит всерьез отстаивать тезис о том, что Красная Армия могла успешно обороняться на неподготовленной местности, да еще при внезапном нападении противника, которое советскими планами вообще не предусматривалось.

Поскольку в документах были подробно расписаны именно наступательные операции советских войск, говорить об ответных действиях Красной Армии не представляется возможным. Содержание этих документов лишний раз показывает, что действия войск по прикрытию в период сосредоточения и развертывания не связаны с отражением нападения противника, а являются своего рода боевым охранением сосредоточивающихся войск.

Уточнение задач советских войск нашло свое дальнейшее развитие в документе от 15 мая 1941 г. В нем впервые открыто и четко сформулирована мысль, что Красная Армия должна «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в

стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск». Эта мысль, как мы видели выше, в скрытой форме присутствовала во всех предыдущих вариантах плана. Естественно, что разработчики этого документа говорят о возможности нападения Германии на СССР лишь предположительно.

Войскам Красной Армии ставилась задача нанести удар по германской армии, для чего следовало «первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест — Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович. Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Одомоуц.

Последующей стратегической целью иметь: наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников,

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника,

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке».

Таким образом, Красная Армия начнет наступательные действия силами 152 дивизий против 100 германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона.

Достижение ближайших стратегических целей планировалось обеспечить наступательными действиями войск Юго-Западного направления, на котором развертывалось более половины всех дивизий, предназначенных для действий на Западе. Для обеспечения сильного первоначального удара по противнику основные силы планировалось развернуть в армиях первого эшелона, куда включалась большая часть подвижных соединений.

Была ли запланирована точная дата начала наступления? Только комплексное исследование документов, отражающих, как процесс военного планирования, так и проведение мер по подготовке наступления, позволит дать окончательный ответ на этот вопрос. Вместе с тем, известные историкам даты проведения этих мероприятий не исключают того, что такая дата определена была.

По мнению В. Н. Киселева и В. Д. Данилова, наступление Красной Армии было возможно в июле 1941 г. В доступных документах, отражающих процесс подготовки Красной Армии к войне, указывается, что большая часть мер по

повышению боеготовности войск западных приграничных округов должна была быть завершена к 1 июля 1941 г.

К этому дню планировалось закончить формирование всех развертываемых в этих округах частей; вооружить танковые полки межкорпусов, в которых не хватало танков, противотанковой артиллерией, завершить переход на новую организацию авиационного тыла, автономную от боевых частей, сосредоточить войска округов в приграничных районах, замаскировать аэродромы и боевую технику.

Одновременно завершалось сосредоточение и развертывание второго стратегического эшелона Красной Армии. Так, войска 21-й армии заканчивали сосредоточение к 2 июля, 22-й армии — к 3 июля, 20-й армии — к 5 июля, 19-й армии — к 7 июля, 16-й, 24-й и 28-й армий — к 10 июля.

Исходя из того факта, что «противник упредил советские войска в развертывании примерно на 25 суток», полное сосредоточение и развертывание Красной Армии на Западном театре военных действий должно было завершиться к 15 июля 1941 г. К 5 июля следовало завершить организацию ложных аэродромов в 500-километровой приграничной полосе. К 15 июля планировалось завершить сооружение объектов ПВО в Киеве и маскировку складов, мастерских и других военных объектов в приграничной полосе, а также поставить все имеющееся вооружение в построенные сооружения укрепрайонов на новой границе.

Таким образом, как следует из известных материалов, Красная Армия должна была завершить подготовку к наступлению не ранее 15 июля 1941 г. Вместе с тем, выяснение вопроса о запланированной дате советского нападения на Германию требует дальнейших исследований с привлечением нового документального материала.

Имеющиеся в распоряжении историков документы советского военного планирования 1940–1941 гг. позволяют критически отнестись к традиционной официальной версии об оборонительных намерениях советского руководства. Эти материалы свидетельствуют, что советское военно-политическое руководство занималось подготовкой преимущественно наступательных военных действий против Германии и ее союзников.

В течение полутора лет советский Генштаб тщательно и всесторонне разрабатывал планы нападения на Германию. Советское военное руководство не располагало сведениями о реальных военных планах Германии, хотя конфигурация советско-германской границы позволила сделать довольно точные предположения относительно направлений возможных ударов вермахта.

Однако, как показывают вышеприведенные документы, никаких мер по отражению этих ударов, многие из которых были реально запланированы и проведены в жизнь германским командованием в ходе войны, подготовлено не было. Ныне военные историки вынуждены признать, что *«мероприятия по отражению первых ударов противника в оперативных планах разрабатывались Генеральным штабом недостаточно полно, и содержание оборонительных действий в оперативно-стратегическом масштабе не обрабатывалось».*

Отсутствие связи между возможным ударом врага и действиями Красной Армии опровергает версию об ответном характере наступательных действий советских войск, отработке которых были посвящены военные планы.

Основная идея советского военного планирования заключалась в том, что Красная Армия под прикрытием развернутых на границе войск западных приграничных округов завершит сосредоточение на театре военных действий сил, предназначенных для войны, и перейдет во внезапное решительное наступление, нанося главный удар по Южной Польше.

В течение полугода советский Генштаб занимался решением вопроса о наиболее выгодном направлении сосредоточения основных войск в войне с Германией, поскольку советская военная наука исключительно большое внимание уделяла правильному выбору направления главного удара, при определении которого рекомендовалось всесторонне учитывать факторы политического, экономического, военного и географического порядка.

На направлении главного удара требовалось сосредоточить основную массу Вооруженных Сил для нанесения решительного поражения противнику. Считалось, что от правильного выбора направления главного удара в большой степени зависит исход вооруженной борьбы.

В результате был сделан вывод, что наступление на Юго-Западном направлении позволит решить несколько ключевых стратегических задач, и обеспечит наиболее эффективные действия Красной Армии. Первое полугодие 1941 г. было посвящено тщательной отработке этого удара. Соответствующая подготовка велась на уровне военных округов.

Как показывают вышеприведенные материалы, войска целеустремленно отработывали наступательные планы, обучались ведению маневренных наступательных действий. К сожалению, оперативные планы округов все еще остаются недоступными для исследователей, что не позволяет во всех деталях воссоздать оперативный замысел советского военного руководства.

Основное внимание исследователей привлек документ от 15 мая 1941 г., в котором довольно откровенно изложен советский наступательный замысел. Естественно, сторонники официальной версии сделали все, чтобы доказать, что этот план не был утвержден политическим руководством СССР, а являлся лишь рабочим документом Генштаба.

Однако эта точка зрения была опровергнута, и теперь следует исходить из факта, что именно этот документ являлся итоговым оперативным планом советского Генштаба, к его осуществлению готовилась Красная Армия в мае-июне 1941 г., когда подготовка советского нападения на Германию вступила в заключительную стадию.

Так же, как и Германия, советская «сторона, исходя из содержания своих планов, стремилась в короткие сроки достичь ближайших стратегических целей войны наступлением развернутых к определенному сроку ударных группировок. Это и должно было явиться основным содержанием начального периода войны».

Имеющиеся материалы позволяют высказать предположение о последовательности завершающих приготовлений советских войск к войне.

Скорее всего, 1 июля 1941 г. войска западных округов получили бы приказ ввести в действие планы прикрытия, а завершение к 15 июля развертывания намеченной группировки Красной Армии на Западном театре военных действий позволило бы СССР в любой момент начать боевые действия против Германии.

Невозможность полного сохранения в тайне советских военных приготовлений не позволяла надолго откладывать удар по Германии, иначе о них узнала бы германская сторона. Поэтому завершение сосредоточения и развертывания Красной Армии на западной границе СССР должно было послужить сигналом к немедленному нападению на Германию. Только в этом случае удалось бы сохранить эти приготовления в тайне и захватить противника врасплох.

КТО ВИНОВАТ?

В течение десятилетий историки разных стран стремились дать ответы на вопросы о том, почему началась война, почему относительно локальный европейский конфликт перерос в мировую глобальную войну, кто и в какой степени несет ответственность за такое развитие событий. Ответы на все эти вопросы давались на основе доступных документов, а также с учетом политической конъюнктуры.

В течение 50 лет в рамках официальной советской версии событий, сформулированной еще в 1941–1945 гг. и закрепленной в выступлениях лидеров Советского государства и Коммунистической партии, было дано описание важнейших событий войны, изданы многие документы тех лет, возникла обширная литература по различным проблемам. Однако постепенно становилось все яснее, что становится все сложнее сохранять официальную версию в неизменном виде.

С 1993 г. военно-политические проблемы кануна Великой Отечественной войны оказались в центре дискуссии, вызванной публикацией книг В. Суворова. Хотя эти работы написаны в жанре исторической публицистики, они довольно четко очертили круг наименее разработанных в историографии проблем.

Одни авторы просто отвергают его версию. Другие отвергают ее, ссылаясь на целый ряд ошибок и неточностей автора, не имеющих, правда, принципиального значения. Третьи, учитывая спорные и слабые положения этих книг, привлекают для анализа авторской версии новые документальные материалы, которые подтверждают необходимость дальнейшей разработки этих тем.

Даже сейчас, когда, казалось бы, есть возможность более спокойно и непредвзято взглянуть на историю событий кануна и начала Отечественной войны, инерция привычных штампов продолжает действовать. Так, публикуя наконец-то рассекреченные документы, которые опровергают устоявшуюся официальную версию событий, авторы этих публикаций рассматривают эти документы как подтверждающие ее. Таков гипноз предвзятого мнения.

Предвоенные репрессии перечеркнули все достигнутое в области стратегии и оперативного искусства. Прогрессивные идеи и теории были объявлены

вредительскими. В руководстве вооруженными силами возобладала установка «конников» — Ворошилова, Буденного, Кулика, Щаденко, догматически цеплявшихся за опыт гражданской войны. Ворошилов с трибуны XVII съезда партии утверждал: *«Необходимо... раз и навсегда покончить с вредительскими «теориями» о замене лошади машиной»*. Ему поддакивал Щаденко: *«Война моторов, механизация, авиация и химия придуманы военспецами. Пока главное — лошадка. Решающую роль в будущей войне будет играть конница»*.

Попытка пришедшего в 1940 г. к руководству Наркоматом обороны С. К. Тимошенко на смену Ворошилову возродить идеи Тухачевского в условиях культа не могла осуществиться. Сталин был провозглашен единственным и непререкаемым авторитетом и в области военного искусства. Постепенно распространялись благодушные и шапкозакидательские настроения. Полевой устав 1939 г. требовал вести войну «наступательно, перенеся ее на территорию противника» и путем достижения «решительной победы малой кровью».

Жестокая действительность первых дней войны развеяла иллюзии. Но коса репрессий настолько обезглавила армию, что замшелые поклонники тачанок и клинков и новоиспеченные генералы, вчерашние лейтенанты и капитаны, без году неделя командовавшие дивизиями и армиями, растерялись, не сумели разобраться в обстановке, а тем более овладеть ситуацией.

Сегодня опубликовано много данных о сталинском терроре в вооруженных силах. Но точных сведений до сих пор нет. Считается, что в предвоенный период репрессировано 44 тысячи человек командного состава, свыше половины офицерского корпуса. Эта цифра не отражает действительных размеров сталинских преступлений.

По архивным сведениям, только в период с 27 февраля 1937 г. по 12 ноября 1938 г. НКВД получил от Сталина, Молотова и Кагановича санкции на расстрел 38679 военнослужащих. Если же к этим данным прибавить более 3 тысячи уничтоженных морских командиров и учесть, что истребление военных кадров продолжалось и во время войны, то число безвинно погибших превысит 60 тысяч человек.

По данным К. Симонова, было уничтожено 80 % высших и 50 % старших командиров. Генерал Д. Волконогов утверждал, что на войне погибло 600 советских генералов, а в процессе довоенных репрессий мы потеряли в три раза больше военных в званиях, приравненных к генеральскому.

Во всяком случае, когда Сталин упрекнул Ворошилова за неудачи в советско-финляндской войне, тот, всегда беспрекословно соглашавшийся с вождем, не выдержал и воскликнул: *«А с кем воевать-то?! Все думающие командиры расстреляны, а новых нет!»*. Основным аргументом Гитлера для успокоения собственных запаниковавших генералов перед нападением на СССР были слова: *«Красная Армия обезглавлена... она ослаблена как никогда. Нужно воевать, пока кадры не вырастут вновь»*.

Как стало известно уже после войны, Гитлер, зная о прокатившихся репрессиях по Красной Армии в 1937–1939 гг., затребовал доклад от своих разведорганов о качестве командного состава РККА. За полтора месяца до начала войны, на основании доклада полковника Кребса, военного атташе

Германии в СССР, других данных, фюреру доложили: русский офицерский корпус ослаблен не только количественно, но и качественно. Противник не без основания включал в число исключительно благоприятных факторов для Германии фактическую замену целых звеньев военной системы новыми руководителями. Это не просто поощрило, но и прямо подтолкнуло Гитлера к форсированию событий.

Начальник германского генштаба генерал фон Бек в 1938 г. писал: *«С русской армией можно не считаться как с военной силой, ибо кровавые репрессии подорвали ее дух, превратили в инертную машину».*

«Первоклассный состав советских высших военных кадров истреблен Сталиным в 1937 году, — говорил Гитлер генералу Кейтелю. — Таким образом, необходимые умы в подрастающей смене еще пока отсутствуют». А на совещании высших нацистских генералов по поводу подготовки нападения на СССР 9 января 1941 г. он заявил: *«У них нет хороших полководцев».*

Нельзя не согласиться с К. Симоновым и маршалом А. М. Василевским. Когда писатель сказал, что без тридцать седьмого не было бы поражений сорок первого, маршал ответил, что *«без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. Гитлер не решился бы ее начать».*

Репрессии против командного состава не только обезглавили вооруженные силы, но и серьезно подорвали моральный дух и состояние дисциплины в армии в целом. Авторитет командиров резко упал. Им не верили, и их приказы объявлялись вредительскими. Процветали доносы, которые всячески поощрялись. Органы НКВД вмешивались повсюду, подменяя командиров. Развилось пьянство, самовольные отлучки, дезертирство.

К началу войны Красная Армия и Военно-Морской Флот пришли с почти полностью истребленным основным костяком армии. В целом, в период сталинских репрессий было истреблено высшего и старшего командного состава больше, чем мы потеряли за все четыре года войны.

Анализ событий 1941 г. невозможен без хотя бы краткого рассмотрения внешнеполитической ситуации, в которой Советский Союз оказался к концу 1930-х гг., и, прежде всего, роли советско-германского пакта 1939 г., вызывающего и поныне ожесточенные споры. Нужен ли был этот пакт? Существовала ли ему альтернатива? Каковы его последствия?

Позиции сторон диаметрально противоположны. Одни обвиняют СССР в «предательстве» демократического Запада и «развязывании рук Гитлеру», другие утверждают, что, подписав пакт, Сталин поступил мудро, расколол империалистический фронт и выиграл время для подготовки страны к отпору агрессии.

Запад встретил советско-германский договор яростью и возмущением. Пелена спала с глаз. Стало ясно, что вместо немедленного «Drang nach Osten» последует удар в противоположном направлении. Сталин, перехитрив Англию и Францию, торжествовал.

Однако, если отказаться от умозрительных абстракций и тщетных поисков альтернатив (что могло бы быть) и признать вынужденным в тех конкретных

исторических условиях соглашение с Германией, все равно следует указать на *три основные ошибки* Сталина, допущенные им уже после подписания пакта.

Первая ошибка. Не оправдалась ставка на затяжной характер войны Англии и Франции с Германией, их взаимное истощение и длительный выигрыш во времени для СССР. Действительно, трудно было предположить, что Франция, в недавнем прошлом сильнейшая в военном отношении держава Европы, потерпит сокрушительное поражение за 44 дня.

Вторая ошибка. Не доверявший никому Сталин проявил потрясающую недалекость — поверил Гитлеру и ради оттяжки конфликта делал все, чтобы его убогатить, не гнушаясь пренебрежением всеми принципами морали.

Уже 23 августа 1939 г. Риббентроп был принят так, что позднее мог сказать: *«Я чувствовал себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей»*. А почему бы и нет, если Сталин провозгласил тост: *«Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье»*. После начала мировой войны Сталин публично заявил: *«...не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну»*.

В угоду Гитлеру были порваны дипломатические отношения с правительствами стран, захваченных Германией и находившихся в эмиграции в Англии. Термин «фашизм» исчез из лексикона. Антифашистские книги, пьесы, кинофильмы были запрещены. Советник советского посольства в Париже Н. Иванов получил 5 лет за «антигерманские настроения», причем приговор был утвержден в сентябре 1941 г.!

Кульминацией беспринципного братания с фашистскими правителями Германии стали секретные соглашения о разделе Восточной Европы на сферы влияния: «Договор о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. и итоги переговоров Молотова в Берлине 12–13 ноября 1940 г.

Третья ошибка. Доверившись Гитлеру, Сталин начисто игнорировал все сигналы и предупреждения о готовящейся агрессии и не позволил принять достаточно действенные меры для подготовки страны к отпору агрессору.

Решения чрезвычайной важности принимались Сталиным практически единолично в узком кругу ближайших соратников, которые всячески воспевали его непогрешимость. Начальник разведуправления Красной Армии генерал-лейтенант Ф. Голиков и Берия, имевший собственную разведку, ради поддержки и обоснования уверенности вождя в том, что нападение Германии последует не ранее середины 1942 г., искажали разведданные, противоречащие сталинской идее фикс.

Голиков в докладе руководству, содержащем, в частности, изложение сути плана «Барбаросса», сделал обобщающий вывод: *«Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»*.

Народ и армия были дезинформированы. В приграничных частях красноармейцы и командиры стали раздеваться на ночь в казармах и на

квартирах. В вооруженных силах начались массовые отпуска командного состава. Со стороны Германии никакой реакции не последовало. Приходится признать, что Черчилль охарактеризовал «мудрейшего и гениальнейшего» в этой ситуации слишком снисходительно, когда написал: *«Сталин и его комиссары показали себя в тот момент второй мировой войны полностью растянками»*.

Вместе с тем, было бы неверным считать ошибки одного Сталина, пусть вкуче с его ближайшим окружением. Изрядная доля вины ложится на плечи военного руководства. Чего стоят, например, свидетельства фронтовых командиров и утверждение начальника артиллерии Красной Армии П. Н. Воронова о том, что он не знал, есть ли у нас *«хоть какой-нибудь оперативно-стратегический план на случай войны»*. Тот же Воронов рассказывает о встрече в Москве за несколько дней до начала войны с командующим войсками Западного особого военного округа (ЗапОВО) генералом армии Д. Г. Павловым. *«Все у меня нормально, — радостно сообщил он Воронову — Вот воспользовался спокойной обстановкой, приехал в Москву по разным мелочам»*.

Запоздало разрабатывался план прикрытия государственной границы. Штабы приграничных округов представляли его в Генштаб для утверждения с 5 по 20 июня 1941 г., а Киевский особый военный округ (КОВО) даже 21 июня. В результате войска, как правило, план к началу войны так и не получили, и своих конкретных задач по обороне границ не знали, что явилось причиной неорганизованных действий по отражению агрессии.

Наркомат обороны и Генштаб считали, что война начнется, как и в 1914 г. Главным силам сторон до вступления в сражение потребуется на развертывание несколько дней, а то и до двух недель. Не учли, что немецко-фашистская армия к 22 июня развертывание уже закончила.

13 мая Генеральный штаб дал директиву о выдвижении из внутренних округов на запад четырех армий (28 стрелковых дивизий) — две в ЗапОВО и две в КОВО. Мера важная и верная. Но передислокация осуществлялась крайне медленно и к началу войны далеко не закончилась.

Кроме того, уже в ходе войны войска, переброшенные на Украину, пришлось срочно направлять на Западный фронт. Дело в том, что Сталин потребовал усилить юго-западное направление, где якобы последует главный немецкий удар с целью захвата украинского хлеба и угля, а затем и кавказской нефти. Действительность опровергла прогноз вождя.

В феврале 1941 г. был принят мобилизационный план со зловещим названием *«Гроза»* (окончательная его доработка затянулась до начала войны). Он предусматривал совершенно фантастические сроки приведения в боевую готовность и развертывания по штатам военного времени большинства соединений Красной армии.

Так, войска первого эшелона на Западе, включавшие 114 дивизий и укрепрайонов первой линии, а также 85 процентов войск ПВО, все воздушно-десантные войска, более трех четвертей ВВС и 34 артиллерийских полка Резерва Главного Командования должны были завершить отмобилизование в течение 2–6 часов с момента объявления мобилизации.

В марте 1941 г. был принят новый план стратегического развертывания Красной армии на Западе. В нем были учтены результаты январских игр. Если предыдущий план, одобренный в сентябре 1940 г., помимо главного удара советских войск на Юго-Западном направлении, также допускал, в качестве запасного варианта, перенесение основных усилий против восточно-прусской группировки, то теперь было окончательно выбрано юго-западное направление главного удара.

В мартовском плане стратегического развертывания подчеркивалось: *«Развертывание главных сил Красной армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям».*

Сталину же нужен был блицкриг. Но и новый план стратегического развертывания, как и предыдущий, недооценивал немецкую группировку на западном направлении. По условиям оперативно-стратегических игр января 1941 г. Восточный фронт «западных» (будущая группа армий «Центр») насчитывал всего 20 пехотных дивизий, подкреплённых несколькими танковыми и механизированными соединениями.

И в мартовском плане наиболее вероятным считался такой вариант развертывания вермахта, когда к северу от нижнего течения реки Западный Буг и до Балтийского моря (на фронте будущих групп армий «Центр» и «Север») дислоцировалось от 30 до 40 пехотных, от 3 до 5 танковых и от 2 до 4 моторизованных дивизий. В действительности же 22 июня одна только группа армий «Центр» располагала не меньшим числом соединений: 29 пехотных, 9 танковых, 6 механизированных и 1 кавалерийская дивизия и 1 механизированная бригада.

Тимошенко и Жуков были уверены, что главные свои силы вермахт сосредоточит к югу от Бреста. Здесь предполагалось появление до 110 пехотных, до 14 танковых и до 10 моторизованных немецких дивизий, подкреплённых 30 румынскими и 20 венгерскими пехотными дивизиями и 2 венгерскими мотобригадами.

В мартовском плане стратегического развертывания Красной армии на Западе утверждалось: *«Германия вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлеца до Венгрии, с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев и захватить Украину».* Но на самом деле Жуков, Тимошенко и Сталин в скорое нападение Гитлера на СССР не верили, хотя в том же плане и признавалось: *«Документальными данными об оперативных планах вероятных противников, как по Западу, так и по Востоку, Генеральный штаб не располагает».*

Срок 12 июня выдержать не удалось. Пропускная способность железных дорог в западной части СССР была в два с половиной раза ниже, чем у железных дорог в Германии и Польше, подходящих к советским границам. Поэтому развертывание Красной армии против Германии, хотя и началось раньше, чем развертывание вермахта по плану «Барбаросса», еще весной 1940 г., но потребовало несколько больше времени. К тому же, многие советские соединения пришлось перебрасывать из-за Урала.

Уже в мае стало ясно, что к 12 июня не удастся сконцентрировать все предназначенные для участия во вторжении войска и обеспечить их необходимым количеством топлива, боеприпасов и других предметов снабжения.

К середине мая в Генштабе был готов последний из предвоенных планов стратегического развертывания советских вооруженных сил на Западе. Судя по срокам, названным в изданных на его основе директивах, в тот момент уже ориентировались на начало наступления Красной армии не в июне, а в июле 1941 г. Документ назывался *«Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»*.

Как и во всех предыдущих планах стратегического развертывания, силы Германии и ее союзников оказались весьма значительно преувеличены. Оригинальность на этот раз заключалась в том, что подчиненные Жукова наградили вермахт четырьмя кавалерийскими дивизиями вместо одной, которая в действительности имелась у немцев, и предоставили в распоряжение Гитлера целых 5 воздушно-десантных дивизий, да еще нацелили всех их против СССР.

В действительности германская армия располагала лишь одной воздушно-десантной дивизией — 7-й авиационной. Но она оставалась на Балканах и против Красной армии не действовала. Только общее число танковых дивизий, двинутых против СССР, было определено более или менее точно. В 1941 г. вермахт действительно использовал на Востоке 19 танковых дивизий. Правда, две из них, 2-я и 5-я, вплоть до осени оставались в резерве на территории Германии.

То количество немецких пехотных дивизий, которое руководство Красной армии предполагало в наличии южнее линии Брест — Демблин, в действительности равнялось общему числу пехотных дивизий, задействованных по плану «Барбаросса». Кроме пехотных дивизий, на Востоке имелось еще 4 легкопехотных и 1 горнострелковая дивизии. Также и общее число моторизованных дивизий, которые вермахт мог использовать на Востоке, майский план упреждающего удара определял верно. Их действительно было 15.

Нетрудно заметить, что майский план повторял те же идеи, что отработывались в ходе второй из январских игр. Только теперь направление главного удара было сдвинуто к северу. Армии Юго-Западного фронта шли не на Будапешт, а на Катовице и Краков. Очевидно, Сталин рассчитывал, что в случае успешных действий Красной армии в самом начале войны Венгрия останется нейтральной, и с занятием Будапешта можно будет не спешить.

Если бы Красная армия разбила основные силы вермахта, то, вполне вероятно, даже Румыния, где уже находилась значительная группировка немецких войск, не стала бы драться на стороне Германии, а обратила оружие против немцев, как это и произошло в августе 1944 г.

Однако неправильное определение дислокации основной группировки вермахта обрекало жуковский план на неизбежный провал, а Красную армию — на тяжелейшее поражение. Ведь в этом плане даже не

рассматривались варианты действий на тот случай, если основные силы вермахта окажутся не там, где думали советские генштабисты, а там, где они действительно были, то есть на западном направлении.

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА...

Разработка операции против СССР началась после того, как германское командование 21–22 июля 1940 г. получило соответствующий приказ. Всего было по неполным данным подготовлено около 12 вариантов плана и оперативных набросков.

Согласно плану «Барбаросса» предполагалось к 15 мая 1941 г. завершить подготовку нападения на СССР силами трех групп армий, действующих на Ленинградском, Московском и Киевском направлениях. Вместе с тем, германское командование понимало, что наличных сил вермахта может не хватить для успешных действий сразу на всех стратегических направлениях, и поэтому в план операции была заложена идея остановки наступления группы армий «Центр» на рубеже Днепра для переброски части ее войск на север, чтобы разгромить советские войска в Прибалтике и взять Ленинград.

Хотя все эти маневры еще больше усложняли задачу молниеносного разгрома СССР, считалось, что максимум за 5 месяцев германские войска выйдут на линию Архангельск — Волга, что должно было обезопасить Германию с Востока. Правда, в Берлине старались не задумываться над вопросом, приведет ли осуществление этого плана к разгрому СССР, который в этом случае сохранил бы значительные людские ресурсы и определенную экономическую базу для продолжения войны.

Выработка и утверждение стратегического замысла «Восточного похода» позволили германскому командованию со второй половины февраля 1941 г. приступить к непосредственному развертыванию своих войск у границ СССР. В течение 4 месяцев на границу с СССР было переброшено 100 дивизий. В трех так называемых «эшелонах развертывания» до 21 мая 1941 г. на Восток прибыло 42 пехотные и 1 танковая дивизии (43 %). С 22 мая железные дороги Германии были переведены на график максимального движения, и сосредоточение войск на Востоке резко ускорилось.

Пехотные соединения начали выдвигание к границе за 12, а танковые и моторизованные за 4 дня до нападения. В феврале-мае 1941 г. на Восток были переброшены тыловые части и службы ВВС, а с 22 мая по 18 июня — летные части. В течение 21 июня летные части первого удара заняли аэродромы западнее р. Висла, а к вечеру перелетели на полевые аэродромы у границы. В ночь на 22 июня 1941 г. германское командование завершило все подготовительные мероприятия для осуществления операции «Барбаросса».

Какими же силами располагала Германия для выполнения плана «Барбаросса»? На 15 июня 1941 г. вермахт насчитывал 7329 тысяч человек: 3960 тысяч — в действующей армии, 1240 тысяч — в армии резерва, 1545 тысяч — в ВВС, 160 тысяч — в войсках СС, 404 тысяч — в ВМФ, около 20 тысяч — в национальных формированиях. Кроме того, до 900 тысяч человек приходилось на вольнонаемный состав вермахта и различные военизированные формирования.

Группа армий получила по одному воздушному флоту. Группу армий «Север» поддерживал 1-й воздушный флот в составе 1-го авиакорпуса, воздушного командования «Балтика» и воздушного округа «Кенигсберг». 2-й воздушный флот в составе 8-го и 2-го авиакорпусов, 1-го зенитного корпуса и воздушного округа «Позен» поддерживал группу армий «Центр».

Всего для нападения на Советский Союз германское командование выделило 4050 тысяч человек (3300 тысяч в сухопутных войсках и войсках СС, 750 тысяч — в ВВС и около 100 тысяч — в ВМФ). «Восточная армия» насчитывала 155 расчетных дивизий, 43812 орудий и минометов, 4215 танков и штурмовых орудий и 3909 самолетов.

Из этих сил на 22 июня 1941 г. на Восточном фронте было развернуто 128 расчетных дивизий, и германская группировка насчитывала 3562 тысяч человек, 37099 орудий и минометов, 3865 танков и штурмовых орудий и 3909 самолетов.

Всего же силы Германии и ее союзников насчитывали 4306,8 тысяч человек, 166 дивизий, 42601 орудие и миномет, 4171 танк и штурмовое орудие и 4846 самолетов (из которых 51 находился в распоряжении главного командования ВВС и вместе с 8,5 тысяч человек личного состава ВВС в дальнейших расчетах не учитывается).

Вооруженные силы Советского Союза в условиях начавшейся войны в Европе продолжали расти и к лету 1941 г. были крупнейшей армией мира. К началу войны советские вооруженные силы насчитывали 5774211 человек: 4605321 — в сухопутных войсках, 475656 — в ВВС, 353752 — в ВМФ, 167582 — в пограничных и 171900 — во внутренних войсках НКВД. В сухопутных войсках имелось 303 дивизии, 16 воздушно-десантных и 3 стрелковые бригады. Войска располагали 117581 орудием и минометом, 25784 танками и 24488 самолетами. Из этих войск в пяти западных приграничных округах дислоцировались 174 расчетные дивизии.

Войска НКВД состояли из 14 дивизий, 18 бригад и 21 отдельного полка различного назначения, из которых в западных округах находилось 7 дивизий, 2 бригады и 11 оперативных полков внутренних войск, на базе которых в ПриОВО, ЗаОВО и КОВО перед войной началось формирование 21-й, 22-й и 23-й мотострелковых дивизий НКВД. Пограничные войска состояли из 18 округов, 94 погранотрядов, У отдельных отрядов пограничных судов и других частей. К лету 1941 г. на западной границе СССР находилось 8 округов, 49 погранотрядов, 7 отдельных отрядов пограничных судов и другие части.

Группировка советских войск на Западе насчитывала 3088160 человек (2718674 — в Красной Армии, 215878 — в ВМФ и 153608 — в войсках НКВД), 57041 орудие и миномет, 13924 танка (из них 11135 исправных) и 8974 самолета (из них 7593 исправных). В составе Западного Особого военного округа было 44 дивизии (672 тысячи человек). Кроме того, авиация Северного, Балтийского, Черноморского флотов и Пинской военной флотилии имела 1769 самолетов (из них 1506 исправных).

Кроме того, с мая 1941 г. началось сосредоточение 77 дивизий второго стратегического эшелона из внутренних военных округов и с Дальнего

Востока. К 22 июня в западные округа прибыло 16 дивизий (10 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные), в которых насчитывалось 201691 человек, 2746 орудий и 1763 танка.

На Западном направлении противостояли друг другу группа армий «Центр» и войска Западного особого военного округа (Западного фронта) с частью сил 11-й армии ПриОВО. Для немецкого командования это направление было главным в операции «Барбаросса», и поэтому группа армий «Центр» была сильнейшей на всем фронте. Здесь было сосредоточено 40 % всех германских дивизий, развернутых от Баренцева до Черного моря (в том числе 50 % моторизованных и 52,9 % танковых).

Группу армий поддерживал крупнейший воздушный флот люфтваффе. В полосе наступления группы армий «Центр» в непосредственной близости от границы находилось лишь 15 советских дивизий, а 14 располагались в 50–100 км от нее.

Остальные войска начали в середине июня сосредоточение к границе, и к 22 июня в движении находились войска 2-го (100-я, 161-я стрелковые дивизии), 47-го (55-я, 121-я, 143-я стрелковые дивизии), 44-го (64-я, 108-я стрелковые дивизии) и 21-го (17-я, 37-я, 50-я стрелковые дивизии) стрелковых корпусов. Кроме того, на территории округа в районе Полоцка сосредоточивались войска 22-й армии из УрВО, из состава которой к 22 июня 1941 г. прибыло на место 3 стрелковые дивизии, и 21-й межкорпус из МВО — общей численностью 72016 человек, 1241 орудие и миномет и 692 танка.

В итоге содержащиеся по штатам мирного времени войска ЗапОВО уступали противнику только в личном составе, но превосходили его в танках, самолетах и незначительно в артиллерии. Однако, в отличие от войск группы армий «Центр», они не завершили сосредоточение, что позволяло громить их по частям.

Группа армий «Центр» должна была осуществить двойной охват войск Западного округа, расположенных в Белостокском выступе, ударом от Сувалок и Бреста на Минск, поэтому основные силы группы армий были развернуты на флангах. С юга (от Бреста) наносился главный удар.

Таким образом, германское командование, развернув на Восточном фронте основную часть вермахта, не смогло добиться подавляющего превосходства не только в полосе всего будущего фронта, но и в полосах отдельных групп армий.

Однако, Красная Армия не была отмобилизована и не закончила процесс стратегического сосредоточения и развертывания. Вследствие этого, части первого эшелона войск прикрытия значительно уступали противнику, войска которого были развернуты непосредственно у границы.

На направлениях главных ударов групп армий германскому командованию удалось создать превосходство над войсками Красной Армии, которое было близко к подавляющему. Наиболее благоприятное соотношение сил сложилось для вермахта в полосе группы армий «Центр», поскольку именно на этом направлении наносился главный удар всей Восточной кампании.

На остальных направлениях даже в полосах армий прикрытия сказывалось советское превосходство в танках. Общее соотношение сил позволяло советскому командованию не допустить превосходства противника даже на направлениях его главных ударов. Но в действительности этого не произошло.

Так как, советское военно-политическое руководство не ожидало германского нападения, Красная Армия, начав в мае 1941 г. стратегическое сосредоточение и развертывание на Западном театре военных действий, которое должно было завершиться к 15 июля, оказалась 22 июня 1941 г. застигнута врасплох и не имела ни наступательной, ни оборонительной группировки.

Советские войска не были отмобилизованы, не имели развернутых тыловых структур и лишь завершали создание органов управления. На фронте от Балтийского моря до Карпат из 77 дивизий войск прикрытия Красной Армии в первые часы войны отпор врагу могли оказать лишь 38 не полностью отмобилизованных дивизии, из которых лишь некоторые успели занять оборудованные позиции на границе.

Остальные войска находились либо в местах постоянной дислокации, либо в лагерях, либо на марше. Если же учесть, что противник сразу бросил в наступление 103 дивизии, то понятно, что организованное вступление в сражение и создание сплошного фронта советских войск было крайне затруднено. Упредив советские войска в стратегическом развертывании, создав мощные оперативные группировки своих полностью боеготовых сил на избранных направлениях главного удара, германское командование создало благоприятные условия для захвата стратегической инициативы и успешного проведения первых наступательных операций.

В российской историографии широко распространены утверждения о том, что, кроме Т-34 и КВ, все остальные танки были устаревшими. Однако сопоставление тактико-технических данных советских и германских танков показывает, что никакого существенного превосходства германская техника не имела.

Какие-то параметры были лучше у танков противника, а какие-то — у советских танков. Большая скорость и лучшая проходимость позволяли использовать советские «устаревшие» танки для борьбы с немецкими на равных. Ход боевых действий в 1941 г. показал, что, если советские «устаревшие» танки примерно соответствовали германской технике, то Т-34 и особенно КВ существенно превосходили все типы танков вермахта.

Более того, оказалось, что германские войска вообще не располагают средствами, которые позволили бы на равных бороться с этими типами танков Красной Армии. Однако, нельзя не отметить, что танковые войска вермахта имели опыт современной маневренной войны, четкого взаимодействия с другими родами войск на поле боя, что позволило им получить определенное качественное превосходство над советскими танковыми войсками, которые не закончили очередную реорганизацию и были вынуждены зачастую вступать в бои без поддержки не только авиации, но и пехоты или артиллерии.

Сопоставление качественных показателей артиллерии обеих сторон показывает, что ни о каком качественном превосходстве немецкой артиллерии не может быть и речи. Если же учесть, что большинство орудий противника были модернизированными образцами эпохи Первой мировой войны, а советские создавались в 30-е гг., то необходимо признать, что задел для совершенствования советской артиллерии был существеннее немецкого.

Кроме того, Красная Армия получила на вооружение БМ-13 — знаменитую «катюшу», аналога которой немцам не удалось создать до конца войны. Так что говорить о превосходстве немцев в качестве артиллерии нет никаких оснований. Другое дело, что артиллерийские части вермахта имели боевой опыт и отработанное взаимодействие с другими родами войск на поле боя. Используя свой опыт современной войны, германские артиллеристы в начале войны действовали более умело, и добивались серьезных успехов.

С авиацией дело обстояло несколько иначе. Сопоставляя тактико-технические данные авиационной техники, нельзя не отметить, что советские самолеты, принятые на вооружение в первой половине 1930-х гг., существенно уступали однотипным самолетам противника, которые были модернизированы с учетом опыта войны в Европе.

Советские самолеты новых конструкций, принятые на вооружение в 1939–1941 гг., не только не уступали самолетам люфтваффе, но и имели значительно больший потенциал для дальнейшего совершенствования. В советских ВВС новые самолеты составляли около 25 % общего количества и еще не были освоены личным составом. Нужно также отметить и лучшую организацию ВВС Германии, которые располагали крупными авиационными соединениями. Советская авиация была раздроблена между армиями, фронтами и авиацией дальнего действия.

Кроме того, подготовка летного состава люфтваффе была лучше, и он имел в массе боевой опыт. Подготовка же советских летчиков была слабее, у большинства из них не было боевого опыта. Так, летная подготовка советских летчиков составляла 30–180 часов, а немецких — 450 часов. Следовательно, немецкие ВВС имели качественное превосходство.

По мнению современных германских исследователей, анализ состояния Восточной армии вермахта к 22 июня 1941 г. показывает, что дивизии с лучшим оснащением были сосредоточены вокруг танковых групп, в то время как между ними и на флангах использовались преимущественно менее боеспособные и малоподвижные дивизии.

В целом, Восточная армия производила впечатление скорее «лоскутного одеяла», вопреки очень распространенному в послевоенной литературе суждению, что Гитлер, благодаря гибкой экономике молниеносной войны и ограблению оккупированных территорий, смог мобилизовать против СССР мощную однородно оснащенную армию. Этот довольно неожиданный факт объясняется не только имевшимися тогда материальными возможностями германского военного командования, но также и тем, что решение напасть на Советский Союз не было обеспечено соответствующими энергичными мерами в области вооружения. Его производство не было соотнесено с потенциалом противника, поскольку германское руководство исходило из того, что сможет

имеющимися силами уничтожить военный потенциал СССР в течение нескольких недель.

Таким образом, явного качественного превосходства техники, как и ее количественного превосходства, у вермахта не было. Однако подготовка личного состава и эксплуатация этой техники в вермахте были более высокими, чем в Красной Армии. Явным преимуществом вермахта было то, что сосредоточенные для нападения на СССР войска находились в развернутом состоянии и полной боевой готовности, а Красная Армия еще только начала сосредоточение и развертывание войск на Западе.

Германские войска имели достаточно высокий боевой дух и рассчитывали еще на одну молниеносную войну. К лету 1941 г. вермахт был сильнейшей армией мира, что делало его очень серьезным противником. И, если советским конструкторам удалось еще до войны создать технику, которая стала базой для будущего качественного превосходства над германской, то Красной Армии еще только предстояло научиться бить врага этой техникой, и учеба эта была долгая и трудная.

Все это лишний раз показывает, что попытки отечественной историографии объяснить вслед за Сталиным поражения советских войск в начале войны то количественным, то качественным превосходством германской техники недостаточно обоснованы. Существенного качественного превосходства немецкой техники не было, а количественного немцы смогли добиться лишь в личном составе и на отдельных направлениях в артиллерии. Однако, общее соотношение сил позволяло Красной Армии не допустить и этого перевеса.

Поэтому на первое место выходит вопрос об использовании наличных сил Красной Армии, об умении ими правильно распорядиться. Именно этого умения и не хватило советскому военно-политическому руководству, что и привело к столь трагическому началу войны. Отсутствие у советского командования четко проработанной стратегии оборонительной войны и недостатки в боевой выучке войск стали главными причинами, предопределившими поражения Красной Армии в начале войны.

Войска, не будучи развернутыми и укомплектованными, должны были с ходу вступать в сражение с превосходящими их в каждом отдельном бою силами противника, который действовал более профессионально. К сожалению, героизм воинов Красной Армии не мог заменить четкую и продуманную систему обороны и руководства войсками.

ТРАГЕДИЯ 1941 г.

До недавнего времени в советской историографии бытовало утверждение о подавляющем превосходстве противника над нашими силами к началу войны. Подчеркивалось его 5–6 кратное превосходство на основных направлениях. Что ж, нападающий во все времена стремился быть сильнее своей жертвы. Еще Наполеон говорил, что господь Бог на стороне больших батальонов и что для победы необходимо соотношение 3:1 в пользу наступающего.

Считается, что в пяти приграничных военных округах (ЛенВО, ПрибВО, ЗапВО, КОВО и ОдВО) мы имели 170 дивизий и 2 бригады численностью в 2680 тысяч человек, 37,5 тысяч орудий и минометов, 1475 новых танков и

1540 новых самолетов, а Германия с союзниками — 190 дивизий, 5500 тысяч человек, 47,2 тысяч орудий и минометов, около 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 самолетов.

Казалось бы, превосходство врага впечатляющее! Но за этими цифрами скрываются «маленькие хитрости». Так, у противника учитывается 8 охранных дивизий службы тыла, а у нас не в счет 100 тысяч пограничников, первыми встретивших грудью врага. У немцев считаем не слезавших с кораблей 100 тысяч моряков балтийской эскадры, у нас «забываем» 220 тысяч человек личного состава Северного, Балтийского и Черноморского флотов. Будто бы не морские бригады пехоты чуть ли не с первых дней войны наводили ужас на гитлеровцев.

У немцев приплюсовываем 1,2 миллиона человек, якобы служивших в ВВС на Востоке, хотя львиную долю немецких ВВС составляли войска ПВО, не покидавшие территорию Германии. В целом, если отбросить «маленькие хитрости», то сравнивать следовало бы 2680 тысяч советских воинов с 3300 тысяч солдат сухопутных сил вермахта плюс примерно 900 тысяч военнослужащих армий союзников Германии.

В пяти приграничных округах, по архивным данным, танковый парк насчитывал 10394 танка (из них средних и тяжелых — 1800), у немцев—3582 танка (в том числе средних Т-III, Т-IV и штурмовых орудий—1654) и у союзников Германии 262 танка. Самолетов в наших приграничных округах имелось около 7230, а с добавлением «забытых» 1397 самолетов морской авиации — свыше 8,6 тысяч. Им противостояли 3664 боевых самолета люфтваффе и 978 самолетов союзников.

Таким образом, соотношение сил сторон, если приравнять советские силы к единице, выражалось пропорциями: по личному составу — 1:1,57, танкам — 1:0,37, самолетам — 1:0,54. А как же классическая формула Наполеона? Немецко-фашистское командование и не пыталось достичь общего количественного соотношения 3:1. Ставка делалась на качественное превосходство вермахта.

Противник действительно сумел создать на решающих направлениях 4–6 кратное превосходство, но не в силу объективных факторов, а в результате просчетов нашего руководства. Если германское верховное командование оставило в своем резерве всего 28 дивизий, а остальные развернуло в первом стратегическом эшелоне, то советские войска в силу известных мотивов были оттянуты от границы на глубину до 400–500 км.

На фронте протяженностью свыше 2000 км — от Балтики до Черного моря части прикрытия состояли из 56 стрелковых и кавалерийских дивизий, т. е. на дивизию в среднем приходилось около 40 км фронта обороны при уставной норме 8–12 км.

При этом непосредственно на границе дивизии прикрытия обычно имели отдельные батальоны и полки, зачастую без артиллерии, отправленной перед войной для учебных стрельб на полигоны. Хотя многие подразделения были отвлечены от боевой подготовки на строительство укреплений, завершить начатые работы на новой границе не успели, а укрепления на старой границе разоружили. Значительная часть вооружения и боеприпасов была

изъята из войск и законсервирована. В ряде мест танки стояли с разобранными для ремонта моторами, баки самолетов находились на промывке.

В начальный период войны Западный фронт понес большие потери в людях и технике. Из 44 дивизий, имевшихся к началу войны, 24 были разгромлены (сухопутных — 10, танковых — 8, моторизованных — 4, конных — 2). Оставшиеся 20 соединений лишились в среднем половины сил и средств, а ВВС фронта — 1797 самолетов.

Что же привело к катастрофе советских войск летом 1941 г.? В чем причина того, что одна из наиболее мощных группировок потеряла в первые дни войны большую часть сил и средств?

Западный особый военный округ (командующий генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба генерал-майор В. Е. Климовских, член Военного совета корпусной комиссар А. Я. Фоминых) прикрывал направление на участке от южной границы Литовской ССР до северной границы Украинской ССР.

ЗапОВО был одним из сильнейших военных округов в Советских Вооруженных Силах. По своему составу он уступал лишь Киевскому особому военному округу. В нем насчитывалось около 672 тысяч человек, 10087 орудий и минометов (без 50 мм минометов), 2201 танк (в том числе 383 КВ и Т-34) и 1909 самолетов (из них 424 новых). Это составляло четверть войск, сосредоточенных в западных округах.

К началу войны большинство соединений находились в стадии реорганизации, перевооружения и формирования. Из шести создаваемых механизированных корпусов почти полностью имел материальную часть только 6-й. Остальные пять были укомплектованы на 5–50 % танками БТ и Т-26. Три из четырех моторизованных дивизий не имели танков, автотранспорта и средств тяги для артиллерии. 17-й и 20-й межкорпуса фактически были без танков.

Остро ощущался недостаток артиллерии, боеприпасов к танковому вооружению.

Несмотря на тревожную обстановку, командование округа не отменило сборов артиллерии. Фактически соединения 3-й и 10-й армий встретили войну без зенитного прикрытия, так как артиллерия находилась на окружном полигоне. Лишь артиллерия 4-й армии, имевшая полигон южнее Бреста, закончила стрельбы и успела влиться в свои соединения.

Оперативное развертывание войск осуществлялось по плану прикрытия государственной границы, который 11 июня 1941 г. был представлен в Наркомат обороны. Несмотря на то, что план утвержден не был, согласно ему на участке 470 км развертывались четыре армии. Полоса обороны 3-й армии достигала 120 км, 10-й — 200 км и 4-й — 150 км. Между 10-й и 4-й армиями должна была занять оборону 13-я армия, формировавшаяся в глубине.

Анализ плана обороны государственной границы показывает, что основная масса соединений округа сосредоточивалась в Белостокском выступе. Из 26 дивизий первого эшелона здесь развертывалось 19, в том числе все танковые

и моторизованные. Наиболее сильная 10-я армия находилась в центре оперативного построения. Она была выдвинута вперед по сравнению с 3-й и 4-й. В результате фланги созданной группировки оказались слабыми, чем и воспользовался противник в начале войны.

Сравнение сил и средств Западного особого военного округа и группы армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал фон Бок), сосредоточенной в полосе округа, показывает, что соотношение их было примерно равным. Оно оказало решающее влияние на неудачный исход первых оборонительных операций войск Западного фронта и привело к поражению в Белоруссии.

Глубокое эшелонирование войск привело к тому, что резервы запаздывали и вступали в бой разрозненно, терпя поражение. Медленное их подтягивание объясняется также слабой моторизацией. Имелись «моторизованные дивизии» без единой автомашины! Прославленный танкист М. Е. Катукوف рассказывает, что переброску войск приходилось делать перекатами: две-три роты на автомашинах перебрасывались на 30 км вперед, затем они двигались пешим строем, а машины, возвращались за следующей порцией.

В расчете на немедленное контрнаступление главные силы ЗапОВО и КОВО были развернуты в Белостокском и Львовском выступах, что облегчило противнику осуществление операций по окружению советских войск.

Г. К. Жуков называет «главной ошибкой того времени» просчет в определении сроков нападения немецко-фашистских войск. Когда Тимошенко и Жуков более чем за неделю до начала войны попросили у Сталина разрешения привести войска приграничных округов в боевую готовность, тот предложил им «не заниматься провокациями». В итоге решение о начале стратегического развертывания, да и то с оговорками, было принято 21 июня 1941 г. Передача директивы в округа закончилась в 00 часов 30 минут 22 июня:

«Военным советам АВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах АВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточение и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков. 21.6.41 г.».

С первых часов войны связь и управление на всех уровнях нарушились. Многочисленные диверсанты прервали проводную связь. Радиосредств не хватало, к тому же многие командиры на первых порах избегали пользоваться радио, опасаясь пеленгации и воздушных налетов. В результате распоряжения и донесения приходилось направлять, как и сто лет назад, с посыльными.

Потере управления на высшем уровне способствовала продолжавшаяся недооценка штабов. Уже 22 июня Политбюро обезглавило Генеральный штаб, направив на фронты Г. К. Жукова, Б. М. Шапошникова, П. Ф. Ватутина, В. Д. Соколовского, Г. К. Маландина. По незнанию обстановки и догматической приверженности к известному тезису «малой кровью, могучим ударом» вечером 22 июня на фронты пошла директива № 3, предписывавшая немедленно перейти к наступательным действиям с целью разгрома ударных группировок врага и перенесения боевых действий на его территорию.

Попытка выполнить приказ привела к плохо организованным и несогласованным между собой контрударам механизированных соединений. Для выхода на исходные рубежи мехкорпусам (МК) пришлось совершить марши в 200–400 км под непрерывным и безнаказанным воздействием авиации противника. Так, например, 4-й, наиболее укомплектованный, МК Юго-Западного фронта потерял от бомбежек и по техническим причинам до вступления в бой 400 из 892 танков.

В процессе контрударов и в результате уничтожения в окружении собственной матчасти механизированные корпуса Западного фронта потеряли практически все танки — 2100 машин. 3-й мехкорпус Северо-Западного фронта лишился 23–24 июня 80 % своих танков. Дело дошло до того, что для «устрашения» противника изготавливали фанерные макеты Т-34 на автомашинах с деревянными пушками.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 4-й АРМИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

№ 01. 24 июня 1941 г.

1. Части 4-й армии после бандитского налета противника отходили, оказывая сопротивление, по рубежам обороны на Каргуз-Берега и к 18.00 24.6 отошли с остатками своих корпусов на рубеж р. Щара, где закрепляются для оказания дальнейшего сопротивления.

2. Остатки частей 28 ск, 6 и 42 сд после ряда оборонительных боев не имеют боеспособности.

3. 75 сд — сведений нет.

4. 55 сд не выдержала наступления мотомехчастей противника при сильной авиационной подготовке, начала отход.

5. 14 мк, активно обороняясь, переходя неоднократно в контратаки, понес большие потери в материальной части и личном составе и к 25.6 не представляет боеспособного соединения.

6. С 49 сд с момента выхода по тревоге связи нет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части, приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех степеней, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали.

Начальник штаба 4-й армии полковник Сандалов.

Несли большие потери и немцы. За три недели войны вышло из строя свыше 40 % всех танков. Но горе было в том, что, если наши потери в условиях отступления являлись безвозвратными, то противник восстанавливал значительную часть подбитых, но оставшихся в собственном тылу машин.

С первых дней войны резко обострилась проблема снабжения войск. Служба тыла заранее не была организована. Огромные материальные запасы, накопленные до войны (вооружение, боеприпасы, горючее, продовольствие и пр.), были потеряны. Дело в том, что с санкции Сталина склады подтянули близко к границе, чтобы питать армию, бьющую врага на чужой территории.

Часть складов немцы разбомбили, часть захватили, часть пришлось уничтожить самим. Войска недосчитались 200 окружных и центральных складов из 340, находившихся в приграничных округах.

По свидетельству Б. А. Ванникова, армия к началу войны имела 8 миллионов винтовок. Потеря запасов привела к тому, что вновь формируемые дивизии обеспечивались винтовками на 30 % потребности, в тылу обучали призванных с помощью деревянных болванок, на сохранившихся складах изыскивали берданки образца 1866 г.

О реальном положении в первые дни войны свидетельствуют бывшие командиры ЗапОВО:

Генерал-майор Б. А. Фомин (бывший заместитель начальника оперативного отдела штаба ЗапОВО): *«До начала боевых действий войскам запрещалось занимать оборону в своих полосах вдоль госграницы».*

Генерал-майор П. И. Ляпин (бывший начальник штаба 10-й армии): *«А какая иная реакция могла быть, например, у личного состава 25-й и 31-й танковых дивизий 13-го механизированного корпуса, которые имели к началу войны по несколько учебных танков, до 7 тысяч человек в каждой, совершенно безоружных? Всем это должно быть ясно».*

Генерал-полковник Л. М. Сандалов (бывший начальник штаба 4-й армии ЗапОВО): *«Значительные потери понесли также части и подразделения, собранные по приказу округа на артиллерийском полигоне для проведения опытного учения... Начало артиллерийской подготовки противника этими войсками было воспринято как неожиданное начало учения с боевой стрельбой, а то, что снаряды начали рваться в их расположении, отнесли к халатности руководства учением и, чтобы обратить внимание на происшедшую «ошибку», с артиллерийского полигона подали сигналы: световые (ракетами) и звуковые (трубами). И только когда части уже понесли большие потери, командиры и войска поняли, что началась война».*

Катастрофически неудачный для советских войск исход сражений начального периода войны в значительной степени был обусловлен молниеносным разгромом немецкой авиацией. Любой очевидец, свидетель того, как немецкие самолеты гонялись не только за отдельными автомобилями и повозками, но ради развлечения и за одиночными бойцами, подтвердит, что в современной войне успешно воевать без воздушного прикрытия невозможно.

Перевооружение ВВС новой техникой потребовало переоборудования аэродромов, в частности удлинения взлетно-посадочных полос. Работа, отданная на откуп бериевским подручным, вопреки возражениям военных началась одновременно на 190 аэродромах. Отсюда, с одной стороны, замедленные темпы строительства, с другой — недопустимая скученность авиации на небольшом количестве аэродромов.

Если советским летчикам, дабы не раздражать потенциального противника, запрещали перед войной летать в собственной 10 км пограничной полосе, то немецкие самолеты разгуливали над советской территорией как хотели. За предвоенные месяцы было зарегистрировано свыше 500 нарушений нашего воздушного пространства, что позволило немцам изучить всю систему советской обороны.

Не случайно на рассвете 22 июня немецкие войска начали с одновременного, по минутам рассчитанного удара по 65 % наших аэродромов на глубину до 400 км. Конечно, бомбили, прежде всего, те из них, где дислоцировались новые машины. По немецким, вероятно преувеличенным, данным, к 23 июня было уничтожено 2852 самолета, к 11 июля—6293, к 10 августа—10000.

Мы признаем следующие потери: к полудню 22 июня погибло 1200 самолетов, в том числе около 900 — на земле. За три дня боев ПрибОВО потерял 921 самолет из 1210. В ЗапОВО к концу июня из 1909 самолетов осталось в строю 60. Потери КОВО только за первый день — 277 машин. Потери ОдВО, где самолеты своевременно рассредоточили, за первый день трех машин наглядно свидетельствуют о том, что ход событий мог быть иным.

После провала первых контрударов и надежд на быстрый разгром врага «малой кровью» руководство выдвинуло новый постулат — «стоять насмерть». Иными словами, неподвижная оборона, во что бы то ни стало, не допускать даже мысли о возможности отхода. И это несмотря на отсутствие сплошного фронта и постоянную угрозу новых «котлов». Сталин, оправившись от первого

потрясения, все жестче централизованно сковывал инициативу командующих фронтами, то и дело, отменяя их распоряжения.

К исходу четвертого дня войны, как на правом, так и на левом крыле Западного фронта немецкие танковые соединения продвинулись в глубь советской территории до 200 км. В результате двустороннего охвата противником главных сил Западного фронта создалась угроза их полного окружения. Находившийся в штабе Западного фронта маршал Б. М. Шапошников 25 июня доложил в Ставку о создавшейся обстановке и попросил разрешения немедленно отвести войска фронта из Белостокского выступа на линию старых укрепленных районов.

Разрешение было получено, и в тот же день Военный совет фронта отдал директиву войскам на общий отход. Однако выполнить ее полностью не удалось. События на фронте развивались стремительно. Уже 26 июня передовые отряды 2-й и 3-й немецких танковых групп прорвались на подступы к Минску. Здесь они были встречены спешно выдвинутыми на рубеж Минского укрепленного района соединениями 2-го и 44-го стрелковых корпусов, руководство которыми осуществляло управление 13-й армии.

Развернувшись на фронте свыше 100 км, они в течение 26–28 июня успешно отражали атаки танковых частей противника. После двухдневных боев на подступах к Минску ударным группировкам 3-й и 2-й немецких танковых групп удалось на ряде участков прорвать оборону 13-й армии. 28 июня они соединились в районе столицы Белоруссии, перехватив пути отхода большинству дивизий 3-й и 10-й армий. Западнее Минска, в обширном районе, центром которого была Налибокская пуца, оказалась в окружении также часть сил 13-й армии.

Отрезанные от остальных войск фронта, лишённые централизованного управления и связи с фронтовым командованием, окруженные войска продолжали сражаться, сковав около 25 вражеских дивизий (почти половину состава немецкой группы армий «Центр», в том числе значительные силы ее танковых групп).

Не менее трагичная обстановка сложилась в полосе обороны 4-й армии. Воспроизведем фрагмент документа «О положении на фронте Брест-Кобринского направления». Это — записка секретаря Брестского обкома КП(б) Белоруссии М. Н. Тупицына в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Белоруссии.

25 июня 1941 г.

«...Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать или погибнуть. В таком положении оказались 6 и 42 сд в Бресте и 49 сд — в Высоковском районе. В Брестской крепости на самой границе держали 2 сд, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и развернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создалась паника, а мощный шквал огня немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии. По рассказам красноармейцев, которым удалось спастись, заслуживает внимания и тот

факт, что не все части и соединения имели патроны, не было патронов у бойцов. Вследствие такого состояния с первых же дней военных действий в частях 4-й Армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер...».

Таким образом, противник в ходе наступления на западном направлении добился крупных оперативных успехов: нанес тяжелое поражение войскам Западного фронта, захватил значительную часть Белоруссии и продвинулся на глубину свыше 300 км. Создалась угроза быстрого выхода подвижных соединений врага к Днепру и прорыва их к Смоленску.

Проблема наших человеческих потерь — одна из самых острых, больных и засекреченных до сих пор. Многие официозные и мемуарные исследования заикнулись на одной весьма сомнительной цифре — 20 миллионов, в которую, к тому же включают потери в заключительных операциях при освобождении Европы и штурме Берлина.

Дело не только в закрытых архивах. По-видимому, в них и не содержится точных данных. На начальном этапе войны о потерях слишком много врал. Врали старшины, чтобы получить за мертвые души лишние «наркомовские» 100 г, вралли многие генералы, чтобы скрыть от разгневанного начальства печальные плоды своего командования.

Можно понять суровость приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г., потребовавшего расстрела на месте трусов, паникеров, дезертиров. А их, скрывать нечего, было немало. Г. К. Жуков признает: *«Войска бывали неустойчивы и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику»*. Но нельзя согласиться с безжалостной жестокостью приказа, предписывавшего арест семей командиров-дезертиров и лишение государственных пособий и помощи семьям попавших в плен красноармейцев.

Сталин, заявив: *«У нас нет военнопленных, есть предатели»*, поставил вне закона миллионы людей. Отказ от Женевской конвенции о военнопленных и от взноса денег в Красный Крест обрек советских людей на массовое уничтожение в фашистских лагерях. Так, начальник управления по делам военнопленных немецкий генерал Рейпеке рассматривал регулярную выдачу в лагерях пищи как «неверно понятую гуманность». В итоге из 3,9 миллионов советских военнопленных 1941 г., по немецким данным, в живых осталось 1,1 миллиона.

Печальна была судьба вырвавшихся из окружения. Люди, преодолевая невероятные трудности, пробирались через фронт, чтобы продолжать борьбу с врагом, а их априори рассматривали как потенциальных предателей, зачастую репрессировали вплоть до расстрела.

Жестоко относились к мужчинам призывного возраста на освобожденных территориях, прозванным «чернорубашечниками». Их немедленно

мобилизовывали и, часто даже не обмундировав, в гражданской одежде, бросали в бой «искупать кровью» неизвестно какие прегрешения.

Бездумные лобовые атаки, да еще необученных и не сколоченных частей, практиковались в начале войны повсеместно. Г. К. Жуков говорит: *«Мы вводили много дивизий, которые совершенно не были подготовлены, были плохо вооружены, приходили сегодня на фронт, а завтра мы их толкали в бой. Конечно, и отдача была соответствующая».*

Каковы же потери сторон в личном составе в 1941 г.? Немцы с присущей им аккуратностью подсчитали: убитыми, ранеными и пропавшими без вести с 22 июня по 31 декабря 1941 г. они потеряли 830903 человека, т. е. 25,96 % первоначальной численности германских сухопутных сил на Востоке.

Мы своих потерь не знаем. Но можно привести свидетельство доктора исторических наук В. А. Анфилова, работавшего в 1950-х гг. в военно-историческом отделе Генштаба. Он рассказывает, что сотрудники отдела пытались подсчитать наши потери 1941 г. Подсчитали и ахнули: итог составил 5 миллионов человек.

По оценочным данным только на территории Белоруссии в июне-июле 1941 г. в боях погибло свыше 400 тысяч военнослужащих Красной Армии, более 500 тысяч попало в плен.

ПРИКАЗ

командующего войсками группы армий «Центр» 8 июля 1941 г.

Сражение в районе Белосток — Минск завершено. Войска группы армий сражались с четырьмя русскими армиями, в состав которых входило около 32 стрелковых, 8 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад и 3 кавалерийские дивизии. Из них разгромлено: 22 стрелковые дивизии, 7 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад, 3 кавалерийские дивизии. Боевая мощь остальных соединений, которым удалось избежать окружения, также значительно ослаблена. Потери противника в живой силе очень велики. Подсчет пленных и трофеев к сегодняшнему дню выявил: 287704 пленных, в том числе несколько командиров корпусов и дивизий, 2585 захваченных или уничтоженных танков, 1449 орудий, 246 самолетов, множество ручного оружия, боеприпасов, транспортных средств, склады продовольствия и горючего.

Наши потери были не выше, чем те, какие готовы понести мужественные войска.

Фон Бок, генерал-фельдмаршал

Сталину, чтобы обелить себя, нужны были «козлы отпущения». И они были найдены. В трусости и предательстве облыжно обвинили, предали анафеме командование Западного фронта. Вина его состояла в том, что оно досконально выполнило приказ Сталина — войска в боевую готовность не приводить!

22 июля 1941 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к расстрелу с конфискацией имущества и лишением воинских званий: командующего фронтом генерала армии Д. Г. Павлова, начальника штаба В. Е. Климовских, начальника связи генерал-майора А. Т. Григорьева, командующего 4-й армией генерал-майора А. А. Коробкова. Семьи осужденных были репрессированы.

Обвиняя других, сам Сталин оказался на грани предательства, когда 7 октября 1941 г., при прорыве немцев к Москве, по свидетельству Г. К. Жукова, впал в панику и приказал Берии «по своим каналам» прозондировать почву для заключения с Германией нового Брестского мира. *«Пойдем на то, — пообещал «отец всех народов», чтобы отдать Прибалтику, Белоруссию, часть Украины, — на любых условиях».* К счастью, позорного сепаратного мира за спиной народа не получилось.

Черной страницей июня 1941 г. являются массовые расстрелы войсками НКВД осужденных по политическим мотивам, которые содержались в тюрьмах БССР. Главным вопросом, который стоял в повестке дня Бюро ЦК КПБ(б) 22 июня 1941 г. была не организация противодействия врагу, а принятие директивы об исполнении приговоров в отношении осужденных «врагов народа».

В период с 22 по 30 июня энкавэдисты расстреляли несколько колонн заключенных в, частности, в Вилейке, Червене, Витебске. В этой бойне, по оценочным данным, было уничтожено свыше 10 тысяч человек. Это в то время, когда на передовой не хватало бойцов, и на счету был каждый патрон!

Горечь и обида переполняют сердце и душу, когда видишь в сконцентрированном виде столько промахов, просчетов, преступлений, неиспользованных возможностей для успешного отражения врага не у стен Ленинграда и Москвы, не на Волге, а вблизи границы. Но стоит ли беречь сердце и душу трагедиями 1941 г.? Забыть, вычеркнуть из памяти — не было такого! Как ни прискорбно признавать, все было. И забывать об этом мы не имеем права, хотя бы для того, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах ничего подобного не повторилось.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Про оборону Брестской крепости написаны сотни книг, снято больше десяти художественных и документальных фильмов, крепости присвоено звание «Крепость-герой», на ее территории воздвигнут грандиозный мемориальный комплекс. На подвиге защитников Брестской крепости воспитаны целые поколения.

До сих пор нет внятного ответа на вопросы: почему Брестская крепость была так быстро сдана? Почему гарнизон не остановил противника, не задержал, не причинил серьезного вреда? Почему все об обороне крепости ясно только до тех пор, пока неизвестны детали?

Из истории

Крепость была построена в XIX веке. Однако, и предыдущий, и последующий опыт доказывает: обыкновенные траншеи могут быть

непреодолимым рубежом. Вся Первая мировая война — тому пример. К началу Второй мировой войны многое изменилось. Но, если дивизия находится в траншеях, то танки ей не страшны, и авиацией пехоту в траншеях не напугаешь.

А в Бресте — крепость! Внутренняя часть крепости — цитадель на острове. Перед фронтом цитадели — судоходная, то есть достаточно широкая, река Западный Буг. С тыла и флангов цитадель омывают протоки реки Мухавец. И так, кругом вода. Уже одно это делает цитадель почти неприступной. Попробуйте прорваться через глубокие водные преграды, если по вам стреляют из сотен амбразур из-за непробиваемых стен. А стены цитадели были, действительно, непробиваемыми. Толщина стен — почти два метра.

В одном только центральном кольцевом здании — 500 казематов, в которых можно было разместить 12000 солдат со всеми запасами, необходимыми для длительной обороны. Под казематами находился еще один подземный этаж, который мог служить хранилищем запасов и убежищем для личного состава.

Еще ниже, на втором глубинном этаже, были вырыты подземные ходы под цитаделью, под реками и прикрывающими укреплениями на соседних островах. Эти ходы позволяли проводить маневр резервами из любой части крепости в любую ее часть. Некоторые подземные тоннели выходили на несколько километров за пределы крепости.

Брестская крепость считалась шедевром инженерного искусства. Германские генералы называли ее «Восточным Верденом» или «Русским Карфагеном».

Центральный остров со всех сторон был прикрыт тремя другими островами: Пограничным (Западным), Госпитальным (Южным) и Северным. На каждом из этих островов было возведено укрепление, которое представляло собой цепь мощных бастионов высотой до 15 м.

Кроме всего этого, бастионы и валы на многих направлениях были прикрыты еще одним рядом десятиметровых земляных валов и глубоких рвов, заполненных водой. Брестская крепость справедливо считалась одной из сильнейших крепостей Европы. Ряд западных корифеев фортификации ставили ее на первое место.

В начале XX века на удалении 6–7 км от основной части крепости было возведено второе кольцо, на этот раз железобетонных фортов. Общий обвод оборонительной линии увеличился до 45 км. Брестская крепость была первоклассной для своего времени.

В том, что Брестская крепость была таковой, советские войска убедились в сентябре 1939 г. во время совместного советско-германского раздела Польши. Брестскую крепость оборонял героический польский гарнизон, а гитлеровцы и красноармейцы под командованием Гудериана и Кривошеева ее штурмовали. А в 1941 г. германская пехота ворвалась в цитадель утром первого дня войны.

Как это случилось?

«Тяжелое положение сложилось на левом крыле Западного фронта. На четыре стрелковые дивизии 4-й армии, предназначенные для обороны границы в районе Бреста, обрушилось десять дивизий правого крыла группы

армий «Центр», в том числе четыре танковых» (История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961).

Казалось бы, враг сильнее: десять вражеских дивизий, в том числе четыре танковые, против четырех советских стрелковых дивизий. Однако, раньше в советских источниках не говорилось о наличии нашей 22-й танковой дивизии, которая находилась в Бресте, и про 62-й укрепленный район. И позади «четырех советских стрелковых дивизий» не пустота. Позади — 30-я танковая и 205-я моторизованная дивизии 14-го мехкорпуса, тяжелый гаубичный артиллерийский полк РГК и бригадный район ПВО с 85-мм зенитными пушками, которые пробивали немецкие танки того времени насквозь.

Через Западный Буг в полосе 4-й армии имелись два железнодорожных и четыре автомобильных моста. Эти мосты находились под охраной 89-го (Брестского) пограничного отряда, который никаких заданий по подготовке этих мостов к разрушению не получил. В результате, в первый же день войны все переправы и мосты противник захватил в исправном состоянии.

Даже если считать, что на Брестском направлении у германской стороны был некоторый перевес сил, то нужно помнить, что без мостов это преимущество было невозможно реализовать. Переправа одной только германской пехоты без танков, артиллерии, штабов, тыловых подразделений и прочего под огнем защитников Брестской крепости, укрепленного района, четырех стрелковых и одной танковой дивизий означала бы катастрофу для германских войск.

Причина разгрома советских войск в районе Бреста не в том, что германская сторона имела численное преимущество, а в том, что Красная Армия не взорвала мосты через Западный Буг.

В своей секретной (до 1988 г.) монографии Л. М. Сандалов (накануне войны — полковник, начальник штаба 4-й армии) отмечал: «...Брестская крепость оказалась ловушкой и сыграла в начале войны роковую роль для войск 28-го стрелкового корпуса и всей 4-й армии. Большое количество личного состава частей 6-й и 42-й стрелковых дивизий осталось в крепости не потому, что они имели задачу оборонять крепость, а потому, что не могли из нее выйти...».

Все абсолютно логично. Крепость так и строится, чтобы в нее было трудно войти. Как следствие, из любой крепости трудно вывести разом большую массу людей и техники. Сандалов пишет, что для выхода из Брестской крепости в восточном направлении имелись только одни (северные) ворота, далее надо было переправиться через опоясывающую крепость реку Мухавец. Страшно подумать, что там творилось, когда через эти ворота под градом вражеских снарядов пытались вырваться наружу две стрелковые дивизии — без малого 30 тысяч человек.

Чуть южнее Бреста, в военном городке в 3 км от линии пограничных столбов, дислоцировалась еще одна дивизия: 22-я танковая из состава 14-го МК.

«Этот городок, — пишет Л.М.Сандалов, — находился на ровной местности, хорошо просматриваемой со стороны противника... Расположение частей было скудным... Красноармейцы спали на 2–4 ярусных нарах, а офицеры с

семьями жили в домах начсостава поблизости от казарм... По тревоге дивизия выходила в район Жабинки и севернее. При этом дивизии предстояло переправиться через р. Мухавец, пересечь Варшавское шоссе и две железнодорожные линии... Это означало, что на время прохождения дивизии прекращалось в районе Бреста всякое движение по шоссе и железным дорогам...».

Разумеется, немцы оценили и полностью использовали предоставленные им возможности. Кроме «собственной» артиллерии 45-й пехотной дивизии вермахта, для обстрела Бреста была выдвинута артиллерия двух соседних (34-й и 31-й) пехотных дивизий, двенадцать отдельных батарей, дивизион тяжелых мортир.

Для большей эффективности огня немцы подняли в воздух привязные аэростаты с корректировщиками. Шквал огня буквально смел с лица земли тысячи людей, уничтожил автотранспорт и артиллерию, стоявшие тесными рядами под открытым небом.

98-й отдельный дивизион ПВО, разведбат и некоторые другие части 6-й и 42-й стрелковых дивизий были истреблены почти полностью. 22-я танковая дивизия потеряла до половины танков и автомашин, от вражеских снарядов загорелись, а затем и взорвались артсклад и склад ГСМ дивизии.

Вот после того, как три дивизии были расстреляны, подобно учебной мишени на полигоне, а немцы уже в 7 часов утра заняли пылающие развалины Бреста, и началась воспетая в стихах и прозе «героическая эпопея обороны Брестской крепости».

Здесь и возникает естественный вопрос — кто виноват?

Крепость, как предмет неодушевленный, никакой роли сыграть не могла. Роль «ловушки» сыграли решения, принятые людьми. Кто их принимал, когда и, главное, — зачем?

Традиционная советская историография привычно гласит: *«Было допущено необдуманное размещение...»*. Это чем же надо было думать, чтобы разместить три дивизии там, где никого и ничего — кроме пограничных дозоров и минных полей — и быть не должно!

Госпиталь 4-й армии был расположен на острове посреди Буга, то есть даже не у границы, а уже за границей. Самое же главное в том, что дивизии легких танков (а вооружена «брестская» 22-я танковая дивизия была одними только Т-26) на берегу пограничной реки делать совершенно нечего. Сначала артиллерия должна подавить систему огня противника, затем пехота должна навести переправы, захватить плацдарм на вражеском берегу, и только после этого из глубины оперативного построения в прорыв должна ворваться танковая армада.

Именно так докладывал высокому Совещанию (в декабре 1940 г.) главный танкист РККА генерал Д. Г. Павлов, именно поэтому в «красном пакете» районом сосредоточения для 22-й тд был указан отнюдь не восточный берег Буга, а деревня Жабинка в 25 км от Бреста!

Что же помешало рассредоточить 22-ю танковую дивизию в лесах еще восточнее этой самой Жабинки? Уж чего-чего, а леса хватало. Кто и зачем

загнал танковую дивизию в лагерь «на ровной местности, хорошо просматриваемой со стороны противника»? Кто и зачем запер две стрелковые дивизии в «мышеловку» крепости?

Е. М. Синковский, накануне войны — майор, начальник оперативного отдела штаба 28-го стрелкового корпуса 4-й армии: «...командование 28-го СК возбудило перед командованием 4-й армии ходатайство о разрешении вывести 6-ю и 42-ю дивизии из крепости. Разрешения не последовало...».

Ф. И. Шлыков, накануне войны — член Военного совета 4-й армии. Вам слово, товарищ комиссар: «...мы писали в округ, чтобы нам разрешили вывести из Бреста одну дивизию, некоторые склады и госпиталь. Нам разрешили перевести в другой район лишь часть госпиталя...».

А. М. Сандалов, в своей монографии о боевых действиях армии пишет: «...настоятельно требовалось изменить дислокацию 22-й танковой дивизии, на что, однако, округ не дал своего согласия...».

Итак, подведем промежуточные итоги. Все осознают ошибочность размещения трех дивизий прямо на линии пограничных столбов. Но командованию корпуса запрещает вывести дивизии из Бреста командование армии, которому, в свою очередь, сделать это запрещает командование округа. Более того, вокруг вопроса о выводе войск из Бреста идет напряженная борьба. Корпус просит разрешения на вывод из крепости всех частей, командование армии просит у штаба округа разрешения на вывод хотя бы одной дивизии.

А что же командование округа?

Д. Г. Павлов, генерал армии, командующий Западным фронтом, дал на суде следующие показания: «...еще в начале июня я отдал приказ о выводе войск из Бреста в лагерь. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником...».

А. А. Коробков, генерал-майор, командующий 4-й армией, дал на суде следующие показания: «...виновным себя не признаю... показания Павлова я категорически отрицаю... Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел...».

Оказавшись плечом к плечу с Коробковым (они сидели на одной скамье подсудимых), Павлов тут же меняет свои показания. Между двумя обреченными генералами происходит следующий диалог:

«Подсудимый Павлов:

— В июне по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагерь.

Подсудимый Коробков:

— Я об этом не знал. Значит, Попова надо привлекать к уголовной ответственности...».

Обратите внимание, что генералы спорят не о том, были ли приказы Павлова верными, своевременными, эффективными. Они не могут

согласиться друг с другом в том, был ли отдан приказ о выводе войск из Бреста или нет. Как такое может быть предметом спора?

Приказ штаба Западного Особого военного округа был (или не был) отдан за три недели до начала войны. В абсолютно мирное время. Его что — немецкие диверсанты из сейфа выкрали? И почему это приказ командования округа отдается «через голову» командующего армии непосредственно командиру корпуса? Того самого 28-го СК, командование которого, по свидетельству майора Синковского, не то что приказа, а даже «разрешения на вывод двух дивизий из Брестской крепости не получило».

Миф о «линии Сталина»

Коль скоро мы заговорили о Бресте, то самое время вспомнить историю обороны того, что по планам советского командования должно было выступить в роли «брестской крепости». Разумеется, речь пойдет не о подземельях старинного замка, а о Брестском укрепрайоне (УР № 62).

Доверчивый и наивный Сталин переломал все доты на старой (1939 г.) госгранице, а на новой ничего путного построить так и не успели. Это знают все. Об этом сказано в любой книжке про войну. В отстаивании этой «истины» объединились все, от Виктора Суворова до любого партийного «историка».

В № 4 за 1989 г. «Военно-исторический журнал» (печатный орган Министерства обороны СССР) поместил таблицу с цифрами, отражающими состояние укрепленных районов на новой границе к 1 июня 1941 г. Мелким шрифтом была набрана информация о том, что в Брестском УРе было построено 128 долговременных огневых сооружений, и еще 380 ДОСов находилось в стадии строительства. И ни слова о том, что сроком завершения строительства было установлено 1 июля 1941 г., и работа кипела с рассвета до заката.

25 мая 1941 г. вышло очередное постановление правительства о мерах по реконструкции и довооружению «старых» УРов. Срок готовности был установлен к 1 октября 1941 г. Некоторые доты Минского УРа целы и по сей день. Полутораметровый бетон выдержал все артобстрелы, а когда немцы, уже во время оккупации Белоруссии, попытались было взорвать ДОТы, то от этой идеи им пришлось вскоре отказаться из-за огромного расхода дефицитной на войне взрывчатки.

Вернемся, однако, в Брест. Как пишет Сандалов (в то время — начальник штаба 4-й армии, в полосе которой и строился Брестский УР), *«на строительство Брестского укрепленного района были привлечены все саперные части 4-й армии и 33-й инженерный полк округа... В марте-апреле 1941 г. было дополнительно привлечено 10 тысяч человек местного населения с 4 тысяч подвод... С июня по приказу округа на оборонительные работы привлекалось уже по два батальона от каждого стрелкового полка дивизии...»*. 16 июня строительный аврал был еще раз подстегнут постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов».

К 22 июня большая часть из 380 недостроенных ДОСов Брестского УРа была уже готова или почти готова. Точных цифр не знает никто. Так,

суммирование построенных ДОСов в четырех укрепрайонах Западного фронта дает число 332, но на соседней странице, в тексте статьи, сказано, что к июню 1941 г. было построено 505 ДОСов. Павлов и Климовских называют на суде еще большую цифру — 600.

Как бы то ни было, но на каждом километре фронта Брестского укрепрайона стояло по три врытые в землю бетонные коробки, стены которых выдерживали прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы. Одна из коробок была полностью построена и оборудована и еще две такие же коробки незавершены.

Даже если допустить, что ни в одном ДОСе не было установлено ни одной единицы специального вооружения, то и в этом случае, просто разместив в них пулеметные взводы стрелковых дивизий, вооруженные стандартными «дегтярями» и «максимами», можно было создать сплошную зону огневого поражения. Пулеметы были. По штату в апреле 1941 г. в стрелковой дивизии РККА было 392 ручных и 166 станковых пулеметов. По штату. Фактически к 22 июня 1941 г. на вооружении Красной Армии было 170 тысяч ручных и 76 тысяч станковых пулеметов.

Впрочем, все эти импровизации были излишними. Как следует из показаний командующего Западным фронтом Павлова, треть ДОСов была уже вооружена. Причем вооружена отнюдь не ветхими пушками, якобы снятыми с укрепрайонов на старой границе.

И. Н. Швейкин встретил войну лейтенантом в 8-м пулеметно-артиллерийском батальоне Брестского УРа. Он свидетельствует: *«...качество и боевое снаряжение дотов по сравнению с дотами на старой границе было намного выше. Там на батальон было всего четыре орудия, а остальное вооружение составляли пулеметы. Здесь же многие доты имели по одному или несколько орудий, спаренных с пулеметами... Орудия действовали полуавтоматически. Стреляные гильзы падали в специальные колодцы вне дотов, что было очень удобно. Боевые сооружения оснащались очень хорошей оптикой...».*

Приведем еще одно свидетельство:

«В конце мая участились боевые тревоги, во время которых мы занимали свои доты... Ночь проводили в дотах, а утром, после отбоя возвращались в свои землянки. В июне такие тревоги стали, чуть ли не ежедневными. В ночь на 21 июня — тоже. В субботу, 21 июня, как обычно, после ужина смотрели кино. Бросилось в глаза то, что, в отличие от прошлых суббот, на скамейках не было видно гражданских жителей из ближайших деревень. После фильма прозвучал отбой, но спать долго не пришлось: в 2 часа ночи мы были подняты по боевой тревоге и через полчаса были уже в своих дотах, куда вскоре прибыли повозки с боеприпасами...».

Это — строки из воспоминаний А. В. Ирина, встретившего войну курсантом учебной роты 9-го артпульбата Гродненского УРа. Нет никаких оснований сомневаться в том, что и Брестский УР жил весной 1941 г. по тем же самым уставам и наставлениям.

Все познается в сравнении. «Линия Маннергейма», о которой историки Второй мировой вспоминали тысячу и один раз, имела всего 166 бетонных

ДОТов на фронте в 135 км, причем большая часть дотов были пулеметными, и лишь только 8, так называемых, «дотов-миллионников» были вооружены пушками.

Как же все это было использовано? Красная Армия с огромными потерями прогрызала «линию Маннергейма» весь февраль 1940 г. Немцы же практически не заметили существования Брестского укрепрайона.

В донесении штаба группы армий «Центр» (22 июня 1941 г., 20 ч 30 мин) находим только краткую констатацию: *«Пограничные укрепления прорваны на участках всех корпусов 4-й армии»* (то есть как раз в полосе обороны Брестского УРа). И в мемуарах Гудериана мы не найдем ни единого упоминания о каких-то боях при прорыве линии обороны Брестского укрепрайона. Но. Некоторые ДОТы сражались до конца июня 1941 г. Немцы уже заняли Белосток и Минск, вышли к Бобруйску, начали форсирование Березины, а в это время 3-я рота 17-го пульбата Брестского УРа удерживала 4 ДОТа на берегу Буга у польского местечка Семятыче до 30 июня!

Бетонные перекрытия выдержали все артобстрелы, и, только получив возможность окружить ДОТы и проломить их стены тяжелыми фугасами, немцы смогли подавить сопротивление горстки героев.

А что же делали все остальные? *«Большая часть личного состава 17-го пульбата отходила в направлении Высокого, где находился штаб 62-го укрепрайона... В этом же направлении отходила группа личного состава 18-го пульбата из района Бреста...»*. Вот так, спокойно и меланхолично, описывает Сандалов факт массового дезертирства, имевший место в первые часы войны.

На войне как на войне. В любой армии мира бывают и растерянность, и паника, и бегство. Для того и существуют в армии командиры, чтобы в подобной ситуации одних приободрить, других — заставить любой ценой выполнить боевую задачу. Что же сделал командир 62-го УРа, когда к его штабу в Высоком прибежали толпы бросивших свои огневые позиции красноармейцев?

«Командир Брестского укрепрайона генерал-майор Пузырев с частью подразделений, отошедших к нему в Высокое, в первый же день отошел на Вельск, а затем далее на восток...».

Как это — «отошел»? Авиаполки, как нам говорят, «перебазировались» в глубокий тыл для того, чтобы получить там новые самолеты. Взамен ранее брошенных на аэродромах. Допустим. Но что же собирался получить в тылу товарищ Пузырев? Новый передвижной ДОТ на колесиках?

Возможно, эти вопросы и были ему кем-то заданы. Ответы же по сей день неизвестны.

«1890 г.р. Комендант 62-го укрепрайона. Умер 18 ноября 1941 г.. Данных о месте захоронения нет» — вот и все, что сообщил своим читателям «Военно-исторический журнал». Как, где, при каких обстоятельствах умер генерал Пузырев? Почему осенью 1941 г. он продолжал числиться «комендантом» несуществующего укрепрайона? Все это укрыто густым мраком государственной тайны.

Старший начальник генерала Пузырева, помощник командующего Западным фронтом по укрепрайонам генерал-майор И. П. Михайлин, погиб от шального осколка ранним утром 23 июня 1941 г.

В мемуарах Болдина обнаруживаются и некоторые подробности этого несчастного случая: *«...отступая вместе с войсками, генерал-майор Михайлин случайно узнал, где я, и приехал на мой командный пункт...»*. Генерал Михайлин не отступал «вместе с войсками». Он их явно обогнал.

Командный пункт Болдина находился в 15 км северо-восточнее Белостока, то есть более чем в 100 км от границы. Солдат за сутки столько ногами не протопает.

Сегодня никто не в праве ставить под сомнение мужество и героизм военнослужащих Красной Армии до конца выполнивших воинский долг. Но мы обязаны вновь и вновь искать ответ на вопрос: кто, и в какой степени несет ответственность за трагедию в 1941 г.?

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ПРАВДА И МИФЫ

Опытный диверсант-подрывник Илья Григорьевич Старинов, руководивший Особой группой минеров, свидетельствовал, что *«в СССР в конце 20-х и начале 30-х гг. велась огромная работа по подготовке партизанской войны в случае возможного нападения врага. Были обучены или переучены сотни бывших партизан гражданской войны, разработаны новые специальные диверсионные средства — с упором на то, что партизаны смогли бы сами сделать в тылу врага из подручных материалов... Большинство подготовленных нами партизан... были репрессированы. Никто разработкой специальной диверсионной техники не занимался. И постановки вопроса о создании такой техники не стояло»*.

Если бы серьезное внимание уделялось партизанам в конце 1930-х гг. и сохранились подготовленные кадры, то советские партизанские отряды были бы в состоянии отсечь вражеские войска на фронте от источников их снабжения в самом начале войны.

Миф 1. Как это было?

Такое невнимание к возможностям партизанской войны объяснялось тем, что Сталин и руководители Наркомата обороны после создания военно-промышленного комплекса всерьез рассчитывали воевать малой кровью на чужой территории, а в осуществлении подобного сценария партизанам просто не находилось места.

Для наступления требовались только диверсанты, причем действовать они должны были в Польше, Германии, Чехословакии и Румынии. К тому же, диверсионные группы следовало набирать не из белорусов или украинцев, а из поляков, немцев, чехов, словаков или румын.

И, как свидетельствовал тогдашний командир находившегося в СССР чехословацкого легиона полковник Людвик Свобода, с ним и представителями чешского правительства в изгнании в Лондоне советский Генштаб в конце апреля — начале мая 1941 г. «достиг договоренности о подготовке десанта

парашютистов, проведении саботажа и обмене информацией», однако внезапное германское нападение помешало реализации этого замысла.

Уже после войны в письме, опубликованном в первом номере «Военно-исторического журнала» за 1962 г., П. К. Пономаренко сокрушался: *«Ошибочные и неправильные установки Сталина, что при нападении на нас мы будем воевать только на чужой территории, привели к тому, что вся работа по обобщению опыта партизанской войны в прошлом, по разработке соответствующих мобилизационных документов была свернута. Это усугубило трудности организации партизанского движения в начальный период войны. Партии дорогой ценой пришлось исправлять ошибки, допущенные Сталиным».*

В результате, стихийно возникавшие из окруженцев и местных сторонников советской власти партизанские отряды оказались без запасов продовольствия и вооружения. Им недоставало и кадров, имевших опыт борьбы в тылу врага. Многие специалисты по партизанскому движению погибли в ходе репрессий 1937–1938 гг.

В первые месяцы войны значительная часть населения видела в немцах освободителей от большевиков. Оставшиеся во вражеском тылу отряды красноармейцев, которым посчастливилось избежать плена, испытывали острую нужду в боеприпасах и продовольствии, не успели установить связь с Москвой.

Но уже к зиме 1941–1942 гг. засланные из-за линии фронта специальные небольшие партизанские группы, авторитетные командиры и комиссары сумели сколотить первые отряды, причинявшие немцам немалое беспокойство. Да и разочаровавшиеся в оккупантах местные жители стали помогать партизанам, пополняя их ряды или добровольно снабжая продовольствием и теплой одеждой. Поражение немецких войск под Москвой способствовало развитию партизанского движения. Многим стало казаться, что немцы скоро покатятся назад к границе под мощными ударами советских войск.

Москва сразу же постаралась поставить партизанское движение под свой контроль. Сначала им руководили Военные советы соответствующих фронтов и находившиеся при них представители НКВД, а также компартии союзных республик и подпольные обкомы оккупированных областей РСФСР.

30 мая 1942 г. при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко. К тому времени выяснилось, что партизанские отряды могут получать оружие, боеприпасы и продовольствие преимущественно по воздуху. Центральный штаб в этом отношении располагал большими возможностями, чем командование отдельных фронтов, — он мог привлекать транспортную и авиацию дальнего действия.

Кроме того, в сентябре 1942 г. главнокомандующим партизанским движением был назначен Климент Ефремович Ворошилов, которому подчинялся Центральный штаб партизанского движения. Однако, очень скоро выяснилось, что аппарат главнокомандующего и аппарат штаба дублировали друг друга, а Климент Ефремович превратился в еще одну промежуточную

инстанцию между Центральным штабом партизанского движения и Ставкой. Поэтому уже в ноябре 1942 г. его пост был упразднен.

Впоследствии Центральный штаб претерпевал всевозможные изменения: был расформирован, снова воссоздан и только 13 января 1944 г. окончательно упразднен. Руководство партизанами передали республиканским штабам. Пономаренко возглавил самый крупный из них — Белорусский.

Освобождение советской территории шло быстро, и местным штабам было сподручнее координировать взаимодействие партизан и частей Красной Армии, а также снабжать партизан всем необходимым. Это, однако, не предотвратило крупные поражения партизанских отрядов Белоруссии накануне изгнания врага из республики.

Сталин и Пономаренко вплоть до конца войны заблуждались относительно того, что партизанские отряды способны воевать, главным образом, с помощью оружия и боеприпасов, захваченных у врага. 18 августа 1942 г. Пантелеймон Кондратьевич направил специальную директиву фронтовым штабам партизанского движения: *«Во-первых, партизанские отряды должны, и имеют к этому все возможности, обеспечить себя за счет противника. Партизаны, если у них нет в достаточном количестве оружия, боеприпасов и другого снаряжения, должны добыть все это в бою... Нельзя приучать отряды требовать и полагаться на снабжение только из центра и поощрять этим беззаботность в отрядах. Во-вторых, фронтовые штабы, представляя заявки в Центральный штаб, упускают из виду, что все вооружение, боеприпасы, снаряжение и др. отпускаются для действующих фронтов и армий и... снабжение должно идти через них, а они, в свою очередь, вправе и должны предъявлять соответствующие заявки... для нужд партизанского движения. Доставка в отряды грузов самолетами также может во многом быть разрешена силами фронтов. Само собой разумеется, что в снабжении специальным вооружением, например рациями, подрывными минами и т. д., Центральный штаб партизанского движения будет оказывать помощь».*

На практике за счет местных ресурсов партизаны могли обеспечить себя только продовольствием и фуражом, но никак не вооружением и боеприпасами. Об этом уже после войны, 28 декабря 1965 г., вполне откровенно написал Пономаренко бывший командир партизанского отряда А. Андреев, впоследствии один из руководителей белорусских профсоюзов. Он критиковал утверждение в статье Пономаренко, опубликованной в юбилейном сборнике к 20-летию Победы *«Борьба советского народа в тылу врага»*, будто *«немецкие склады, базы снабжения и эшелоны являлись главным снабжением партизанских отрядов и соединений»*. Андреев на основании собственного опыта вполне резонно возражал: *«На самом деле указанный в статье источник являлся не главным, а подсобным в боевом снабжении советских партизанских отрядов и соединений».*

Известно, что в первые годы войны основная масса оружия и боеприпасов черпалась партизанами из оставленного частями Красной Армии при отступлении и в большинстве случаев запрятанного населением, а затем — за счет получения из советского тыла.

Исключение, пожалуй, составляли операции партизан по разгрому вражеских гарнизонов, если производились они силами, значительно превосходящими силы противника, однако и они в большинстве случаев не давали должного эффекта, ибо влекли за собой большие потери в живой силе, большой расход боеприпасов. Этим и объясняется то, что трофейное оружие и боеприпасы сравнительно мало были распространены среди партизанских отрядов, хотя партизаны и стремились заполучить его.

Сколько возможностей было упущено партизанами только из-за постоянного острого недостатка оружия, боеприпасов, отсутствия взрывчатки! Недаром в подавляющем большинстве партизанских отрядов шли на такие дела, как разминирование минных полей, разряжание снарядов и выплавление из них тола. В отдельных отрядах и бригадах даже изготавливали самодельное огнестрельное оружие. Партизан одного из белорусских отрядов, Георгий Дмитриенко, изобрел автомат, годный для сборки кустарным способом и почти не уступавший по своим качествам ПППШ.

В апреле 1943 г. Центральный штаб партизанского движения отдал приказ оборудовать в отрядах специальные машинки для набивки трофейными пулями гильз от отечественных патронов. Однако к трофейным гильзам все равно требовались новые капсюли, доставляемые с Большой земли. Кроме того, такие самодельные патроны часто давали осечки. А выплавление тола из снарядов нередко кончалось взрывами и гибелью людей.

Порой партизанские отряды испытывали большие трудности со снабжением не только боеприпасами, но и одеждой и продовольствием. 25 октября 1942 г. комиссар действовавшего в Белоруссии 537-го партизанского отряда Коспар докладывал Пономаренко: *«Положение некоторых отрядов партизан... вызывает некоторое беспокойство и напряженное состояние по причине отсутствия боеприпасов (на бойца 30–40 патронов), отсутствия обуви и одежды, отсюда заболевания. Нахождение немецких гарнизонов в деревнях и полицейщины, а при этом условия заготовка продовольствия сопряжена с боями и расходом патронов... Прошу, товарищ секретарь, оказать еще большую помощь, чем поднять еще больше боевой дух и способность партизан, а мы еще сильнее будем бить врага».*

Подобные сообщения были не единичны. Они послужили одной из причин отставки К. Е. Ворошилова с поста главнокомандующего партизанским движением в ноябре 1942 г. Снабжение партизан по воздуху временно прекратили, чтобы навести в этом деле порядок.

В начале 1943 г. в связи с успешным наступлением Красной Армии и усилившимся притоком населения к партизанам, Пономаренко просил Сталина улучшить снабжение партизанских отрядов по воздуху, поскольку недостаток боеприпасов и вооружения заставляет командование партизанских отрядов воздерживаться от приема новых партизан.

Командир группы партизанских отрядов Т. Кирпич, действующий в районе Лепеля, 25 декабря 1942 г. радиограммой сообщил: *«Партизанские резервы в количестве 1500 человек созданы. Требуется вооружение и боеприпасы...»*

Комиссар партизанского отряда Тимчук в своем сообщении пишет: *«Молодежь, девушки, старики тысячами со слезами на глазах просят, чтобы*

их приняли в партизаны, но что мы можем сделать, когда лимит приема — это винтовки. Набрать людей и держать в лесах — это значит, ребят с винтовками превратить в заготовителей продуктов. Нужно оружие или разрешение переправиться за линию фронта. В одном Ивьевском районе половина района имеется на учете, и сегодня можно использовать хоть куда 1253 человека. Отсюда сами судите о народном настроении. За какое наказание мне пришлось работать в этом районе, раз тут мало оружия. Всю полицию, бургомистров уже перебили, по несколько смен, отобрали у них оружие, но этого мало. При наступлении Красной Армии на Запад плюс оружие в тылу, и ни один фриц не уйдет».

Не исключено, что численность, как действующих отрядов, так и партизанского резерва, командиры и комиссары иной раз сознательно завывшали, чтобы выбить из Москвы побольше винтовок и патронов.

Продовольствием партизаны снабжались главным образом за счет пожертвований местного населения, нередко действительно добровольных. Крестьяне, чьи сыновья и мужья ушли в партизаны, охотно помогали всем, чем могли, но только «своим», порой отказываясь отдавать продукты «чужим» отрядам.

Сохранился замечательный документ — обращение, которое староста белорусской деревни Новоселки Тимофей Зим и 23 крестьянина направили 27 августа 1943 г. командованию партизанской бригады «Народный мститель»: *«Просим командование указанной бригады о том, что отряд имени Котовского вырос среди населения деревни Новоселок, а поэтому желаем и впредь помогать отряду имени Котовского, но ни какому-либо другому. Просим наше желание удовлетворить. К сему подписуемся».*

Партизанские отряды, как правило, предпочитали нападать на полицейских или бойцов коллаборационистских формирований, прекрасно понимая, что это гораздо более легкая добыча, чем немецкие гарнизоны, и тем паче — части регулярной немецкой армии. В Москве же были заинтересованы, чтобы партизаны в первую очередь боролись против немцев, вынуждая их снимать с фронта дополнительные соединения для проведения карательных операций.

В августе 1942 г. представитель Центрального штаба партизанского движения в районе Витебск — Полоцк — Орша Сикорский докладывал Пономаренко, что: *«Наши командиры болеют одной плохой и нездоровой болезнью. Это боязнь, что при нападении на немецкие гарнизоны партизанские отряды будут нести большие потери. В частности, это относится к командирам бригад Т. Т. Короткину и Фалалееву. Характерный случай произошел в бригаде т. Короткина. 22 июля при столкновении с немцами был убит один партизан... целый день, начиная от руководства и кончая партизанами, были разговоры о нем. Если и нападут, то уж после этого будут отдыхать месяц и разговаривать полтора (бригады Дьячкова, разгром станции Бычиха). Или другой вопрос. Наши товарищи поставили перед собой первую задачу — это борьбу с изменниками Родины, полицейскими, бургомистрами и другой нечистью. Я не хочу сказать, что с этими предателями не надо вести борьбы, это будет неправильно, но это не главная задача. Главная задача и первоочередная — это борьба с немецкими оккупантами, а у нас получается наоборот. А когда проанализируешь*

последние указания и распоряжения германских оккупационных властей, то ясно видно, что им это и надо, чтобы партизанские отряды вели борьбу не с их войсками, а с полицейскими отрядами. В то время, когда мы можем и должны будем повести по отношению к полицейским работу, — это ставка на разложение их. Изучая некоторые полицейские отряды... чувствуешь, что у них сейчас состояние неуверенности в победе германского оружия, но, боясь того, что партизаны их расстреляют, боятся переходить на их сторону. Имеют место несколько фактов, когда из отдельных полицейских отрядов добровольно несколько полицейских перешло на сторону партизан, то с других отрядов подсылают детей, старух узнать, что партизаны с ними сделали. 23 июля был случай в бригаде Т. Фалалеева, когда начальник полицейского Езерищенского отряда Ананьев вместе с бургомистром волости Новиковым и еще тремя полицейскими на полуторке с двумя ручными пулеметами, автоматом и винтовками приехали в отряд и сдались».

Сикорский приказал командирам бригад и отрядов «взяться активней за борьбу с оккупантами и перестать отсиживаться в лесах». При этом он признавал, что без поставок боеприпасов из центра всерьез активизировать операции вряд ли удастся.

Миф 2. Сколько их было?

Сколько же всего людей участвовало в советском партизанском движении? После войны в трудах историков часто фигурировала цифра — более миллиона человек. Однако, знакомство с документами военного времени заставляет уменьшить ее, как минимум, вдвое.

Пономаренко и его штаб вели статистику, но поступавшие данные далеко не всегда были точными. Командиры партизанских бригад и соединений порой не имели сведений о численности отдельных отрядов, а иной раз, повторяем, сознательно завышали ее, надеясь получить больше оружия и боеприпасов.

Правда, очень скоро они поняли, что снабжение из центра ограничивается такими объективными факторами, как погода, наличие удобных и недостижимых для огневых средств противника посадочных площадок, а также количеством транспортных самолетов. А потому нередко стали преуменьшать численность отрядов, чтобы соответственно снизить понесенные потери и более свободно рапортовать о достигнутых успехах.

В 1944 г. после освобождения республики Белорусский штаб партизанского движения составил итоговый отчет, согласно которому всего в рядах партизан здесь насчитывалось 373942 человека. Из них в боевых соединениях (бригадах и отдельных партизанских отрядах) состояло 282458 человек, а еще 79984 человека использовались в качестве разведчиков, связных или были заняты на охране партизанских зон.

Кроме того, около 12 тысяч человек числилось в составе подпольных антифашистских комитетов, особенно в западных областях республики. Всего же подпольщиков в Белоруссии, как выяснилось после войны, было более 70 тысяч человек, из которых свыше 30 тысяч считались связными и агентурными разведчиками партизан.

К 1 апреля 1943 г. на всей занятой немцами территории насчитывалось 110889 партизан, находившихся главным образом в Белоруссии, на Украине, в Крыму, а также в Смоленской и Орловской областях. В Эстонии в это время действовали три диверсионные группы из 46 человек, в Латвии — 13 групп общей численностью в 200 человек и в Литве — 29 групп, насчитывавших 199 человек.

Население прибалтийских государств в подавляющем большинстве не питало никакой симпатии к советскому строю и смотрело на германскую оккупацию как на меньшее зло. А в Молдавии из 2892 партизан этнических молдаван было лишь семеро, а основную массу составляли русские, украинцы и белорусы. Песня про «смуглянку-молдаванку, собирающую партизанский молдаванский отряд» — не более чем поэтическая фантазия. Молдаване явно предпочитали вернуться в состав Румынии после года советского господства.

Общее же число участников советского партизанского движения, если предположить, что на остальных землях действовало примерно столько же партизан, сколько на белорусской, можно оценить примерно в полмиллиона человек (только в боевых частях).

Коллаборационистов среди военнопленных и жителей оккупированных территорий, замечу, было гораздо больше, чем партизан и подпольщиков. Только в вермахте, в военных и полицейских формированиях СС и СД служило, по разным оценкам, от одного до полутора миллионов бывших советских граждан.

Кроме того, по несколько сот тысяч человек состояло в местной вспомогательной полиции и крестьянских отрядах самообороны, с одной стороны, и служило старостами, бургомистрами и членами местных управ, а также врачами и учителями в открытых немцами школах и больницах, с другой стороны. Правда, можно ли считать коллаборационистами тех, кому приходилось работать в оккупационных учреждениях, чтобы элементарно не умереть с голоду.

Теперь о безвозвратных потерях. К 1 января 1944 г. они составили по отдельным республикам и областям (без Украины и Молдавии): Карело-Финская ССР — 752 убитых и 548 пропавших без вести, а всего 1300 (из этого числа лишь у 1086 были известны фамилии и адреса родных); Ленинградская область — 2954, 1372, 4326 (1439); Эстония — 19, 8, 27; Латвия — 56, 50, 106 (12); Литва — 101, 4, 115 (14); Калининская область — 742, 141, 883 (681); Белоруссия — 7814, 513, 8327 (389); Смоленская область — 2618, 1822, 4400 (2646); Орловская область — 3677, 3361, 7038 (1497); Краснодарский край — 1077, 335, 1412 (538); Крымская АССР — 1076, 526, 1602 (176); всего — 20886, 8680, 29566 (8487). Эти цифры наверняка неполны, но они достаточно хорошо иллюстрируют сравнительную интенсивность боевой деятельности партизан в различных регионах.

К этому надо добавить, что в последние семь месяцев партизанского движения советские партизаны понесли наибольшие жертвы, вызванные предпринятыми против них крупномасштабными карательными операциями с участием армейских соединений. Только в Белоруссии партизаны потеряли тогда 30181 человека убитым, пропавшим без вести и пленным, то есть почти

вчетверо больше, чем за предшествовавшие два с половиной года войны. Общие же безвозвратные потери советских партизан до конца войны можно оценить как минимум в 100 тысяч человек.

Миф 3. Искаженная статистика

Мы привыкли думать, что проводившаяся партизанами «рельсовая война» чуть ли не парализовала немецкий тыл. Согласно донесениям партизан, только в апреле — июне 1943 года, в самый ее разгар, они пустили под откос свыше 1400 вражеских эшелонов. Всего же за годы войны они вызвали крушение более 21 тысячи поездов. Но так ли уж надежны указанные данные? Ряд архивных документов позволяет в этом усомниться.

Самое интересное, что в Москве устанавливался план, сколько партизаны должны совершить диверсий на железной дороге или нападений на вражеские гарнизоны. Например, в 1943 г. в ходе операции «Концерт» партизанам только в Белоруссии предстояло подорвать 140 тысяч рельсов. Многие бригады отрапортовали о значительном перевыполнении плановых показателей.

Пономаренко радостно докладывал Сталину: бригада Дубровского справилась с заданием на 345 %, бригада Маркова — на 315 %, бригада имени Заслонова — на 260 %, бригада Романова — на 173 %, бригада Белоусова — на 144 %, бригада народных мстителей имени Воронянского — на 135 %, бригада Филипских — на 122 %. Цифры радовали начальственный глаз, только вот немецкие эшелоны все шли и шли к фронту. В ходе войны ни одна оперативная перевозка вермахта на Востоке не была сорвана и ни одна крупная наступательная операция германских войск не началась с опозданием из-за действий партизан.

Порой доходило до того, что между партизанскими отрядами устраивали соцсоревнование. Так, 30 декабря 1943 г. командир партизанской бригады имени Флегонтова Жохов издал приказ: *«В ознаменование 26-й годовщины Красной Армии и ее славных побед, достигнутых в борьбе против немецких захватчиков, приказываю... развернуть с 1 января по 22 февраля 1944 г. социалистическое соревнование между отрядами, взводами, отделениями и партизанами. В основу социалистических обязательств положить выполнение месячных планов боевой и политической работы».*

Была даже придумана шкала оценки различных боевых операций. Например, выше всего — в 75 баллов — расценивалась ликвидация гарнизона или железнодорожного эшелона с взятием трофеев. То же самое, но без трофеев тянуло лишь на 50 баллов, а уничтоженная пушка или 10100 патронов, захваченных у врага, оценивались в балл. Столько же давали за одного сраженного неприятеля. Трофейная винтовка приносила участнику соревнования два балла, а взорванный шоссе́нный мост — 3 балла. Кроме почетных грамот и переходящих знамен победители награждались оружием.

Припискам в партизанских донесениях сильно способствовал и приказ Пономаренко от 3 августа 1942 г., которым устанавливались своеобразные «нормы» подвигов для награждения партизан «Золотой Звездой» Героя. Она полагалась за «крушение военного поезда не менее 20-ти вагонов, цистерн или платформ с живой силой, техникой, горючим или боеприпасами с

уничтожением состава с паровозом... за уничтожение складов с горючим, боеприпасами, продовольствием, амуницией... за нападение на аэродром с уничтожением материальной части... за нападение или уничтожение штаба противника или военного учреждения, а также радиостанции и за другие выдающиеся заслуги».

Подозреваю, что цифры из донесений партизанских командиров о пущенных под откос эшелонах, взорванных мостах и рельсах были завышены в несколько раз. Это доказывают и отдельные данные из немецких источников, оказавшиеся в распоряжении советского командования. Так, по сведениям диспетчерского бюро станции Минск, в июле 1943 г. на участке железной дороги Минск — Борисов партизаны подорвали 34 эшелона.

По данным же только четырех партизанских бригад, действовавших в этом районе (1-й Минской, «Пламя», «Разгром» и «За Советскую Беларусь»), ими на этом же участке было подорвано более 70 эшелонов. *«Если к этому прибавить эшелоны бригад имени Щорса, «Смерть фашизму», имени Флегонтова, — говорилось в письме одного из минских партизанских руководителей, направленном в Центральный штаб партизанского движения, — то увеличение достигнет 5, если не 6 раз. Это происходит потому, что работа подрывных групп недостаточно контролируется, а партийные и комсомольские организации не взяли еще за борьбу против очковтирательства».*

Вероятно, так же обстояло дело и со злосчастными рельсами, плановые задания по которым спускал своим подчиненным товарищ Пономаренко. Он сам в июне 1943 г. в отчете о состоянии партизанского движения вынужден был особо отметить «недостоверность информации некоторых отрядов. Преувеличение потерь противника, ложные очковтирательские сведения, приписывание себе результатов действий других отрядов».

После войны Пономаренко признавал: *«Как правило, партизаны не ожидали результатов минирования. Результаты по большей части уточнялись по сведениям местных жителей, посредством агентуры, доносившей командованию партизанских соединений о результатах минирования в том или ином месте, или по захваченным документам противника и показаниям пленных».* Нередко партизаны опирались только на слухи, а один и тот же подорванный эшелон записывали на свой счет сразу несколько партизанских соединений.

Несмотря на все преувеличения, содержащиеся в партизанских рапортах, очевидно, что диверсии серьезно осложняли транспортные перевозки немцев. Особенно часто они совершались в Белоруссии. Например, 29 августа 1942 г. начальник военных сообщений группы армий «Центр» с тревогой докладывал: *«Общее положение железнодорожного сообщения в тылу группы армий «Центр» между Брестом и фронтом внушает все большие опасения ввиду нападений партизан... Если до сих пор все важные летние перевозки для группы армий «Центр» от Смоленска к фронту удавалось осуществлять своевременно, то за последние недели, когда производилась переброска новых крупных соединений, пришлось столкнуться с фактом наличия партизан между Брестом и Смоленском. Это сказалось весьма отрицательно на перевозках, именно так, как мы предполагали еще в начале мая. Однако*

удалось временно сконцентрировать все силы на выполнении этого передвижения войск, и такого рода последствия действий партизан остались в пределах допустимого... Ночные налеты партизан на поезда наносят больший ущерб, чем отказ от движения в ночное время вообще, как это имеет место теперь. Однако такое мероприятие снижает провозную способность, а за дневные часы удается только частично восполнить пробел».

Очень часто цифры неприятельских потерь, приводимые в партизанских донесениях, кажутся абсолютно фантастичными. Так, 11 сентября 1943 г. по приказу подпольного Могилевского обкома одновременно были атакованы 10 немецких гарнизонов в Бельничском районе. Вот что докладывали партизанские командиры о бое с самым крупным гарнизоном, расположенным в райцентре: *«В Бельничах после 3,5 часового ожесточенного боя, доходившего до рукопашных схваток, разгромлен гарнизон противника, состоявший из батальона РОА и 60 полицейских. Главную тяжесть боя приняли на себя батальоны 208 полка, во взаимодействии с ними участвовали 600 и 760 партизанские отряды и отряд майора Шестакова. В итоге боя убито свыше 200 и до 200 ранено солдат и офицеров противника. Взяты трофеи: ручных пулеметов — 2, минометов 50 мм — 2, винтовок — 68, автоматов — 4, наганов и пистолетов — 8, ручных гранат — 25... Взята документация Бельничской комендатуры. Свои потери: 3 убитых, 30 раненых».*

Воля ваша, но здесь что-то не так. Даже если партизаны застигли противника врасплох, очевидно, власовцы и полицейские все же сумели организовать оборону, поскольку ожесточенный бой длился три с половиной часа. Но тогда совершенно невероятно, чтобы на каждого убитого партизана приходилось по 70 солдат и офицеров противника. Непонятно также, каким образом партизаны посчитали число раненых полицейских и власовцев.

И почему в партизанских рядах раненых оказалось в десять раз больше, чем убитых, если обычно на одного убитого приходится не более трех-четырех раненых. Скорее всего, партизанские потери в несколько раз занижены, а потери прогерманских формирований, наоборот, в несколько раз завышены.

Не лучше обстояло дело и с учетом немецких потерь в боевой технике. После войны Пономаренко утверждал: *«На основании донесений партизан и документов противника можно сделать вывод, что партизаны за время войны на всей оккупированной территории путем обстрела, диверсий и нападений на аэродромы противника уничтожили 790 самолетов. Число уничтоженных партизанами и подпольными организациями самолетов в результате диверсий на железнодорожном транспорте и погибших при крушениях близко к 350 самолетам. Таким образом, всего уничтожено партизанами и подпольными организациями 1140 самолетов противника».*

Эта цифра тоже вызывает большое сомнение. За период с 1 сентября 1939 г. до конца 1944 г. люфтваффе потеряли уничтоженными и поврежденными 71965 самолетов, из которых на Восточный фронт приходилось около 30 тысяч. К этому надо прибавить значительно меньшее число сбитых не боевых самолетов — связных и транспортных. Получается, что почти каждый тридцатый самолет, утраченный немцами на Востоке, был уничтожен партизанами, не имевшими ни истребителей, ни зенитных орудий.

Некоторые описания подвигов партизан-героев, встречающиеся в боевых донесениях, носят совершенно легендарный, мифологический характер. Например, в итоговом отчете о деятельности 37-й партизанской бригады имени Пархоменко, действовавшей в Бобруйском и Глусском районах Могилевской и Полесской областей, утверждалось: *«20 декабря 1943 г. командир отряда имени Кирова Голодов Василий Емельянович в деревне Качай Болото Паричского района, когда гитлеровцы приблизились к блиндажу, где находился тов. Голодов, начали забрасывать его гранатами, коммунист Голодов на лету подхватывал вражеские гранаты и выбрасывал их назад. Так он выбросил 9 гранат и убил более 20 фашистов. Но десятой гранатой бесстрашный командир был тяжело ранен и погиб смертью героя»*. Ну, что тут скажешь!

Миф 4. Немецкая статистика

Вот немецкие сводки о потерях в боях с партизанами, особенно если они составлены в штабах вермахта, а не СД или полицией безопасности, выглядят достовернее советских. Там почти никогда не встречается число раненых партизан, тогда как в партизанских отчетах, напротив, фантазия командиров указывала поразительно точное число раненых немцев и их пособников.

Убитых партизан немцы указывали только тогда, когда в их распоряжении оказывались трупы. Если же поле боя оставалось за партизанами или погибших на месте столкновения обнаружено не было, то в немецких донесениях сообщалось, что убитых партизаны унесли с собой и что их число не может быть установлено. Нередко немецкие донесения прямо признают, что потери партизан были значительно меньше, чем у немцев и их союзников.

Однако, не всегда немецкие донесения внушают доверие. Например, штаб группы армий «Центр» докладывал, что в январе 1943 г. общее число убитых партизан за пределами армейских тыловых районов определялось в 5762 человека, но при этом было захвачено в качестве трофеев только 960 винтовок, 56 пулеметов, 12 минометов, пять орудий и три противотанковых ружья. Получается, что три четверти партизан воевали без оружия или немцы просто побрезговали взять его в качестве трофеев.

Скорее всего, большинство убитых — это те, кого только подозревали в пособничестве партизанам. Именно во фронтовом тылу действовали немецкие полицейские формирования, жандармерия и отряды СД, которые часто записывали в партизаны мирных жителей, убитых в ходе карательных экспедиций.

Немцам удалось разбить основные силы партизан в прифронтовой зоне группы армий «Центр» в апреле-июне 1944 г., накануне операции «Багратион», положившей конец германскому господству в Белоруссии. Успеху немцев очень способствовало то обстоятельство, что в Полоцко-Лепельской партизанской зоне еще с осени 1943 г. оказались сконцентрированы 16–17 партизанских бригад общей численностью от 16 до 20 тысяч человек.

Советское командование намеревалось с их помощью захватить Полоцк. Затем туда планировалось перебросить снабжаемый по воздуху десантный

корпус, которому вместе с партизанами предстояло удержать город до подхода основных сил Красной Армии.

Однако, странным образом и Центральный штаб партизанского движения, и командование 1-го Прибалтийского фронта, и Ставка Верховного Командования напрочь забыли, что в декабре-январе здесь бывает преимущественно нелетная погода, и назначили начало операции на середину декабря 1943 г.

В последний момент она была отменена из-за неблагоприятных метеоусловий. Как будто такой исход нельзя было предвидеть, и опыт Сталинграда, где снабжение группировки Паулюса сорвалось во многом из-за нелетной зимней погоды, советское командование ничему не научил!

Партизанам же было приказано зимовать в этом районе, чтобы попытаться позднее все-таки овладеть Полоцком. Обеспечить такое воинство необходимым количеством боеприпасов не было никакой возможности. В результате немцы, воспользовавшись затишьем на фронте, в апреле 1944 г. приступили к широкомасштабной карательной операции и в начале июня практически ликвидировали Полоцко-Лепельскую партизанскую зону. По немецким данным, было уничтожено или взято в плен более 14 тысяч партизан. По донесениям партизан, потери бригад Полоцко-Лепельской зоны оказались вдвое меньше — 7000 убитых и пропавших без вести.

Крупные карательные операции немцы предпринимали и против партизан, действовавших в Минской области. Ими руководил начальник СС и полиции в Белоруссии бригадефюрер Курт фон Готтберг. В ходе одной из таких операций, «Котбус», согласно донесению Готтберга от 26 июня 1943 г., было убито в бою 6084 партизана, а еще 3709 — расстреляно после пленения.

Похвастался Готтберг и новым методом преодоления минных полей: *«После артиллерийско-зенитной подготовки проникновение в болотистую местность стало возможным только потому, что подозреваемых в связях с партизанами местных жителей гнали впереди войск по сильно заминированным участкам территории».*

Справедливости ради надо сказать, что такой же метод использовали и советские военачальники, только гнали на минные поля не мирных жителей, а красноармейцев. Вскоре после войны маршал Жуков популярно объяснил американскому генералу Дуайту Эйзенхауэру, что он, Жуков, если знал, что впереди минное поле, отправлял в атаку своих солдат, как будто перед ними никаких мин не было. Солдаты ценой своей жизни подрывали только противопехотные мины. Затем в образовавшиеся проходы шли саперы и снимали противотанковые мины, чтобы можно было пускать бронетехнику, она ведь стоила дороже людей.

Эйзенхауэр был потрясен и про себя усомнился, что в американской армии вряд ли найдутся офицеры, способные отдать такой приказ, и солдаты, согласные его выполнить. Готтберг тоже знал, что немцы просто так на мины никогда не пойдут, и использовал для разминирования «недочеловеков» славян, провинившихся лишь в том, что они попались на пути карательной экспедиции.

Под руководством Готтберга с 3 июля по 30 августа 1943 г. была проведена еще одна крупная операция под кодовым названием «Герман», на этот раз против советских и польских партизан Барановичской области. Секретарь Барановичского обкома партии В. Е. Чернышёв доносил: *«В первые дни боев с карательной операцией партизанами был убит известный населению Белоруссии с начала войны палач, подполковник войск СС Дирлевангер и захвачен весь план операции».*

Оберфюрер СС Оскар Дирлевангер действительно участвовал в операции со своей бригадой «общих СС», которые в отличие от обычных войск СС выполняли исключительно карательные функции. Бригада Дирлевангера считалась «штрафной» и состояла из немецких уголовников и русских «добровольцев», которые по своим преступным наклонностям не многим уступали германским товарищам по оружию. Сам же комбриг до войны «тянул срок» за растление несовершеннолетних и браконьерство.

Спору нет, Дирлевангер, как совершивший преступления против человечности, вполне заслуживал смерти. Но Чернышёв поторопился его похоронить. Дирлевангер прожил еще два года и умер во французском лагере для военнопленных в Альтхаузене (Верхняя Швабия) 7 июля 1945 г.

Секретарь Барановичского обкома щедро уничтожал врага на бумаге. В донесении он заявил, что партизаны в ходе операции «Герман» убили и ранили более 3 тысяч немцев и полицейских и взяли в плен 29 немецких солдат. Готтберг же общие потери немцев и их союзников определял в 205 убитых, раненых и пропавших без вести. Неужели ошибся в 15 раз?

Да и пропавших без вести немцев было только трое — в 10 раз меньше, чем число пленных, которых будто бы захватили партизаны Чернышёва. Как появились такие большие цифры вражеских потерь, станет понятно, если прочесть следующий пассаж из чернышёвского донесения: «Пущено под откос 37 эшелонов. На участке Лида — Юротишки из-под обломков извлечено 300 трупов немецких солдат и офицеров». Интересно, кто смог их посчитать? Партизанские разведчики?

Известны и другие партизанские донесения, составленные по принципу «все хорошо, прекрасная маркиза». Например, когда в августе-ноябре 1942 г. немцы в результате удачного наступления закрыли так называемые «Витебские ворота» — коридор в районе Усвяты, через который из-за линии фронта белорусские партизаны получали материальное снабжение и подкрепления, в донесении Центрального штаба партизанского движения бодро утверждалось: *«Партизанские бригады Витебской области непрерывными боями с противником показали свое умение действовать не только мелкими группами, но и наносить серьезные поражения противнику в боях с его крупными частями. Успешный выход противника на правый берег реки Усвята и закрытие ими «ворот» впредь до получения подробного описания боев можно объяснить несогласованностью действий между командованием частей Красной Армии и партизанских отрядов».*

Да, из такого донесения Наполеон никогда бы не узнал, что проиграл сражение при Ватерлоо.

ЦЕНА ПОБЕДЫ

За последние пятнадцать лет мы узнали о войне больше, чем за все предыдущее послевоенное время. Раскрываются архивы, сняты запреты на изучение конкретных операций — например, катастроф под Киевом в 1941 г., под Харьковом в 1942 г., тяжелых боев зимы 1943–1944 гг., о Берлинской операции 1945 г. Мы уже больше знаем о заградотрядах, СМЕРШЕ, штрафных батальонах. Выясняется, что, публично громя один — «немецких разбойников», другой — «кровожадных большевиков», Сталин и Гитлер в кругу «своих» отзывались друг о друге весьма уважительно.

Несмотря на то, что с окончания Великой Отечественной войны прошло более 60 лет, но на пути к правде о войне еще немало препятствий. Много неизученного, еще больше искаженного. Кто-то лично заинтересован в том, чтобы мифы жили как можно дольше. Другим просто тяжело расставаться с привычными стереотипами. Но рано или поздно история все расставит по своим местам.

«Даешь Берлин!»

Наступление на Берлин началось 16 апреля 1945 г. Тремя днями раньше советские войска, сражавшиеся на южном фланге фронта и незадолго перед тем отразившие последнее немецкое контрнаступление в Венгрии, вступили в Вену.

В штурме германской столицы, план которого был утвержден 1 апреля на совещании у Сталина, участвовали командующие армий трех фронтов: 1-го Белорусского, который под командованием Г. К. Жукова занимал центральный участок полосы наступления, 2-го Белорусского под командованием К. К. Рокоссовского, наступавшего севернее, и 1-го Украинского, которым командовал И. С. Конев. Их подстегивала необходимость одним ударом отсечь узел последних политических комбинаций, затевавшихся немцами.

Наступление началось еще до того, как армии Рокоссовского, только что завершившие бои в Померании, успели произвести группировку и подготовиться к операции. Вначале Сталин хотел доверить взятие Берлина одному Жукову, но некоторые военачальники возражали, что танковые армии Конева при благоприятных обстоятельствах тоже повернут на север и нанесут удар по Берлину с южного и юго-западного направлений.

Для Жукова это означало официальное признание его главенства среди выдающихся советских полководцев. Битва, однако, мало что добавила к его военной славе. Но, по его собственному признанию, это была «одна из труднейших операций Второй мировой войны». Под Берлином агонизирующая германская армия сопротивлялась с безоглядным упорством. С конца января, когда советские войска вышли на Одер, у немцев было время укрепить подступы к городу.

Жуков начал штурм глубокой ночью, при свете прожекторов. Но эффект неожиданности был относительным. За Одером его дивизии натолкнулись на мощные укрепления Зееловских высот, прикрывавших столицу; преодолеть это препятствие им удалось лишь на третий день ценой огромных потерь.

Руководство операцией Жуковым впоследствии стало предметом суровой критики некоторых прославленных генералов, бывших тогда у него в подчинении. Вероятно, в стремлении поскорее добиться победы, он действительно допустил чрезмерное скопление танковых и стрелковых дивизий в узкой полосе наступления, из-за чего войска, мешая друг другу, двигались медленнее, чем могли бы.

Более успешным было наступление Конева, которому не приходилось штурмовать в лоб. Преодолев реку Нейсе, его фронт смог прорвать линию вражеской обороны и ввести в прорыв танковые армии генерала Рыбалко и Лелюшенко, которые в свою очередь получили приказ Сталина наступать на Берлин. 20–21 апреля войска Конева и Жукова почти одновременно достигли окраин германской столицы.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 30 апреля 1945 г.: *«Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая вести уличные бои в центре Берлина, овладели... Войска 1-го Украинского фронта продолжали вести уличные бои в юго-западной части Берлина и заняли ряд кварталов...»*. Кажется все в порядке, Берлин взят в плотное кольцо, даже у военных специалистов, не говоря уже о гражданских людях, не возникало сомнений, что все идет по плану.

Между тем, два видных маршала, заранее отбросив планы, устроили «социалистическое соревнование» — кто первым возьмет Берлин.

С началом Берлинской операции 1-й Белорусский фронт помчался вперед, опережая «график». При этом неизбежно неся огромные потери — оставляя горы трупов у Зееловских высот.

Не отставал и 1-й Украинский фронт, уже 18 апреля сходу форсировавший реку Шпрее. А еще через день, 20 апреля, маршал Конев издает приказ командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями: *«Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести»*.

В этот же день, 20 апреля, маршал Жуков издает свой приказ — тоже танкистам: командующему 2-й гвардейской танковой армией: *«Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачи: не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада тов. Сталину»*.

Цену социалистического соревнования в мирное время мы знаем — недокрученные гайки и болты. В военное время — людские жертвы.

В Берлине, чтобы угодить обоим маршалам, провели разграничительную линию между войсками фронтов прямо по центру города: досюда наступать, а дальше нет. Но танкисты Конева ворвались в тыл танкистам Жукова. Неразбериха, новые жертвы.

К чести Конева, он опомнился первым и предложил Жукову принимать совместные меры. Жуков вместо ответа дал телеграмму Сталину. Официально — доклад, по существу — что-то среднее между жалобой и доносом: *«Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создавало путаницу и перемещение частей, что крайне осложнило управление боем»*.

Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к еще большему перемешиванию и к затруднению в управлении».

Танкисты Рыбалко вынуждены были повернуть от центра на запад. Центр же Берлина достался теперь Жукову. И главное — рейхстаг.

Другие масштабы — другие чины. Брали Берлин — соревновались командующие армиями, брали рейхстаг — соревновались комдивы. С двух сторон к стенам рейхстага подошли две дивизии 1-го Белорусского фронта — 150-я стрелковая под командованием генерал-майора В.М. Шатилова и 171-я стрелковая под командованием полковника А. И. Негоды. В каждой дивизии — по своему Знамени Победы из девяти (по количеству дивизий).

30 апреля около трех дня полковник Зинченко (из дивизии Шатилова) сообщил комбату Неустроеву о том, что есть секретный приказ маршала Жукова, в котором объявляется благодарность войскам, водрузившим Знамя Победы. Оба растерялись: рейхстаг не взят, знамя не водружено, а благодарность уже объявлена. Чтобы достичь рейхстага, надо было преодолеть Королевскую площадь, покрытую завалами, баррикадами, надолбами. Площадь пересекал канал, за которым — траншеи, дзоты, зенитки, поставленные на прямую наводку. Под прицелом — каждый метр площади. Из замурованных окон самого рейхстага торчали пулеметные стволы.

Когда появился приказ Жукова, наши солдаты еще только сделали первую попытку выбраться на площадь и тут же залегли, не поднимая головы, прижатые шквальным огнем. Самое потрясающее то, что в секретном приказе маршала, кроме глубокой благодарности войскам своего фронта, описывались и подробности взятия рейхстага: *«Противник в районе рейхстага оказывал ожесточенное сопротивление нашим наступающим войскам, превратив каждое здание, лестницу, комнату, подвал в опорные пункты и очаги обороны. Бои внутри главного здания рейхстага переходили в неоднократные рукопашные схватки. Войска 3-й ударной армии сломали сопротивление врага, заняли главное здание рейхстага и сегодня, 30.04.45 г. в 14.25 подняли на нем наш советский флаг».*

Совинформбюро пошло на еще большие «приписки», сообщив 30 апреля, что «сегодня в четырнадцать часов советские бойцы овладели зданием немецкого рейхстага и водрузили на нем Знамя Победы».

Прижатые огнем к земле, солдаты продолжали лежать на площади. Командир дивизии потребовал от полковника Зинченко: *«Если нет наших людей в рейхстаге и не установлено там знамя, то примите все меры любой ценой водрузить флаг или флажок хотя бы на колонне парадного подъезда. Любой ценой!»*

Стало ясно: комдив Шатилов, боясь, как бы другой комдив, Негода, не доложил раньше него о взятии рейхстага, отрапортовал о водружении знамени Победы над рейхстагом командиру 79-го стрелкового корпуса генерал-майору Переверткину, тот — командующему 3-й ударной армией генерал-полковнику Кузнецову, а тот — Жукову.

Опять — любой ценой. Ни о каком Знамени Победы речь, конечно, идти не могла. Одиночки-добровольцы, самые отчаянные, разорвав немецкие перины из красного тика, ринулись с этими флажками к рейхстагу, чтобы установить

их где угодно — на колонне, на фасаде, на углу здания, в окне. Как делается во всех войсках — сначала овладевают, потом водружают. Тут все наоборот. Отчаянные одиночки-добровольцы погибли. Все.

Батальон Неустроева пошел на решительный штурм. Только с четвертой попытки бойцы ворвались в рейхстаг.

Сколько же человек погибло во время штурма рейхстага? Официальной статистики потерь в боях за рейхстаг не существует. Неофициальная — 63 человека. Ну что ж, это ведь только первая цифра, такая же цинично низкая, как первая цифра общих потерь в войне при Сталине — 7 миллионов.

Печальная статистика

Берлинская операция оказалась одной из самых кровопролитных, жертвенных за всю войну. Общее число потерь: убитые и раненые — 352475 человек. Из них: безвозвратные потери, т. е. убитые — 78291 человек; «санитарные потери» — раненые, контуженные, обожженные и т. д. — 274184 человека. Сколько из них выжили или скончались, стали инвалидами — неизвестно. К этим цифрам надо добавить и потери за Берлин двух польских армий: безвозвратные — 2825 и «санитарные» — 6067 человек.

Горько и обидно. Четыре года войны остались уже позади, и Берлин был обречен, войска союзников не собирались его штурмовать, он в любом случае был бы наш.

Совершенно цинично — округление потерь. А ведь всегда мы их округляли до миллиона! При Сталине было 7 миллионов погибших, потом — 20 миллионов, теперь 27 миллионов. Последнюю цифру назвали совсем недавно. Между тем, если точнее, общие потери в войне составляют 27,6 миллионов человек. Тоже округлили, но уже до сотен тысяч.

По результатам подсчетов Генерального штаба Вооруженных Сил России, за годы Великой Отечественной войны общие безвозвратные потери (убито, пропало без вести, попало в плен, умерло от ран, болезней, в результате несчастных случаев) Советских Вооруженных Сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 11 миллионов 444 тысяч человек. При этом армия и флот потеряли 11 миллионов 285 тысяч человек, внутренние войска — 97 тысяч 700 человек, пограничные войска и органы госбезопасности — 61 тысяч 400 человек.

При структурном подсчете выяснилась еще одна деталь: из общего числа учтенных в ходе войны безвозвратных потерь следует исключить 1 млн. 836 тысяч вернувшихся из плена, а также 939,7 тысячи человек, значившихся в начале войны пропавшими без вести и объявившимися на освобожденной от оккупации территории позднее. С учетом этого уточнения общие потери Вооруженных Сил СССР составили 9 миллионов 168 тысяч 400 человек.

Сюда входят и те, кто погиб, перейдя на сторону захватчиков. Изменили Родине и служили в немецкой армии, в жандармерии, в полиции, в войсках СС и других карательных органах около 800 тысяч советских военнослужащих. Из них в самых элитных карательных войсках СС — 140 тысяч советских солдат и офицеров.

Одна из самых драматичных историй военных лет — судьба советских военнопленных. Согласно итоговой сводке германского командования, всего за годы войны в плен попали 5 миллионов 754 тысячи советских солдат и офицеров, в том числе в 1941 г. — 3 миллиона 335 тысяч, а в 1945 г. — 34 тысячи.

Большинство пленных в 1941 г. погибло от репрессий, голода, болезней и к весне 1944 г. в лагерях оставалось лишь 1,1 миллиона человек.

Остальные потери, свыше 17 миллионов, пришлись на гражданское население оккупированных и прифронтовых территорий. Из них около 8 миллионов погибло от голода, бомбежек, артобстрелов, тяжелых условий жизни, непосильного труда. Еще более 2 миллионов погибло на принудительных работах в Германии.

Число преднамеренно уничтоженных в результате гитлеровской политики геноцида (расстрелянных, погибших в гетто, тюрьмах, концлагерях) составило более 7 миллионов человек. Таким образом, прямые и косвенные потери населения СССР в годы Великой Отечественной войны, исходя из имеющихся данных, можно оценить в 48–50 миллионов человек — вот истинная цена Великой Победы.

Кроме обычного просчета, головотяпства или самодурства командиров, русского «авось», было и чисто советские, социалистические причины неоправданных массовых жертв. Как жили прежде, так и воевали. Киев освобождали к «обеденному столу», к очередной годовщине революции. Уложились, освободили 6 ноября 1943 года. Но какой ценой! Тысячи моряков погибли в черноморских десантах, из которых особой трагической славой известны Евпаторийский и Феодосийский.

Можно понять просчеты в начале войны, когда мы еще не научились побеждать. Отечество стояло на массовой народной жертвенности, массовом гибельном героизме. Но теперь-то, в конце войны, когда впереди был только Берлин и рейхстаг!

В той страшной войне союзники отказались от штурма столицы Германии. Генерал О.Брэдли высчитал, что штурм Берлина будет стоить англо-американским солдатам 100 тысяч жизней. На такие жертвы они пойти не могли.

Разумеется, отказываться от комфортных исторических штампов далеко не просто. Слишком много замешано личных судеб, воспоминаний, боли утрат. На многом лежит неизгладимая печать сакральности: миллионы насмерть стояли за отчий дом, за родных, за Родину; истерзанная земля, невиданные разрушения, более 27 миллионов погибших. Любые негативные интерпретации этих событий, даже вполне аргументированные, могут задеть и задевают индивидуальную память.

Размышления о цене Победы ни в коей мере не умаляет подвига советского народа, а наоборот, возвышает мужество и героизм наших людей в самой кровопролитной в истории человечества войне.

Сегодня мы не можем, не должны, просто не имеем права оставаться в плену обыденного сознания, незаинтересованного в поиске исторической правды.

Мертвые живы, пока есть живые, чтобы о них вспоминать
Э. Анрио

ЧАСТЬ III. ЗАЛОЖНИКИ ВРЕМЕНИ

БРЕСТ: ГОД 1917-й

Завесой таинственности, недоговоренности окутаны многие моменты, связанные с драматическими событиями, предшествовавшими заключению Брестского мира. В летописи мирных переговоров никак не отмечен день 29 ноября (12 декабря) 1917 г. А между тем, именно в этот день, в разгар переговоров, оборвалась жизнь одного из его участников.

Речь идет о В. Е. Скалоне. В исторической литературе, даже в специальных солидных монографических исследованиях, какие-либо данные о Скалоне отсутствуют. Так кто же он и какова его роль в этих событиях?

Владимир Евстафьевич Скалон родился 28 ноября 1872 г., происходил из дворян Могилевской губернии. В 1887 г. был зачислен в Пажеский корпус, который закончил с отличием, за что был отмечен занесением имени на мраморную Доску почета. По выходе из корпуса был произведен в подпоручики прославленного гвардейского Семеновского полка.

В 1898 г. с отличием заканчивает Академию Генерального штаба. Первую мировую войну Скалон встретил в чине генерал-майора при Верховном Главнокомандующем. 8(21) ноября 1917 г. генерал Дитерихс, в будущем активный сподвижник адмирала Колчака, передал Скалону свою должность генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем.

20 ноября в Брест-Литовске начались мирные переговоры. Уже в ходе переговоров, по предложению Ленина, в состав делегации было решено включить группу экспертов. По одному офицеру от Ставки, от всех фронтов, от Балтийского и Черноморского флотов. Скалон на этих переговорах представлял Ставку.

29 ноября (12 декабря) эксперты прибыли в Брест-Литовск. В этот же день Скалон застрелился.

Сохранились воспоминания о том, как это произошло. Одни из них принадлежат советскому военному деятелю, в прошлом сослуживцу Скалона, Александру Самойло и были опубликованы в 1958 г. Другие увидели свет намного раньше и принадлежали подполковнику Фокке, представителю Северного фронта и вышли в Берлине в 1930 г.

Оба автора свидетельствуют, что в 15 часов делегация собралась на частное совещание, в разгар которого Скалон вдруг неожиданно застрелился. По свидетельству Самойло, вынужденного заменить погибшего, это трагическое событие было совершенно определенным образом истолковано руководителем немецкой делегации генералом Гофманом, а, следовательно, и всеми немцами в Бресте.

Как сообщает мемуарист, Гофман при знакомстве с ним воскликнул: *«А! Значит, вы назначены замещать бедного Скалона, которого уходили ваши большевики! Не вынес бедняга позора своей страны!»*. Для Самойло

представляется необъяснимой «фантазия» Скалона — выбрать время, место и даже момент для того, чтобы покончить с «позором страны». Фокке также полагал, что решение покончить с собой было для генерала не заранее обдуманное, а внезапным.

Некоторые склонны были полагать, что одной из причин, которая может как-то объяснить трагедию, является письмо, полученное Скалоном в день смерти от какого-то «благодетеля» с сообщением о недостойном поведении жены генерала. Это очевидный навет. Скалон вступил в первый брак лишь за два года до этих событий с Анной Львовной Львовой. На руках молодой женщины в момент трагедии находилась годовалая дочь Надежда.

Ответ на вопрос дает предсмертное письмо Скалона своему товарищу, посланное им перед отъездом в Брест-Литовск. Истинная причина трагедии крылась, конечно же, в понимании, что все рухнет, что страна находится на грани национальной катастрофы, предотвратить которую уже не было никакой возможности: фронт распался, армии нет, мир необходим любой ценой, чтобы «спасти революцию». И эта цена была уплачена, с чем не могли смириться очень многие. Протестовать не было никакой возможности, оставалось одно — уйти из жизни, что и сделал Скалон.

Следует отметить, что Советское правительство выразило соболезнование вдове Скалона и назначило пенсию его дочери.

Казалось бы, канва трагического события теперь очерчена достаточно четко и полно. И все-таки почти никаких подробностей, которые бы стали интересными не только поклонникам историко-просветительского чтения, но и историкам-профессионалам.

Они, эти подробности, содержатся в статье, опубликованной в парижской газете «Наше дело» (1939 г., 25 февраля).

САМОУБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА СКАЛОНА

28 ноября (12 декабря) 1917 г., в Брест-Литовске, в полный разгар советско-германских переговоров о сепаратном мире, застрелился член военной консультации при советской делегации ген. В. Скалон. Большевики постарались заглушить этот трагический выстрел, прозвучавший кровавым осуждением их измены.

«Наше дело» имеет возможность опубликовать неизвестный документ: письмо, которое ген. Скалон оставил, уезжая из Петрограда в Брест-Литовск, откуда вернулся только его бездыханный труп.

Чтобы читатели «Нашего дела» могли лучше понять всю душевную трагедию русского офицера, предпочитавшего смерть измене, газета опубликовала рассказ его товарища по делегации подполковника Фокке. Воспроизведем его фрагменты.

Оставив в Красном Питере балласт в виде рабочего, крестьянина, солдата и матроса, которые были одинаково неспособны разбираться в военных вопросах, как офицеры-консультанты, и произносить программные политические речи, как главари Смольного, делегация выехала в Брест.

Знакомым путем через германские окопы по узкоколейке нас доставили на станцию Беркгоф, а вечером мы выехали в Брест, куда и прибыли 29 ноября (12 декабря) в 13 часов.

В 15 часов делегация собралась на частное совещание, в котором были оставлены в стороне важнейшие вопросы договора, и велось обсуждение частного вопроса о пунктах, в которых соберутся демаркационные комиссии. Сравнивали расстояния до них, говорили об удобствах путей сообщения с фронтом от обоих намеченных городов, и по ходу прений явилась необходимость в карте.

Карты ни у кого не было.

— У меня в вещах найдется карта. Сейчас принесу.

Спокойно заявив это, ген. Скалон оставил нас в комнате совещания и прошел в отведенную ему в том же здании личную комнату. Прошло около четверти часа, во всяком случае, не больше двадцати минут, как вдруг в комнату совещания русской делегации без всякого предупреждения вбежал лейтенант Мюллер, крайне взволнованный и побледневший, и громко крикнул по-русски:

— Господа, генерал застрелился!

Тут же был вызван штабной врач.

— Рана смертельна. Нет никакой надежды.

Через несколько минут ген. Скалон скончался.

Выстрел был сделан из револьвера «смит-вессон» крупного калибра и в самоубийстве нельзя было сомневаться, так как крепко зажатый в правой руке револьвер не мог быть вложен никем, кроме самого генерала. Судя по положению тела перед умывальником, покойный стрелялся перед зеркалом. Выстрел был направлен точно в правый висок, пуля пробила череп, широким отверстием вышла навывлет из левого виска, ударилась в стену и рикошетировала на пол. После коротких поисков мы нашли ее на ковре».

На столе лежала оставленная генералом Скалоном записка, написанная на обрывке бумаги: «Могилев. Анне Львовне Скалон. Прощай, дорогая, ненаглядная Аня, не суди меня, прости, я больше жить не могу, благословляю тебя и Надюшу. Твой до гроба Володя».

«Немцы стали проявлять рыцарство. Тело генерала Скалона было убрано, возле него был поставлен почетный караул, а после положения в гроб тело перенесли в крепостной православный собор. Из безлюдного Бреста в Белосток была направлена телеграмма, по которой экстренным поездом были доставлены в ставку принца Леопольда Баварского православный священник, диакон и церковный хор. Назначенное на 17 часов совместное заседание конференции было отменено. Мне представляется, что решение покончить с собой было для генерала не заранее обдуманное, внезапное... Подавленным было настроение у нас, русских офицеров, среди которых генерал Скалон был старшим. Я ему завидую! Так говорили некоторые, и возражения, на зависть мертвому, не находилось. Кроме издерганных нервов, было слишком много такого, что заставляло видеть беспощадную логику».

в этом самоубийстве. Слишком безжалостно подрубила корни привычной жизни Великая Российская Революция... А эта жизнь готовит каждому из нас множество испытаний, горечи и обид, смешивая понятие о воинском долге с большевистской грязью и предательством красной политики».

На следующее утро после смерти ген. Скалона, утром, в 9 часов 30 ноября (13 декабря) состоялось первое совместное заседание, которое генерал Гофман открыл вступительным словом, выразив глубокое соболезнование по поводу этого печального события.

Гроб с телом генерала Скалона был установлен в крепостной церкви. Явился почти весь состав германского штаба. Штаб и все пять договаривающихся о перемирии сторон возложили на гроб покойного венки.

Оркестр грянул «Реквием». Трагически торжественны медные звуки, чуждые русским церковным стенам. Этими мрачными аккордами военная Германия провожала русского генерала за день до прекращения войны.

Нужно было встретить смерть на вражеской территории, чтобы от врагов получить последние воинские почести. А там, в России, там в этом уже было отказано.

Гроб вынесли на руках члены русской делегации. На площади близ гарнизонной церкви был приготовлен катафалк — грузовик, убранный траурными флагами и зеленью. Принц Леопольд Баварский произнес несколько сочувственных слов, а отряд германских ландштурмистов дал ряд салютных залпов.

На вокзале — снова краткая лития у гроба, поставленного в траурный вагон, убранный черными, русскими трехцветными и германскими флагами. Без речей, без слов проводили вагон, застучавший по шпалам по направлению к фронту, до которого его провожали германские солдаты.

Посмертное письмо ген. Скалона

Перед тем, как покинуть Петроград, чтобы отправиться в Брест-Литовск в качестве военного консультанта при советской делегации, ген. Скалон пережил тяжкие минуты раздумий и колебаний, которые отразились в письме, адресованном им одному из своих товарищей по оружию.

Это письмо до недавнего времени оставалось неизвестным. Оно было опубликовано впервые в «Нашем деле» в 1939 г. Вот его текст:

«Петроград, 27.XI.1917 г.

Мой дорогой Н. Н.!

Не удивляйся, что я пишу Вам, а не кому-нибудь из людей более близких. В теперешний момент «дружба» стала вещью более серьезной, чем та, которую мы знали в окопах или кавалерийских атаках... Вот что я хочу сказать Вам — очень коротко и, выражая Вам заранее свою благодарность, если Вы захотите сберечь это письмо. Это искреннее объяснение со стороны человека, который готовит совершить «прыжок в неизвестность». Троцкий только что предложил мне, в Смольном, отправиться в Брест консультантом при большевистской

делегации, чтобы давать «советы» во время переговоров о перемирии, а затем и о мире. Поручение это глубоко мне противно. Я знаю, что речь идет просто об отвратительной комедии. «Перемирие» уже заключено: наши солдаты просто-напросто уходят с фронта, убивая собственных офицеров и грабя, и продают свои ружья и даже пушки немцам за бутылку рома или коробку сигар. Мир, он тоже будет продиктован немцами, то есть немцы диктуют, а большевики только исполняют задание... Я был осведомлен об этом по данным нашей разведки и разведок французской и английской. Таким образом, я знаю, куда я иду и с кем я иду. Но я задаю себе вопрос: если я откажусь, тот, кто заменит меня, будет ли он, по крайней мере, иметь достаточно мужества, чтобы не прикрыть измену подписью русского офицера? У меня этого мужества найдется. Даю Вам слово, что это так. С другой стороны, в Смольном, по-видимому, не все и не совсем единодушны. После моего разговора с Троцким, у меня создалось впечатление, что он хотел бы «надуть» немцев, «тянуть» и попытаться не «подписать». Но Ленин и его присные — Зиновьев, Подвойский, Сталин, Крыленко и прочие, за мир во что бы то ни стало, чтобы избежать риска быть выгнанными самими же немцами оттуда, куда их немцы посадили. Я даже задаю себе вопрос: почему это Ленин поручил переговоры Троцкому? Но впрочем, все это сейчас уже сравнительно лишь очень маловажно... Существенно то, что я еду в Брест. Бог знает, возвращусь ли я. Не судите меня слишком строго. Уверяю Вас, что я еду туда лишь потому, что хочу еще, если это еще возможно, послужить России.

Ваш В.Скалон»

РЫЦАРЬ СЧАСТЬЯ

Имя поэта Николая Гумилева с давних пор овеяно легендой, воспринимаемой особенно остро в связи с многолетним «вето», наложенным на его произведения и на саму память о нем. Лишь только в 1986 г. был, наконец, снят этот запрет.

Так своеобразно было отмечено столетие со дня рождения одного из видных славянских поэтов. Хотя уже выпущено несколько его сборников, но, ввиду ограниченности их тиражей, стихи и проза Николая Гумилева все еще остаются практически недоступными широкому читателю. Да и сведения о нем все еще обрывочны и скудны, особенно об обстоятельствах гибели поэта. Поэтому для многих образ Николая Гумилева по-прежнему окутан дымкой загадочности.

Николай Степанович Гумилев родился 3(15) апреля 1886 г. в Кронштадте, в семье военного флотского врача — потомственного дворянина Рязанской губернии. Появление на свет будущего знаменитого поэта примечательно двумя обстоятельствами. Родился он в беспокойную весеннюю ночь, в связи, с чем старая нянька предсказала: «У Колечки будет бурная жизнь». После рождения первенца, Дмитрия, Анна Ивановна Гумилева мечтала о девочке. Даже приданое для малютки приготовила в розовых тонах. Но ее мечте не суждено было сбыться — родился вновь мальчик, которого назвали Николаем.

Рос он тихим, задумчивым, скрытным ребенком, упорно избегавшим общества сверстников. Рано проникся религиозным чувством, до конца своих дней оставшись верующим человеком.

Детские годы поэта прошли главным образом в Царском Селе. Лишь некоторое время семья пробыла в Тифлисе, да летом выезжала в имение «Березки» Рязанской губернии, купленное Степаном Яковлевичем Гумилевым с тем, чтобы дети в каникулярное время могли вдоволь насладиться природой, набирая сил и здоровья.

Учился Николай неважно, имея пятерки лишь по русскому языку. В седьмом классе пробыл два года. Неоднократно менял гимназии. Последней была Царскосельская классическая гимназия, которой руководил известный поэт Иннокентий Федорович Анненский. Тот вскоре заметил литературное дарование Гумилева и очень помог ему на ранней стадии становления как поэта.

В 1909 г. впервые увидела Николая Степановича его будущая невестка — жена старшего брата Дмитрия, Анна Андреевна Гумилева, впоследствии написавшая подробные воспоминания о жизненном и творческом пути поэта.

«Вышел ко мне молодой человек 22-х лет, — вспоминает А. А. Гумилева, — высокий, худощавый, очень гибкий, приветливый, с крупными чертами лица, с большими светло-синими, немного косившими глазами, с продолговатым овалом лица, с красивыми шатеновыми гладко причесанными волосами, с чуть-чуть иронической улыбкой, необыкновенно тонкими красивыми белыми руками. Походка у него была мягкая, и корпус он держал чуть согнувши вперед. Одет он был элегантно».

На формировании Гумилева, как личности и как поэта, благотворно сказались годы детства и юности. Уже сами места проживания — Кронштадт, Царское Село — были овеяны романтикой и поэзией. Правда, это была уже завершающая пора поэтической славы Царского Села. Недаром своего гимназического наставника Иннокентия Анненского Гумилев назовет позднее «последним из царскосельских лебедей».

Рассказы отца, корабельного врача, о морских походах и, связанных с этим всякого рода происшествиях, не могли не сказаться на романтических устремлениях юного поэта, мечтавшего о дальних странах.

Добрая, чуткая, начитанная мать, дав сыну хорошее воспитание, привив ему присущую ей самой уравновешенность, жизнелюбивость, умение сохранять достоинство в любых ситуациях, приобщила его к литературе и истории. Гумилев с восьмилетнего возраста стал писать рассказы и стихи.

Гимназическое обучение Гумилев закончил довольно поздно — в 20-ти летнем возрасте. И в том же 1906 г. уехал в Париж продолжать образование. Но и вузовская учеба не была удачной: недолгий курс лекций в Сорбонне, затем — в Петербургском университете. Сначала — на юридическом факультете, затем — на историко-филологическом.

В это время Гумилева все активнее увлекает литературная деятельность. В Париже он издает журнал «Сириус», в котором активно сотрудничает его будущая жена Анна Горенко, позже прославившая русскую поэзию под

именем Анны Ахматовой. Правда, удалось выпустить лишь три тоненьких номера журнала.

Парижский период отмечен еще несколькими обстоятельствами. Здесь в 1908 г. была издана вторая книга стихов Гумилева — «Романтические цветы». Это была уже более зрелая, но все же пока еще ученическая книга. Но в Гумилеве окрепла уверенность в своем даровании. Он почувствовал себя пусть и начинающим, но мэтром.

Еще одним странным и малообъяснимым событием отмечено пребывание Гумилева в Париже — он пытался покончить жизнь самоубийством. Особенно показательным в этом отношении поведение Гумилева на дуэли с его бывшим другом, тоже известным поэтом Максимилианом Волошиным — спустя всего год после попытки самоубийства.

Ссора произошла из-за ложного обвинения Николая Степановича, которое он из гордости не стал отрицать, и последовавшего затем оскорбительного выпада М. Волошина, поддавшегося мистификации. В многолюдной художественной мастерской Мариинского театра, в присутствии ряда знаменитостей, среди которых были Ф. И. Шаляпин, А. А. Блок, А. Н. Толстой, И. Ф. Анненский, Волошин подошел к Гумилеву и дал ему пощечину, и тот вызвал его на дуэль.

Дуэль состоялась возле печально знаменитой Черной речки. Уже первое желание Гумилева — стреляться в пяти шагах до смерти одного из противников было невероятно рискованным. С большим трудом секундантам удалось уговорить его стреляться на пятнадцати шагах. И когда после промаха Гумилева (не попал или не хотел попасть?), у Волошина случилась осечка, Гумилев настоял на втором выстреле противника. И после новой осечки Волошина потребовал третьего выстрела. Лишь отказ секундантов, возможно, спас поэта от рокового исхода.

Особенно проявился характер Гумилева в период мировой войны. В первый же месяц начала боевых действий он добровольцем поступает в уланский полк (хотя прежде по состоянию здоровья был освобожден от службы даже в мирное время!), избрав одну из самых рискованных воинских профессий — конного разведчика.

Принимал непосредственное участие в боевых действиях на территории Беларуси. И, наверное, не было ни одного опасного поиска, в который он бы не вызвался пойти. За личное мужество и боевое отличие Гумилева вскоре награждают сначала одним, а спустя некоторое время — вторым Георгиевским крестом.

Неуемная натура Гумилева сказывалась во всем: в творчестве, в личной жизни, во взаимоотношениях с друзьями и знакомыми. И во все он стремился привнести что-то новое, необычное, увлекаясь сам и увлекая окружающих. А в трудные, порой опасные минуты, когда требовалось проявить выдержку и мужество, Гумилев, сохраняя самообладание, помогал и другим не поддаваться отчаянию и выстоять.

«В Гумилеве жил редкий дар восторга и пафоса, — писал Немирович-Данченко. — Он не только читателя, но и слушателя в длинные и скучные

сумерки петербургской зимы уносил в головокружительную высь чарующей сказки».

Многие отмечают необычайно уютную, радушную атмосферу, в которой жили Гумилевы в предвоенные годы. Душой большой семьи была мать поэта — Анна Ивановна. Вместе с ней жили Николай Степанович с женой Анной Андреевной (Ахматовой) и маленьким сыном Львом, старший брат Дмитрий с женой, падчерица с сыном.

Дом охотно посещали и известные литераторы (Блок, Городецкий, Анненский, Вяч, Иванов), и молодые поэты, и просто знакомые. Хозяева были рады гостям. Нередко по инициативе Николая Степановича устраивались литературные вечера.

Однако неутомимость Гумилева не дает ему покоя. Он едет сначала в Италию, затем, дважды, в Африку, где забирается в самые труднодоступные места, охотится вместе с туземцами на слонов, на леопардов. А в одну поездку берет с собой семнадцатилетнего племянника, чем доставляет много волнений близким.

Некоторым знакомым вступление Гумилева в армию и поведение его на фронте казалось ребячеством, своего рода игрой, которая была присуща ему во всем. Отсюда, дескать, та легкость, с какой он переносит испытания, опасность быть раненым или убитым.

Но это только внешне выглядело непринужденно, даже иногда по-ребячески шаловливо. Вот, например, отрывок из фронтового письма Гумилева: *«Мы на новом фронте. Были в резерве, но дня четыре тому назад перед нами потеснили армейскую дивизию, и мы пошли поправлять дело. Вчера с этим покончили, кое-где выбили неприятеля и теперь опять отошли валяться на сене и есть вишни...».*

И в самом деле, как вроде бы просто. Если не вдуматься в эти только с виду незатейливые выражения: «пошли поправлять дело», «вчера с этим покончили», «кое-где выбили неприятеля». И при этом еще вспоминать, что Гумилев в атаках непременно шел впереди.

Послевоенный период творчества Гумилева, вплоть до гибели, специалисты единодушно характеризуют как время наивысшего расцвета его литературного таланта.

Вслед за «Колчаном» выходят сборники «Костер», «Шатер», подготовлен сборник «Огненный столп», выпуск которого совпал с гибелью поэта. Гумилев в эти годы, поправив и дополнив, переиздает ранние книги своих стихов «Романтические цветы» и «Жемчуга», много публикуется в периодической печати, работает в издательстве «Всемирная литература», читает лекции, руководит воссозданным «Цехом поэтов», переводческой студией, занимается с молодыми поэтами из студии «Звучащая раковина». В феврале 1921 г. его избирают руководителем Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов.

Надо сказать, что в послевоенное время произошли серьезные изменения в его личной жизни. В 1918 г. Гумилев развелся с Анной Андреевной Ахматовой

и через год женился на Анне Николаевне Энгельгард, дочери литератора. От этого брака в 1920 г. родилась дочь Елена.

3 августа 1921 г. Гумилев был арестован сотрудниками ЧК, а 25 августа (по мнению некоторых мемуаристов — 29 августа) расстрелян. Точная дата смерти неизвестна, но по постановлению Петроградской Губчека о расстреле 61 человека за участие в так называемом «Таганцевском заговоре» датировано 24 августа 1921 г. По словам А. А. Ахматовой, записанным Л. К. Чуковской, казнь произошла близ Бернгардовки под Петроградом.

1 сентября 1921 г. в газете «Петроградская правда» был опубликован поименный перечень расстрелянных с указанием вины каждого. Тридцатым в списке значился: *«Гумилев Николай Степанович, 33 года (на самом деле ему было в то время 35 лет), бывший дворянин, филолог, поэт, член коллегии «Издательства Всемирной литературы», беспартийный, бывший офицер. Участник Петроградской боевой организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности».*

С тех пор много сказано и написано о том, был ли Гумилев на самом деле заговорщиком. Да и был ли вообще какой-либо заговор?

Вся вина Гумилева сводится к тому, что он не донес о существовании контрреволюционной организации, в которую не вступил. Таким образом, как следует из материала пересмотра дела, «Гумилев не может признаваться виновным в преступлении, которое не было подтверждено материалами того уголовного дела, по которому он был осужден».

Существует версия, что Г. Зиновьев сыграл роковую роль в судьбе Гумилева, даже вопреки защитительному воздействию Ленина, к которому с ходатайством о помиловании Гумилева обратился А. М. Горький.

Зададимся вопросом: нуждается ли Гумилев в том, чтобы ему возвращали «честное» имя?

А теперь взглянем с той же меркой на тех, с кем вместе принял смерть поэт в тот трагический день августа 1921 г.

Список расстрелянных возглавил молодой профессор-географ В. Н. Таганцев. Среди казненных 16 женщин в возрасте от двадцати до шестидесяти лет (две сестры милосердия, две студентки, четыре проходили как сообщницы в делах мужей), группа моряков, бывших офицеров, интеллигентов как, например, профессор-юрист, проректор Петроградского университета И. М. Лазаревский; крупный химик-технолог, сделавший значительное открытие, имевший заслуги перед русским революционным движением (входил в группу «Освобождение труда»), профессор М. М. Тихвинский — друг академика В. И. Вернадского, который пытался защитить ученого в высоких инстанциях, но тщетно.

Несколько слов о последних днях жизни Гумилева. Когда Николая Степановича арестовали ночью 3-го августа, поэт взял с собой в камеру самое необходимое и дорогое: «Одиссею» и Библию. С Гомером в походном ранце он

отстаивал интересы Родины на германском фронте, с ним же принял смерть от соотечественников.

А вот текст последней записки из тюрьмы, адресованной жене: *«Не беспокойся обо мне, я чувствую себя хорошо; читаю Гомера и пишу стихи»*. Как всегда спокойный, мужественный тон. И даже в камере Гумилев представлялся мысленному взору друзей все таким же жизнелюбивым, не теряющим самообладания, устремленным в будущее.

В одном из предсмертных своих стихотворений поэт провозгласил себя «Рыцарем счастья»:

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко,
Я каждого счастливым сделать волен.
А если все-таки он не поймет,
Мою прекрасную не примет веру
И будет жаловаться в свой черед
На мировую скорбь, на боль — к барьеру!

«Рыцарем счастья», открытым добру и красоте и умеющим постоять за них, Поэтом-Гражданином навсегда вошел в славянскую и мировую литературу Николай Степанович Гумилев.

«КРАСНАЯ КРОВЬ»

Каплан. При упоминании этой фамилии, вспоминается сцена из кинофильма тридцатых годов. Страшная, оскаленная женщина, вся в черном, с растрепанными волосами, схваченная за руки негодующими рабочими. А у ее ног, на брусчатке, — Ленин, истекающий кровью, но произносящий властно и твердо: *«Спокойствие, товарищи! Держитесь организованно!»* В 40–50 гг. имя Каплан было синонимом борьбы с космополитизмом; в 60–70 гг. — персонажем анекдотов про Ильича, в последнее десятилетие — это одна из самых привлекательных фигур «проклятого прошлого».

Фальшивый паспорт

На допросе у наркома юстиции Д. И. Курского вечером 30 августа 1918 г. наша героиня показала: *«Я, Фанни Ефимовна Каплан, жила до 16 лет по фамилии Ройдман. Родилась в Волынской губернии, уезда не помню. Отец мой был еврейский учитель. Теперь вся моя семья уехала в Америку»*. Той же ночью, давая показания заместителю председателя ВЧК Я. Петерсу, Каплан сообщила, что *«под этой фамилией жила с 1906 г.»*.

В подавляющем большинстве источников и статей она именуется либо Каплан, либо Ройдман (иногда фамилия сокращается до Ройд). В очень редкой книге — сборнике «На женской каторге», выпущенном под редакцией Веры Фигнер в 1930 г., помещен небольшой некролог, в котором зафиксировано: «Ройтблат-Каплан Фейга Хаимовна (по статейному списку Нерчинской каторги, а из письма ее отца видно, что его звали Файвель) родилась в 1888 г.,

еврейка, по профессии белошвейка, образование домашнее. Арестована в Киеве как анархистка-коммунистка при взрыве бомб, которые она перевозила. Приговорена в Киеве военно-полевым судом 30 декабря 1906 г. к бессрочной каторге. Каторгу отбывала в Мальцевской и Акатуйской тюрьмах. В тюрьме лишилась зрения. Позднее, под действием электризации зрение частично возвратилось. По царскому манифесту 1913 г. срок каторги сокращен до 20 лет. Освобождена Февральской революцией 1917 г. Расстреляна в сентябре 1918 г. за покушение на В. И. Ленина».

Итак, наиболее вероятной фамилией Фанни-Фейги Ефимовны-Файвелевны следует считать Ройтблат. Подлинность этой фамилии можно проверить лишь при помощи метрической записи. Но для этого требуется установить точное время и место ее рождения. Увы, по документам Департамента полиции этого сделать нельзя.

Среди материалов дела Особого отдела Департамента «Анархисты. По Киевской губ.» Есть рапорт киевского губернатора П. Г. Курлова от 23 декабря 1906 г.: *«Киевский полицмейстер донес мне, что 22 сего Декабря, в 7 часов вечера, по Волошской улице на Подоле, в доме № 9, в одном из номеров 1-й купеческой гостиницы произошел сильный взрыв. Из номера выскочили мужчина и женщина и бросились на улицу, но здесь женщина была задержана собравшейся публикой и городовым Плосского участка Брагинским, а мужчина скрылся. При обыске у задержанной женщины найден револьвер, «браунинг», заряженный 8-ю боевыми патронами, паспорт на имя Фейги Хаимовны Каплан, девицы, 19 лет, модистки, выданный Речицким Городским Старостой Минской губернии 16 сентября 1906 г. за № 190, а также чистый бланк паспортной книжки, обложка которого испачкана свежей кровью...»*

Судя по всему, паспорт, с которым террористка приехала в Киев и поселилась в гостинице, был фальшивым. Не исключено, что он был одолжен Ройтблат у эсерки Фани Каплан — реальной фигуры, проходившей по одному из дел Минского губернского жандармского управления в 1907 г.

«Нехорошая квартира» и «Крымская обитель»

3 марта 1917 г. начальник Акатуевской тюрьмы сообщил политкаторжанкам о распоряжении нового министра юстиции А. Ф. Керенского освободить из-под стражи бессрочниц Биценко, Измайлович, Спиридонову, Терентьеву, Ройтблат и нескольких долгосрочниц. Они уезжали в арестантских халатах (другой одежды не было) на пяти тройках, увозя с собой книги и личные вещи. Перед самым отъездом сходили поклониться могиле декабриста Лунина. Почти повсюду на пути до Читы их каторжный караван встречали ликующие толпы народа.

Дом № 10 по Большой Садовой хорошо знаком москвичам-старожилам как «дом Пигит», нашим современникам — как «дом Булгакова». Построил его владелец табачной фабрики «Дукат», занимавший в доме, носящем его имя, бельэтаж. Здесь снимали студии художники П. Кончаловский и Г. Якулов. Здесь произошло знакомство Сергея Есенина с Айседорой Дункан. Зимой 1922–1923 гг. в доме поселился Михаил Булгаков. Именно здесь, в квартире № 5, у своей подруги по каторге, родственницы домовладельца, в апреле 1917 г. остановилась наша героиня.

Из первопрестольной она отправилась подлечиться и отдохнуть на юг, в Дом каторжан в Евпатории. Над ним шефствовали местные организации социалистических партий. Иногда обитатели Дома каторжан посещали рабочие митинги и собрания, присутствовали на заседаниях местного Совета. Летом 1917 г. «Крымскую обитель» залихорадило от противоречивых известий о событиях в Петрограде. Ф. Ройтблат была одной из немногих, кто безоговорочно поддерживал политику Временного правительства.

В жизнеописании близкой знакомой Каплан Фаины Стаевской, составленном ее мужем Виктором Еремеевичем Баранченко (1892–1980), до революции — анархистом, с 1918 г. — коммунистом, членом коллегии Крымской ЧК, а затем «красным директором» сказано: *«Большеглазая, пышно причесанная, она мало похожа была на общеизвестный тип нигилистки. Ее можно было принимать за раздобревшую акушерку, фельдшерницу... Нечего греха таить, во многих случаях дружбы перерастали тут, в знойной Евпатории, в нечто большее. От некоторых старых политкаторжан беременели молодые мартовские социалистки... Иные из таких связей вскоре проходили, а другие перерастали в прочные узы на всю жизнь. Был тут роман такой и у подслеповатой Ройтблат». Имя ее избранника в тексте не сообщено, однако легко угадывается.*

Помимо мемуаров сохранился еще один рассказ Баранченко в литературной записи Семена Резника, который работал в 1960 гг. редактором серии «Жизнь замечательных людей»: *«Дмитрий Ильич был выпивоха и весельчак. Баранченко не раз помогал ему выбираться из винных погребков, в которых Дмитрий Ильич так накачивался крымским вином, что выбраться оттуда без посторонней помощи ему удавалось далеко не всегда. Дмитрий Ильич любил ухаживать за хорошенькими женщинами. Особое внимание он оказывал Фанни Каплан, которая была очень красива и пользовалась успехом у мужчин».*

Именно военварч Дмитрий Ильич Ульянов, младший брат Ленина, рекомендовал Каплан поехать в Харьков к известному офтальмологу Л. А. Гиршману, о котором шла молва, как о настоящем чудеснике. А. Ф. Кони, к примеру, писал, что, *«наряду с блестящим офтальмологическим диагнозом и продуманным прогнозом, у Гиршмана шло участливое, почти нежное отношение к душе пациента...»* Есть свидетельства того, что Гиршман был почитателем Зигмунда Фрейда.

Что творилось с душой Фейги в Харькове — загадка. Но загадка разрешимая.

Ее «символ веры»

Известие об октябрьском перевороте Каплан восприняла отрицательно. Но особенно потрясли ее воображение кровавые расправы с офицерами и «буржуями» («Варфоломеевская ночь» в Севастополе и другие) зимой 1918 г. Не мог не возмутить ее и разгон «Учредилки».

Замечательный разговор произошел в феврале 1922 г. между членом ЦК партии эсеров Д. Д. Донским и левой эсеркой Бертой Бабиной в Бутырской тюрьме:

« — Скажите мне, как могло случиться, что эсерка Фанни Каплан по заданию ЦК пошла убивать Ленина?

— Вы так уверены, что Каплан была эсеркой?

— Но ведь об этом писали и пишут все газеты, и наши, и зарубежные. И говорят на каждом перекрестке!

— Так вот, милочка, прежде всего установим: никогда Фанни Каплан не была членом нашей партии. Ни на каторге, ни позднее ее среди нас не было, и вообще, почти никто, кроме каторжан-акатуйцев, ее не знал. Это первое обстоятельство. Теперь второе. Она действительно приходила к нам, и именно ко мне лично, с предложением послать ее убить Ленина. Помню, хлопнул я ее по плечу и сказал ей: «Пойди-ка prospись, милая! Он — не Марат, а ты — не Шарлотта Корде. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет — выкинь это все из головы и никому больше о том не рассказывай!» Ну, потом, как вам известно, она, к великому несчастью, все же привела свой безумный план в исполнение и тем немало нам навредила! Как? Очень просто! Собрала юнцов, таких же психопатов, как сама! Оружие, как вы знаете, добыть в то время было проще простого. А свалили все это на нас — так легче расправляться с теми, кто не угоден. Как видите, сидим вот».

Наиболее вероятен факт возникновения самостоятельной группы во главе с Ф. Каплан и Владимиром Рудзиевским, бывшим до революции помощником делопроизводителя Московской Ссудной казны (казенного ломбарда). Из других участников заговора известны имена эсера П. Пелевина, который отдыхал вместе с Ройтблат в Евпатории, и эсерствующий же певицы Маруси (фамилия не выяснена). Вскоре на их горизонте появился известный авантюрист Григорий Семенов, колоритно описанный Виктором Шкловским в его «Сентиментальном путешествии».

Именно он снабдил группу Рудзиевского оружием и свел Каплан с Донским.

О самом покушении написано столько, что ничего нового тут, пожалуй, и не скажешь. Наиболее убедительными представляются выводы, сделанные в 1989 г. американским исследователем Семеном Ляндресом: «Кто бы ни покушался на Ленина 30 августа 1918 г., невозможно идентифицировать личность покушавшегося либо какую-либо группу, которая могла стоять за этим актом... Невозможно также определить, была ли Каплан заговорщицей или случайно оказалась тем вечером на заводе Михельсона в момент покушения... Заговорщики могли послать ее на фабричный двор... не стрелять в Ленина, а в качестве своеобразного «пушечного мяса», отводящего опасность от истинных убийц. Воспитанная на русской революционной традиции, в которой высшим свидетельством долга и преданности была готовность самопожертвования, Ф. Каплан (подобно многим до нее) «стала не террористом-убийцей, а жертвой самой себя».

Эхо

Свою речь на митинге 30 августа Ленин заключил энергичной фразой: «У нас один выход: победа или смерть!». Спустя несколько минут на заводском дворе прозвучали выстрелы.

Задумаемся над главным вопросом, встающим перед каждым историком в связи с покушением на Ленина, а появилось бы на свет печально известное постановление СНК «О красном терроре», не будь выстрелов на дворе завода Михельсона?

К этому моменту уже пролилась кровь Урицкого. Ранее в Петрограде был убит Володарский. 28 августа 1918 г. на заседании Петросовета было объявлено о сорвавшемся покушении на Зиновьева. Центральные газеты конца августа — начала октября пестрят сообщениями о всевозможных заговорах. Атмосфера нарастающей истерии в качестве прелюдии к началу «якобинского» периода революции — налицо.

Другое дело, что роковые выстрелы в Ленина и прямое отношение к ним женщины по фамилии Ройтблат (что в переводе означает «Красная кровь») носят прямо-таки мифическое значение. Можно, конечно, строить версии о некой мистификации, но жизнь увлекательнее самой невероятной выдумки.

С легкой руки итальянской социалистки Анжелики Балабановой была пущена в ход версия о том, что Каплан не была расстреляна. Балабанова ссылаясь на слова Ленина, сказанные ей после 30 сентября 1918 г. (когда она приехала из Стокгольма): *«Центральный Комитет решит, что делать с этой Каплан...»*. Впоследствии «утка» Балабановой вовсю летала по политизоляторам и тюрьмам. Многие слышали о том, что кто-то, дескать, видел Каплан там-то и там-то.

Этой легендой заинтересовался даже заместитель наркома внутренних дел Фриновский. Ответы из запрошенных им тюрем пришли, разумеется, отрицательные. Вместе с тем, и в 1937 г., и позже шла настоящая «охота на Капланов». В одной из депеш в МГБ СССР докладывали: *«Обнаружена Каплан Фаня Львовна с мужем Капланом Владимиром Ароновичем и дочерью Каплан Марианной Владимировной. Сообщили осведомитель Ася и источник Мышкина»*. Кто знает, скольким людям стоила жизни их фамилия. Неизвестно, правда, попали ли в сети НКВД настоящие родственники Фейги Ройтблат.

На сегодняшний день есть три версии ее ухода из жизни.

Первая изложена в «Записках коменданта московского Кремля» П. Малькова.

Вторая обнаружена историком С. Шумихиным в одной из записных книжек В. А. Кадашева-Амфитеатрова: *«Оказывается, она все время в камере молчала, лежала на койке, повернувшись носом к стенке, и не произносила ни одного слова. Расстрел ее был обставлен великой торжественностью: вдруг распахнулись двери и на пороге появились латыши, волочившие за собой гроыхавший пулемет... На их возглас Каплан встала и молча, не глядя на сидевших вместе с нею женщин, закуталась в большую черную шаль и пошла вслед за латышами...»*.

И, наконец, третья версия — мемуары одного из латышских стрелков: *«Я видел, как это было... Идет Павлик с пистолетом. Рядом женщина, молодая. Черные волосы, красивая, глаза немного выпуклые. Еврейки, когда они молодые, очень красивые бывают... Что-то говорила, но не умоляла, нет. Я думаю, она знала, куда он ее ведет. Мальков загнал ее в ворота, такие неживые, немые ворота были, они только с одной стороны выглядели, как*

ворота. Специального места для расстрела в Кремле не было. Он выстрелил раза два... Я думаю, Мальков расстрелял ее сам, без суда, а документы потом оформил. Он ее получил, должен был, наверное, отвезти куда-то, а вместо этого расстрелял... Было это, чтоб не соврать, летом. После обеда...».

Так (или почти так) оборвалась земная жизнь той, которая вошла в историю под именем «Красная кровь».

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Эти люди всегда были для нас контрреволюцией, «белогвардейщиной», «царским офицерьем». Мы редко видели в них людей, наших соотечественников, окончивших свою жизнь где-нибудь с простреленной головой во время «ледового похода» на Кубани или в ночлежках Константинополя, Белграда, Харбина или Шанхая. Остатки россиян, вставших после революции под белые знамена, как символ «законного порядка», покоятся ныне не только на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, но и разбросаны по всему свету.

Генерал Антон Иванович Деникин вошел с историей XX века как один из крупнейших полководцев царской русской армии. Тем не менее, Деникин и сейчас остается для некоторых «классовым врагом», защитником того прошлого, которое с оружием в руках низвергали большевики и с которым вела кровопролитные битвы Красная Армия.

Пленник Быховской тюрьмы

Он родился 4 декабря 1872 г. в семье крестьянина, бывшего крепостного, отданного в рекруты (отец его дослужился до воинского звания и в отставку вышел майором). Закончив Киевское пехотное юнкерское училище и Академию Генерального штаба, Деникин участвовал в русско-японской войне, где проявил отвагу и храбрость.

В начале первой мировой войны Антон Иванович, получивший звание генерала, возглавил знаменитую «Железную бригаду», которая одержала под его командованием ряд блистательных побед. После февральской революции Временное правительство назначило Деникина начальником штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева, а затем главнокомандующим армиями Западного фронта.

Антон Иванович Деникин, ставший 31 марта 1918 г. командующим Добровольческой армией, а в декабре — главнокомандующим вооруженными силами юга России, был образован, воспитан в традициях русского офицерства, почитавшего все ценности корпоративной воинской этики, хотя и был потомком крепостного.

До первой мировой войны его служба не была отмечена взлетом карьеры. Командиром полка Деникин стал в 1910 г., почти в 40 лет. На германском фронте он храбро воевал, командовал последовательно бригадой, дивизией, армейским корпусом. Там близко познакомился с генералом Корниловым, что оказало немалое влияние на характер его взглядов с началом революции.

Февральскую революцию и последовавшие за ней события Деникин встретил враждебно, через призму «пришедшего хаоса», ворвавшегося не только в общество, но и в армию. Вскоре Деникин становится командующим разваливающимся Западным фронтом.

Крах корниловского заговора обернулся арестом и Деникина. В своих мемуарах генерал-лейтенант вспоминает, как он не раз был перед угрозой самосуда солдатской толпы. Особенно красочно описание перевода арестованных из Бердичевской в Быховскую тюрьму.

Нас, вспоминал Деникин, вели «среди живого человеческого моря» бушующей толпы. *«Надвигалась ночь. И в ее жуткой тьме, прорезываемой иногда лучами прожекторов с броневика, двигалась обезумевшая толпа, она росла и катилась, как горящая лавина. Воздух наполняли оглушительный рев, истерические крики, ругательства».* Все чувствуют, что бесовство революции молится только насилию.

Группу генералов, в числе которых был и Деникин, разместили в здании бывшей женской гимназии в Быхове, что около Могилева. Охраной ведал подполковник Эрхард, который позволял заключенным свободно общаться между собой. Сразу же образовался тесный кружок генералов, которым предстояло сыграть видную роль в белом движении, в составе Деникина, Лукомского, Маркова, Корнилова, Романовского. Все их разговоры вращались вокруг одной темы: как спасти Россию.

С 1919 г. Деникин во главе вооруженных сил юга России. Под его командованием войска, захватив Кубань, начали знаменитый поход на Москву. Но они дошли лишь до Орла. Красная Армия вскоре перешла в контрнаступление, и к весне 1920 г. вооруженные силы юга России были полностью разгромлены.

После провала похода на Москву во главе вооруженных сил юга России, отступления и серии поражений, Деникин, по его словам, «разбитый нравственно», 22 марта 1920 г. сдал командование генералу Врангелю. Вечером того же дня на борту английского миноносца, вышедшего из новороссийского порта, он навсегда покидал Россию. *«Когда мы вышли в море, — вспоминал впоследствии А. И. Деникин, — была уже ночь. Только яркие огни, усеявшие густо тьму, обозначали еще берег покидаемой русской земли. Тускнеют и гаснут. Россия, родина моя...»*

«Я не убил ни одного большевика»

В Константинополе в русском посольстве, которое превратилось в убежище для беженцев, генерала ждала его семья — жена Ксения и дочь Марина, которой исполнился всего год. В этом городе судьба уготовила Деникину еще одно испытание — русским офицером, членом ультраправой организации, был убит его ближайший соратник генерал Романовский.

Константинополь семья Деникина покидала вместе с детьми генерала Корнилова на британском дредноуте «Мальборо». В Лондоне генерала Деникина встречали со всеми подобающими его званию почестями и поселили в дорогом отеле «Кадоган». Но он располагал всего 20 фунтами стерлингов и не мог оставаться в дорогих апартаментах. Узнав об этом, британский военный

министр Уинстон Черчилль вызвал русского консула в Лондоне и предложил через него генералу помощь. Деникин с возмущением отказался от «милостыни», заявив, что он заработает себе на жизнь пером — будет писать мемуары.

Деникины покинули отель «Кадоган», найдя себе скромный дом в местечке Эвенсей-бей в графстве Сассекс, который пришлось оплачивать, распродавая оставшиеся драгоценности.

Британские политические деятели пытались убедить А. И. Деникина встать во главе русского правительства в изгнании, но безуспешно. Однажды генерала пригласил к себе на обед У. Черчилль. Вспоминали Россию, борьбу белой армии и вновь и вновь возвращались к причинам ее поражений. После обеда 10-летний сын министра Рэндольф поинтересовался у русского генерала, скольких большевиков он убил своими руками. «*Моиими руками? Ни одного*», — ответил Деникин к большому разочарованию Рэндольфа.

В июле 1920 г. генерал заключил контракт с парижским издателем Паволоцким на издание своих мемуаров. Надо было срочно начинать работать, но жизнь в Англии была слишком дорогой. Деникины начали подумывать о переезде в Бельгию. Отъезд был ускорен начавшимися переговорами британского премьер-министра Ллойд-Джорджа с советским послом Красиным о нормализации торгово-экономических отношений Англии и Советской России.

Деникин весьма наивно полагал, что его демонстративный отъезд из туманного Альбиона обратит на себя внимание общественности и помешает Ллойд-Джорджу заключить торговый договор с Москвой. Надежды оказались тщетными, и в марте 1921 г. такое соглашение было подписано. А четыре года спустя Великобритания и Советская Россия установили дипломатические отношения.

Затем начались долгие скитания по Европе. Опустим их описание и проследим последние годы жизни этого человека.

В немецкой оккупации

Как только немецкие войска после оказались на подступах к Парижу, Деникины на такси русского полковника Глотова отправились на юг в местечко Мимизан неподалеку от Бордо. Там они прожили пять долгих лет немецкой оккупации, которые оказались самыми трудными в их жизни.

Чтобы поддержать генерала, оставшегося практически без средств к существованию, бывшие офицеры русской армии: генерал Писарев, полковники Колпышев, Готов, Чижов, капитан Латкин в складчину покупали продукты и отправляли их в Мимизан. Не желая обидеть гордого Антона Ивановича, в качестве отправителя они указывали его дочь Марину, которая уже вышла замуж и жила в Париже.

Каждую неделю Деникиным наносил «визит» немецкий офицер из местной комендатуры, чтобы удостовериться, не покинули ли они Мимизан. Время от времени фашисты устраивали обыски в доме, пытаясь найти «подрывную литературу». Однажды к ним пожаловал гитлеровский генерал,

командовавший воинской частью, размещенной в районе Биарица, в сопровождении штабных офицеров и переводчика.

Генерал сообщил, что архивы Антона Ивановича перевезены в Берлин, и предложил ему самому отправиться в столицу, чтобы иметь возможность с ними работать. На это предложение он ответил категорическим отказом.

«На этом закончились мои отношения с оккупантами», — вспоминал Деникин.

В том же Мимизане старого русского генерала ждала удивительная встреча, которая взволновала его необычайно. В октябре 1943 г. в городке оказался отряд одетых в немецкую форму бывших красных бойцов, попавших в плен. Уговорами и угрозами фашисты сколотили из них отряды «добровольцев», один из которых был направлен из Германии на юг Франции.

Этим русским солдатам и офицерам, вспоминал Деникин, было от 16 до 60 лет. В дом к Деникиным они приходили целыми группами, по двое и в одиночку. Мы обсуждали все, писал Антон Иванович, их жизнь «там», Красную Армию, войну их судьбы. И каждый непременно задавал русскому генералу главный вопрос: «Как вы думаете, сможем ли мы однажды вернуться в Россию?». Они не верили в возможность победы «великого рейха» и не скрывали своей ненависти к фашистам.

Русские бойцы в немецкой форме, вспоминал Деникин, у него дома рассматривали прикрепленную к стене большую карту военных действий, утыканную булавками. Генерал передвигал булавки каждый день по мере продвижения на запад Красной Армии.

Они гордились ее победами и одновременно боялись за свою судьбу. Генерал переживал за них, как за своих солдат, которые попали в безвыходную ситуацию. Те просили совета, искали утешения. Антон Иванович знал, что им, конечно, нельзя рассчитывать на снисхождение у себя на родине, но советовал сдаваться союзникам при любой возможности.

Три месяца находился русский отряд в Мимизане. *«Так странно судьба нас соединила тут, в глухой французской деревне. Два поколения, две России, — писала в дневнике Ксения Деникина, подробно рассказывавшая о возникшей с соотечественниками дружбе. — За эти три месяца, что мы живем с земляками, видясь почти ежедневно, мы так сжились, так привязались к некоторым из них, что разлука кажется тяжелой».*

На прощание Антон Иванович сказал им: *«Спасибо, русские люди. Вы явились для меня живым свидетельством того, во что я всегда верил, — жива русская душа. И в этом залог спасения России»...* На следующий день русский отряд ушел в неизвестном направлении.

«Мы громко кричали «до свидания», нам отвечали «прощайте», «пропала наша головушка», «будьте живы, русские люди», «не поминайте лихом», — писала в дневнике Ксения Деникина. — Все дальше и дальше раздавалось «соловей, соловей, пташечка». Прерываемая криком немецкой команды, звонко неслась русская песня над французскими лесами и постепенно замирала вдали. Куда ушли они — безродные, беззащитные в эту холодную ночь? И отчего такой острой жалостью болит сердце? Или маленькие русские

лошадки на смешных деревянных телегах увезли последний кусочек Родины, которую мы больше не увидим?».

Потом Деникин узнал, что все эти русские отряды, которым пришлось надеть ненавистную немецкую форму, без боя сдались отрядам союзников. Но генерал, по его словам, не мог представить себе, что потом англичане и американцы выдадут советским властям пленных, которых ждал дома либо расстрел, либо ГУЛАГ.

«Выслать Деникина из США!»

В течение всех пяти лет, проведенных в Мимизане, Антон Иванович продолжал писать, работал над автобиографической книгой «Моя жизнь». Он внимательно следил за настроениями в русской эмиграции, где некоторые связывали с Гитлером надежды на избавление России от большевизма. Деникин рассылал соотечественникам сделанные его женой переводы отрывков из книг и выступлений нацистов, в которых излагались подлинные цели третьего рейха в отношении русского народа.

Дважды в год Деникин обращался с посланием к своим бывшим товарищам по оружию. 15 ноября 1944 г. он писал, что в эмиграции русские с болью переживали поражение Красной Армии и радовались ее победам. И хотя война не окончена, подчеркивал Антон Иванович, мы от всего сердца желаем ее благополучного завершения, которое гарантировало бы независимость нашей страны от иностранных притязаний.

Вместе с тем, указывал генерал, положение внутри страны не изменилось. До тех пор, пока важнейшие свободы не будут восстановлены, до тех пор, пока трудящиеся находятся в порабощении и продолжается кровавая диктатура НКВД, мы должны сохранить верность идеям, провозглашенным основателями Добровольческой армии, и продолжать нащупывать наш путь в эмиграции, каким бы тяжелым он ни был.

Последний немецкий солдат покинул Мимизан 24 августа, но Деникины смогли вернуться в Париж лишь в мае 1945 г. Не было денег на переезд и на то, чтобы снять жилье. После долгих поисков дочери удалось найти квартиру на парижском бульваре Массена. Доставить Деникиных в столицу на своем грузовичке вызвался все тот же капитан Латкин, который пять лет назад отвез их в Мимизан.

Бывшие офицеры царской армии, видные деятели белого движения обосновались не только в Париже, но и за океаном. Деникина они звали перебраться в Соединенные Штаты, где ему и его семье обещали предоставить дом и помочь издать «Мою жизнь». Антон Иванович, опасавшийся, что во Франции после войны к власти придут коммунисты, после долгих сомнений решил-таки отправиться в путь.

В США левые и еврейские газеты выступили с нападками на генерала, называя его «организатором погромов, который сейчас обосновался в Соединенных Штатах, чтобы дискредитировать нашего советского союзника, объединить реакционные силы и готовить третью мировую войну».

По их призыву в Нью-Йорке состоялось несколько манифестаций с требованием немедленной высылки Деникина из США. Ну, а правые круги

эмиграции упрекали генерала в том, что он выбрал для первого интервью газету, редактор которой — еврей Вейнбаум, печатает которую еврей Шимкин, а интервью берет еврей Седых.

Чтобы заработать на жизнь, Антон Иванович, как и в Париже, решил выступать с лекциями и писать книги. В январе 1946 г. он прочитал в Нью-Йорке первую лекцию, сбор от которой передал русским эмигрантам-инвалидам, живущим во Франции. Летом того же года Деникин подписал соглашение с издательством «Э. П. Даттон» о публикации его книги «Моя жизнь» и нового труда, который он начал в Соединенных Штатах, — «Вторая мировая война, Россия и эмиграция».

Свою очередную статью он посвятил судьбам русских солдат, которым против своей воли пришлось служить в гитлеровской армии. Американские газеты отказались ее напечатать. Тогда Деникин обратился с письмом к генералу Эйзенхауэру, который командовал американскими войсками в Европе в годы второй мировой войны.

Он писал ему как «солдат солдату» и призывал, ссылаясь на военную этику и христианскую мораль, не выдавать бывших русских солдат, попавших в плен, советским властям. Он напоминал о праве на политическое убежище, о демократических традициях. Тщетно. Ответ Антону Ивановичу, подписанный начальником штаба Д. Эйзенхауэра генералом Томасом Хэнди, ограничивался ссылками на Ялтинские соглашения, которые предусматривали передачу бывших военнопленных советскому командованию.

«Я продолжаю, как и раньше, только сейчас больше, чем в прошлом, трудиться для защиты интересов России», — говорил Антон Иванович своей дочери.

Сил у него оставалось все меньше и меньше, но он продолжал работать над двумя книгами, выступал с лекциями, писал статьи. В последней из них, озаглавленной «В советском раю», Деникин безжалостно анализировал наши «успехи и завоевания» в политической, экономической и культурной сферах: *«Русский народ живет в порочном кругу насилия и страха. Страх разлит по всему лицу земли Российской. Страх заползает под крыши «дворцов» советских сановников и «хижин» трудового народа. Страх заставляет молчать или славословить, лгать и предавать. Страх растлевает человеческий ум и калечит душу».*

«Жаль, что не доживу до спасения России»

Самочувствие ухудшалось, усиливались сердечные приступы, которые мешали генералу работать. Жаркие летние месяцы 1947 г. Деникины решили провести у друзей, Бибиковых, которые имели свой дом на берегу озера Мичиган, неподалеку от канадской границы.

Там Антон Иванович почувствовал себя совсем плохо, и его уговорили лечь на обследование в университетскую клинику города Анн-Арбор, где также был русский врач. В клинике у него случился тяжелый сердечный приступ. *«Жаль, что не доживу до спасения России»,* — это были последние слова Деникина.

Его похоронили на кладбище Эвергрин, штат Мичиган. Военные почести русскому генералу были отданы специально прибывшими на траурную

церемонию американским военным подразделением. Впоследствии останки праха Деникина были перенесены на русское кладбище Святого Владимира в городе Джексоне, штат Нью-Джерси.

В 2005 г. прах генерала А. И. Деникина обрел свое последнее пристанище на кладбище Донского монастыря в Москве.

ОН БЫЛ И БУДЕТ

*В девяносто девятое лето
Заскрипит заклятый замок,
И взбурлят рекой самоцветы
Ослепительно вещей строк.
Н. Клюев*

Николай Алексеевич Клюев родился 10 ноября 1885 г. в деревне Коштут Олонецкой губернии. Мать Клюева, Прасковья Дмитриевна, талантливая сказительницы и плакальщица, обучила сына «грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости». Она же, когда Николаю исполнилось 14 лет, послала его к соловецким старцам «на выучку». В их библиотеке он познакомился с древними рукописными и печатными книгами.

Первые стихи Клюева вышли в 1904 г. в Петербурге. Здесь же в 1915 г. судьба свела его с Сергеем Есениным. Их называли «крестьянскими поэтами». Вот так, по словам К. Азадовского реагировал на это Сергей Есенин: *«Мы, Николай, — говорил он Клюеву, — не должны соглашаться с такой кличкой! Мы с тобой не низы, а самоцветная маковка на златоверхом тереме России; самое аристократическое, что есть в русском народе».*

Факты личной судьбы Николая Клюева и его самобытные произведения надолго были вычеркнуты из истории нашей культуры в связи с гибелью поэта в волне репрессий 30-х гг.

Версия о Клюеве-кулаке была придумана критиками. В журнале «Печать и революция» в 1929 г. Б. Ольховой, а затем Осип Бескин в статье «Бард кулацкой поэзии» обвинили Клюева в пропаганде новобуржуазной идеологии. Поэт, творчество которого питалось родниками великой славянской культуры, подвергся ожесточенным преследованиям.

2 февраля 1934 г. к поэту Николаю Клюеву, жившему в крохотной квартирке в полуподвале дома №12 по Гранатному переулку, нагрянуло ОГПУ. Оперуполномоченный Н. Х. Шиваров прихватил с собой дворника дома. Как сказано в ордере на арест, «все должностные лица и граждане обязаны оказывать сотруднику, на имя которого выписан ордер, полное содействие». Подписал ордер заместитель председателя ОГПУ Яков Агранов.

После обыска Клюев вместе с изъятыми у него рукописями был отвезен во внутренний изолятор ОГПУ на Лубянку. Там ему дали заполнить анкету.

Год и место рождения: 1885 г., Северный край.

Род занятий: писатель.

Профессия: писатель, поэт.

Имущественное положение: нет (вписано рукой уполномоченного).

Социальное положение: писатель.

Социальное происхождение: крестьянин.

Партийная принадлежность: беспартийный.

Образование: грамотен («самоучка» — вписывает оперуполномоченный).

Состоял ли под судом: судился как политический при царском режиме.

Состояние здоровья: болен сердцем.

Состав семьи: холост.

Через шесть дней, 8 февраля, арестованному было предъявлено постановление.

«Я, оперуполномоченный 4-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ Шиваров, рассмотрев следственный материала по делу N 3444 и, принимая во внимание, что гражданин Клюев достаточно изобличен в том, что активно вел антисоветскую агитацию путем распространения своих контрреволюционных литературных произведений, постановляю: Клюева привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58–10 УК РСФСР. Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей».

Арестованный «достаточно изобличен» еще до начала следствия. Во-первых, есть указание Ягоды, да и для кого в Москве секрет — кто такой Клюев! Сами братья-писатели заклеили его как «отца кулацкой литературы», изгнали из своих рядов, ни одна редакция его не печатает. Кормится он, читая стихи на чужих застольях, говорят, и милостыню на церковной паперти просит.

Все так и было: и нищета, и открытая враждебность официальных кругов, и травля в печати. И предрешенность дальнейших событий. Цепочка злого навета дошла до самого верха. По свидетельству тогдашнего ответственного редактора «Известий» И. Гронского, арест санкционировал сам Сталин.

Словом, дело Клюева было для оперуполномоченного очевидным, и он «провернул» его быстро — всего за месяц.

15 февраля состоялся решающий допрос. В протоколе содержатся важные данные, касающиеся родословной поэта.

«В 1906 г. был приговорен к шестимесячному тюремному заключению за принадлежность к «Крестьянскому союзу», а в 1924 г. в г. Витегре арестовывался, но был освобожден (без предъявления обвинения). Семейное положение: брат Петр Клюев, 53 года, рабочий, живет в Ленинграде; сестра — Клавдия Расцеперина, 55 лет, живет в Витебске...».

Протокол допроса содержит отрывки из неизвестных до сих пор стихов поэта. Надо иметь в виду, что, хотя внизу каждой страницы есть подпись

Клюева: «Записано с моих слов, верно и мною прочитано», все же составил протокол, направляя его по-своему, оперуполномоченный. Вряд ли, например, Клюев мог назвать свои взгляды «реакционными».

Вопрос: Каковы ваши взгляды на советскую действительность и ваше отношение к политике Коммунистической партии и Советской власти?

Ответ: Мои взгляды на советскую действительность и мое отношение к политике Коммунистической партии и Советской власти определяются моими религиозно-философскими воззрениями. Отсюда мое враждебное отношение к политике компартии и Советской власти, направленной к социалистическому переустройству страны. Практически все мероприятия, осуществляющие эту политику, я рассматриваю как насилие государства над народом, истекающим кровью и огненной болью.

Вопрос: Какое выражение находят ваши взгляды в вашей литературной деятельности?

Ответ: Мои взгляды нашли исчерпывающее выражение в моем творчестве. Конкретизировать этот ответ могу следующими разъяснениями. Мой взгляд, что Октябрьская революция повергла страну в пучину страданий и бедствий и сделала ее самой несчастной в мире. Более отчетливо и конкретно я выразил эту мысль в стихотворении о Беломоро-Балтийском канале, в котором я говорю: То Беломорский смерть-канал, его Акимушка копал, с Ветлуги Пров да тетка Фекла».

Великороссия промокла

*Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи...*

Еще через пять дней, 20 февраля, обвинительное заключение было готово. Клюев обвинялся в преступлениях, предусмотренных статьей 58–10, «в составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений». В предъявленном ему обвинении сознался.

Полагая, что приведенные Клюевым показания виновным его подтверждают, Шиваров постановил: считать следствие по делу законченным и передать его на рассмотрение Особого совещания при коллегии ОГПУ. «Согласен» — наложил резолюцию помощник начальника СПО ОГПУ Горб, «Утверждаю» — начальник СПО ОГПУ Г. Молчанов.

На заседании коллегии ОГПУ 5 марта Клюев шел по счету восемнадцатым — поток

ПРОТОКОЛ

заседания коллегии ОГПУ (судебное) от 5 марта 1934 г.

Слушали:...18. Дело N 3444 по обвин. гр. Клюева Николая Алексеевича по 58–10 ст. УК РСФСР.

Постановили: Ключева Николая Алексеевича заключить в исправтрудлагерь сроком на 5 лет, с заменой высылкой на тот же срок, считая с 2.11.34 г.

Колпашево — город мучений

В Колпашево административно-ссылный Ключев прибыл этапом 31 мая 1934 г. От Томска баржу, трюм которой был набит ссылными, тащили на буксире. Прибыв на место, пришвартовались недалеко от здания Нарымского окружного отдела НКВД.

В письмах Ключева поражают краски и образы, которыми он рисует жуткую картину Нарымского края тех лет: *«...все чужие друг другу и даже, и чаще всего, враждебные, все в поисках жранья, которого нет, ибо Колпашев — давным-давно стал обглоданной костью. Вот он — знаменитый Нарым! — думаю я. ...Безмерно сиротство и бесприютность, голод и свирепая нищета, которую я уже чувствую за плечами. Рубище, ужасающие видения, страдания и смерти человеческие здесь никого не трогают. Все это — дело бытовое и слишком обычное. Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссылкой в Колпашеве. Недаром остяки говорят, что болотный черт родил Нарым грыжей...»*.

Понятию человеческой нравственности противоречит позиция — скрывать имена палачей, участвовавших в преступлениях против своего народа. Нельзя уводить от суда истории тех, кто совершал злодеяния, прикрываясь интересами их ныне живущих детей. Имена палачей должны быть названы вместе с именами их жертв. Это также необходимо сделать во имя светлой памяти немногочисленных чекистов, отказавшихся участвовать в репрессиях и погибших в годы произвола.

Можно назвать имена сотрудников Нарымского окротдела НКВД. В их ряду несли свою «нелегкую службу» и те, кто распорядился судьбой Н.К.Ключева в Колпашеве и Томске: Мартон, Шкодский, Подольский, Басов, Веледерский и другие.

Распускаю серые завязки дела N 47165. Завязанные в 1937 г., они более полувека хранили тайну гибели поэта.

Пожелтевшие страницы документов, как пулеметной очередью, перетянуты наискосок резолюциями: *«Осужден по 1 категории тройкой. Особоучетник. Кон. ср. 2.11.39 г. В дело массов»*.

Нетрудно догадаться: массов. — массовых репрессий.

Первую запись в деле особоучетника ссылного Ключева сделал оперуполномоченный Нарымского ОГПУ Шкодский.

Из анкеты арестованного, заполненной 31 мая 1934 г. Шкодским, узнаем: Ключев Николай Алексеевич, «писатель-поэт», неимуций, из крестьян, проживал в Москве, по адресу: пер. Гранатный, 12, кв. 3.

Видимо, с большим пренебрежением относился оперуполномоченный Шкодский к ссылке. Иначе не объяснишь торопливость, ошибки, невнимательность при составлении документа. Понятна и его издевка, когда о

высокообразованном поэте Николае Ключеве он пишет в анкете: образование — низшее.

В письме своему другу поэту С. Клычкову в июне 1934 г. из Колпашева Ключев писал: *«Я сгорел на своей Погорельщине, как некогда сгорал мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском. Кровь моя волей-неволей связует две эпохи: озаренную смолистыми кострами и запахами самосожжений эпоху царя Федора Алексеевича и нашу, как юную и потому многонезнующую. Я сослан в Нарым, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. Четыре месяца тюрьмы и этапов, только по отрывному календарю скоро проходящих и легких, обглодали меня до костей. Ты знаешь, я вообще слаб здоровьем, теперь же я навсегда загублен, вновь опухоли, сильнейшее головокружение, даже со рвотой, чего раньше не было. Поселок Колпашев — бугор глины, туго набитый почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитый ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги... Мерзлый нарымский торфяник, куда стащат безгробное тело мое, должен умирить и врагов моих, ибо живому человеческому существу большей боли и поругания ни убавить, ни прибавить».*

Ключев прожил в Колпашеве чуть больше четырех месяцев. Ему, больному, оставаться на зиму в поселке означало верную смерть. Не было ни одежды, ни пищи, ни денег, ни медицинской помощи. Переживая «зенит своих художественных способностей», Ключев старается добиться перевода в Томск. Он пишет заявления во ВЦИК, письма друзьям в Москву.

Их ходатайства за Ключева перед Оргкомитетом Союза советских писателей, которым руководил А. М. Горький, а также перед властями помогли облегчить участь поэта и организовать его перевод в Томск.

«На самый праздник Покрова меня перевели из Колпашева в город Томск, это на тысячу верст ближе к Москве. Такой перевод нужно принимать за милость и снисхождение, но, выйдя с парохода в ненастное и студеное утро, я очутился второй раз в ссылке без угла и без куска хлеба. Уныло со своим узлом я побрел по неизмеримо грязным улицам Томска...».

Еще находясь в Колпашеве, Ключев очень переживал, что, если его перевод не состоится до 20 октября, он будет обречен провести зиму в Нарыме. После отправки вверх по реке последнего парохода, всякая связь прерывалась на время ледостава и до тех пор, пока не пробьют зимник по Нарымскому тракту.

Точную дату перевода поэта из Колпашева можно установить по справке.

Нарымский окротдел НКВД настоящим сообщает, что адмвысланный КЛЮЕВ Николай Алексеевич выбыл в г. Томск 8 октября 1934 г.

Нач. Нарым. О/О НКВД Мартон

Вр. ОП. Упол. УСО Шкодский

Можно предположить, что перевод Ключева в Томск именно в эти сроки был результатом заступничества кого-то из высоких «чинов НКВД», потому что

официальное решение о переводе Ключева было принято полтора месяца спустя.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Сопещения при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от 17 ноября 1934 г.

СЛУШАЛИ: 37. Пересмотр дела 3444 Ключева Николая Алексеевича, приг. по ст. КОЛ. ОГПУ от 5.3.34 г. к заключен в ИТЛ сроком на ПЯТЬ лет с заменой высылкой в г. Колпашево на тот же срок

ПОСТАНОВИЛИ: КЛЮЕВУ Николаю Алексеевичу разрешить отбывать оставшийся срок наказания в г. Томске

Трагические дни

Томский период жизни Николая Алексеевича можно частично воспроизвести по его письмам. В них был длительный перерыв: с начала марта по июль 1936 г. от Ключева не было получено ни одного письма. Почему? Можно предположить, что его лечили в больнице, находящейся на «острожном» режиме.

Сейчас можно документально подтвердить, что Ключев был арестован 23 марта 1936 г. и привлекался к ответственности как участник церковной крестьянской группировки. Освободили его 5 июля 1936 г. «в виду болезни — паралича левой половины тела и старческого слабоумия».

В письме к жене поэта С. Клычкова Варваре Николаевне Горбачевой он писал: «С марта месяца я прикован к постели. Привезли меня обратно к воротам домишка, в котором я жил до сего только 5 июля».

Разбитый параличом Ключев терпел невыносимые тяготы: «Теперь я в своей комнатухе среди чужих людей, которым я нужен, как собаке пятая нога. День и ночь лежу, сегодня первый раз сполз к столу и, обливаясь потом от слабости, пишу Вам... Тоскую невыразимо, под несметными избяными мухами — лежу в духоте, давно без бани, вымыть некому, накормить тоже. Левая рука висит плетью. На ногу ступаю маленько. Она распухла как корчага».

Человек богато одаренный, обладающий высоким интеллектом, Ключев был вынужден пребывать в унижении, переносить презрение и хамство окружавших его людей:

«...Анна Исаевна — моя хозяйка по квартире, властная базарная баба, взялась меня кормить за 75 руб. в месяц. На исходе месяца начинаются справки — получил ли я перевод и т. п. Следом идут брань, придирки. Очень тяжело. Слез моих не хватает и я лежу, лежу... С опухшей, как бревно, ногой, с изжелта-синей полумертвой рукой».

«Мороз под сорок. Я без валенок, и в базарные дни мне реже удается выходить за милостыней. Подают картошку, очень редко хлеб. Деньгами от двух до трех рублей...».

Все эти письма относятся к периоду жизни Николая Алексеевича по адресу: пер. Красного Пожарника, 12.

Светлые минуты

Но были в томский период жизни Ключева и светлые моменты. Дом по Старо-Ачинской, 13 — его последний до ареста приют. Здесь он обрел покой, теплоту русских сердец и смог погрузиться в работу.

Хочется немного рассказать о семье Балакиных, которые приютили поэта в последние месяцы его жизни и проводили его в последнюю печальную дорогу.

Мария Алексеевна Балакина, в девичестве Зоркальцева, родилась в селе Зоркальцеве под Томском. Ее муж, Василий Петрович Балакин, был инженером, работал заведующим мельницей, на паровом котле, начальником электростанции. После гражданской войны под его руководством за три месяца был восстановлен золоторудник «Онон» в Забайкалье.

Василий Петрович в 1926 г. трагически погиб вместе с маленьким сыном Женей. После гибели мужа и ребенка Мария Алексеевна с двумя детьми — Лизой и Сергеем переехала в Томск. В ее доме и провел последние месяцы до ареста Николай Ключев.

О том, что Ключев написал в Томске несколько поэм, он пишет В. Н. Горбачевой: *«Передайте ему, что я написал четыре поэмы...»*

Вы обещали нам сады
В краю улыбчиво-далеком,
Где снедь — волшебные плоды,
Живым питающие соком.
Вещали вы: «Далеких зла,
Мы вас от горестей укроем,
И прокаженные тела
В руках целительных омоем».
На зов пришли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица — вампиры, по наречью —
В глухом ущелье водопад...
«Поэту Сергею Есенину»

Один из лучших поэтов России брошен в далекую ссылку — в нищету, бездомность, одиночество, унижение. Помирать. А в это время в Москве с большой помпой проходил I съезд советских писателей, и мало кто из делегатов вспоминал о Ключеве, все они на этом светлом торжестве приветствовали светлое настоящее и еще более светлое будущее, в котором многие из них скоро пойдут за Ключевым той же скорбной дорогой.

В последний скорбный путь

Дальнейшая судьба Николая Ключева долгое время была окутана легендами и домыслами, и лишь недавно стали известны ее подробности.

Как обской прибой, накатывалась волна террора на Сибирский край. Известно, что летом 1937 г. по республикам, краям и областям направлялись

особоуполномоченные, чтобы наладить и обеспечить выполнение указаний об усилении репрессий.

Жернова террора работали с утроенной быстротой. 5 марта 1934 г. дело Ключева было пересмотрено восемнадцатым по счету (в день). Дело, по которому Николай Ключев был приговорен «к высшей мере социальной защиты — расстрелу», рассматривалось 13 октября 1937 г. шестьдесят пятым в этот день.

На основании своих исследований берусь утверждать, что не последуй арест, несмотря на все свои болезни, он мог бы еще работать и творить. В первом протоколе допроса твердой рукой поэта стоит подпись: «К сему Н. Ключев». В последнем протоколе допроса, после четырех месяцев тюрьмы, в подписи нет ни одной прямой линии.

То, что дело «об активной сектантской деятельности и непосредственном руководстве контрреволюционной деятельностью духовенства и церковников» было сфабриковано, подтверждается последующей реабилитацией Николая Ключева. В своем письме от 23 февраля 1936 г. он писал: «В Томске есть кой-кто из милых и тоскующих по искусству людей, но я боюсь знакомства с ними из опасения, как бы наша близость не была превратно понята».

Из рассказов бывших работников НКВД удалось выяснить, что тюрьма в Томске находилась на ул. Пушкина. Расстрелы проводились, как правило, с часу до четырех часов ночи. Жилой городок для сотрудников НКВД находился на территории тюрьмы. Тех, кого везли на расстрел, вывозили на телегах или санях по 3–4 человека. Их укрывали, чтобы не было видно. Везли к ямам в сторону Каштака, там и расстреливали. Одну яму заполняли по несколько дней. Справку оформляли, как «зарюют» яму.

В Томске тогда была популярна частушка: *«Я поеду на Каштак, на зелену горку. Заработаю пятак себе на махорку»*. Так зарабатывали на закапывании ям.

После этого рассказа становится понятным, откуда в справке о приведении в исполнение приговора в отношении Ключева появилось: «Приговор приведен в исполнение 23–25 октября 1937 г.».

«Аввакумом XX века», «вестником Китеж-града» называли Ключева. Но все эти характеристики обращены в прошлое, а из найденных стихов встает поэт жгуче современный и необходимый нам сегодня, поэт, которого нам еще предстоит услышать и понять. Вопреки всем своим хулителям, клеветникам и могильщикам он оказался не позади, а впереди времени.

Слово Николая Ключева — грозное предсказание. Рисуя, как на иконах, огненными мазками свой Апокалипсис, картины ада, проклиная от имени гибнущего крестьянства Сталина-Антихриста, он в то же время будто смотрит в сегодняшний день.

Слово Ключева — вещее, оно прорастает из живых корней славянской мистики, тайноведения. Это не стилизация под народ, а эпос. И Ключев, может быть, последний мифотворец.

Поэт, когда-то искренне воспевавший Революцию и Ленина, — такого Ключева мы знали. Поэт, который проклял Революцию, когда ее знамя захватили бесы, — такого Ключева мы узнаем сегодня. Но и это не весь Ключев.

Он слышал «звон березовой почки, когда она просыпается от зимнего сна», «скрип подземных рулей». Он страстно хотел найти путь в «Белую Индию», рай на земле. Утопия это или высшая правда?

Не будем чересчур пугаться его пророчеств. Послание Николая Ключева, дошедшее до нас из темных недр НКВД, — не только грозное предостережение, но и призыв к возрождению и укреплению духа.

ВОЖДЬ В ЗАКОНЕ

Феликс Дзержинский родился 11 сентября 1877 г. в имении Держиново Вильненской губернии в богатой дворянской семье. История создания этой семьи достаточно необычна: двадцатипятилетний домашний учитель Эдмунд Иосифович, взявшийся обучать точным наукам дочерей профессора Янушевского, соблазнил четырнадцатилетнюю Елену. Любовников быстро поженили и, под предлогом учебы в одном из лучших европейских колледжей, отправили Елену и ее мужа в Таганрог подальше от дома. Эдмунд устроился в местную гимназию (одним из его учеников был Антон Чехов). Пошли дети. И семья вскоре вернулась на родину, где и родился Феликс.

Мальчику было пять лет, когда от чахотки умер отец, а 32-х летняя мать осталась с восьмью детьми. Феликс рос умным мальчиком, с шести лет читал по-польски, с семи по-русски и по-еврейски. Но учился средне. В первом классе остался на второй год. Учившийся в той же гимназии будущий глава правительства Польши Иосиф Пилсудский отмечал, что «гимназист Дзержинский — серость, посредственность, без каких-либо ярких способностей».

Хорошо успевал Феликс только по одному предмету — Закону Божьему, даже мечтал о сане священника, но вскоре разочаровался в религии. В подобных семьях с детства стремились к учебе и знаниям, а затем к открытию собственного дела. Но Феликс рано стал крутить любовные романы. Потерял интерес к учебе.

Однажды оскорбил и прилюдно дал пощечину учителю немецкого языка, за что был исключен из гимназии. Сблизился с уголовниками, занимался в подпольных кружках еврейской молодежи, участвовал в драках, расклеивал по городу антиправительственные листовки. В 1894 г. вступил в литовскую социал-демократическую группу.

После смерти матери Феликс получил 1000 рублей наследства и быстро пропил их в местных пивных, где целыми днями с такими же как он, начитавшимися Маркса, обсуждал планы построения общества, в котором можно было бы не работать. Муж старшей сестры Алдоны, узнав о «проделках» шурина, выгнал его из дома, и Феликс начал жизнь профессионального революционера.

В 1897 г. в полицию Ковно поступило агентурное сообщение о появлении в городе подозрительного молодого человека в черной шляпе, всегда низко надвинутой на глаза, черном костюме. Его видели в пивной, где он угощал

рабочих с фабрики Тильманса. На допросе те показали: незнакомец вел с ними разговор об организации на фабрике бунта, в случае отказа грозил жестоко избить.

17 июля при аресте молодой человек назвался Эдмунтом Жебровским, но вскоре выяснилось, что он «столбовой дворянин Дзержинский». Не сумев доказать его личного участия в многочисленных кровавых разборках, но все-таки продержав год в тюрьме, его сослали на три года в Вятскую губернию. *«Как по своим взглядам, так и по своему поведению, личность в будущем очень опасная, способный на все преступления»* — пророчески доносил жандармский полковник виленскому прокурору.

В 1904 г. в городе Ново-Александрии он попытался поднять вооруженное восстание, сигналом к которому стал бы террористический акт в воинской части. Феликс заложил динамит в офицерском собрании, однако в последний момент его подручный струсил и бомбу не взорвал.

По свидетельству боевиков Феликса, они беспощадно убивали всех, на кого падало подозрение в связях с полицией.

Дзержинский шесть раз арестовывался, однако его почему-то не судили, а выслали в административном порядке, как это делали с проститутками и тунеядцами. Почему? Главная причина — в слабой свидетельской базе. Свидетелей его преступлений соратники убивали, судей и прокуроров запугивали. По собственным воспоминаниям Дзержинского, он «откупался взяткой». А откуда у него такие деньги? И вообще, на какие средства он жил?

Судя по расходам, деньгами Дзержинский распоряжался немалыми. Он носит дорогие щегольские костюмы, лакированные ботинки. Разъезжает по странам Европы, живет в лучших отелях и санаториях Закопане, Радома, Петербурга, Кракова, отдыхает в Германии, Италии, Франции. Все это требовало денег. К тому же огромные суммы шли на зарплату боевикам, на издание газет, прокламаций, листовок, на организацию съездов, освобождение революционеров под залог, взятки чинам полиции, подделку документов и многое другое. Ежегодно сотни тысяч рублей. Кто же его финансировал?

По одной из версий, на организацию смуты в России денег не жалели ее враги, по другой — золотоносной жилой была экспроприация содержимого банков, попросту грабеж.

На вопрос, подвергался ли он репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции, Дзержинский писал в анкете: *«Арестовывался в 1897, 1900, 1905, 1906, 1908 и 1912 годах, просидел всего 11 лет в тюрьме, в том числе на каторге (8 плюс 3), был 3 раза в ссылке, всегда бежал».*

Но за какие преступления — тишина. Из книг известно: 4 мая 1916 г. Московская судебная палата приговорила его к 16 годам каторжных работ. Но ни слова о том, что при царском режиме к каторге приговаривались только убийцы.

Февральская революция застала Дзержинского в Бутырской тюрьме. 1 марта 1917 г. Феликса освободили. Вышел он из Бутырки еле живым — сокамерники, уличив в доносительстве начальнику тюрьмы, жестоко его

избили. Однако, в Польшу он не вернулся. Некоторое время жил в Москве, а потом уехал в Петроград.

В августе 1917 г. собирается VI съезд большевиков. Дзержинский решает избавить Россию от эксплуататоров. И хотя большевиком он никогда не был, его сразу избирают в ЦК партии и устраивают секретную встречу со скрывающимся в Разливе Лениным.

Бывшие политические враги (большевики, эсеры и т. д.) на время объединяются в единый фронт и общими усилиями свергают Временное правительство. Активную роль в захвате власти играл Дзержинский. *«Ленин стал совсем незыблемый, и если кто-то имеет на него влияние, так это только товарищ Феликс». Дзержинский еще больший фанатик*, — писал народный комиссар Леонид Красин. После Октября Ленин направил «железного Феликса» в Наркомат внутренних дел как человека, знающего уголовный мир и тюремную жизнь.

7 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров создает Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. И хотя этой комиссии придается роль следственного комитета, санкции ее членов куда шире: *«Меры — конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.»*.

По свидетельству Лациса, «Феликс Эдмундович сам напросился на работу в ВЧК». Он быстро входит в курс дела, и если в декабре еще сам нередко ездит на обыски и аресты, то в начале 1918 г., заняв обширнейшее здание с погребами и подвалами на Лубянке, начинает лично формировать команду.

Первой официальной жертвой чекистов считается некий князь Эболи, который «от имени ВЧК грабил буржуев в ресторанах». С его расстрела пошел отсчет жертв тоталитарного режима. Под приговором подпись Дзержинского.

Дзержинский взломал общественную преисподню, впустив в ВЧК армию патологических и уголовных субъектов. Он прекрасно понимал жуткую силу своей армии. Но, желая расстрелами в затылок создать «новое общество», Дзержинский уже в 1918 г. стремительно раскинул по необъятной России кровавую сеть чрезвычайок: губернские, уездные, городские, волостные, сельские, транспортные, фронтовые, железнодорожные, фабричные, прибавив к ним военно-революционные трибуналы, особые отделы, чрезвычайные штабы, карательные отряды.

Из взломанного социального подвала в эту сеть хлынула армия чудовищ садизма. С их помощью Дзержинский превратил Россию в подвал чека и, развивая идеологию террора в журналах своего ведомства «Ежедневник ВЧК», «Красный меч», «Красный террор», руками этого отребья стал защищать коммунистическую революцию.

Известный факт. В 1918 г. на одном из заседаний Совнаркома, где обсуждался вопрос о снабжении, Ленин послал Дзержинскому записку: *«Сколько у нас в тюрьмах злостных контрреволюционеров?»* Первый чекист вывел на бумажке: *«Около 1500»*. Точной цифры арестованных он не знал — за решетку сажали кого попало, не разбираясь. Ленин поставил возле цифры крест и передал бумажку обратно. Феликс Эдмундович вышел.

Той же ночью «около 1500 злостных контрреволюционеров» поставили к стенке.

Позже секретарь Ленина Фотиева разъясняла: *«Произошло недоразумение. Владимир Ильич вовсе не хотел расстрела. Дзержинский его не понял. Наш вождь обычно ставит на записке крестик в знак того, что прочел ее и принял к сведению».*

Утром сделали вид, что ничего чрезвычайного не произошло, Совнарком обсуждал архиважный вопрос: к Москве подходил долгожданный состав с продовольствием.

В 1918 г. отряды чекистов состояли из матросов и латышей. Один такой матрос вошел в кабинет председателя пьяным. Тот сделал замечание, матрос в ответ обложил его трехэтажным. Дзержинский выхватил револьвер и несколькими выстрелами уложил матроса на месте.

Из протокола Заседания ВЧК от 26 февраля 1918 г.:

«Слушали — о поступке Дзержинского. Постановили: ответственность за поступок несет сам и он один, Дзержинский. Впредь же все решения вопросов о расстрелах решаются в ВЧК, причем решения считаются положительными при половинном составе членов комиссии, а не персонально, как это имело место при поступке Дзержинского».

Из текста постановления видно, что Дзержинский расстреливал лично.

Массовый террор был организован Дзержинским и Лениным как индустриальный процесс. Они только отдавали приказы.

«В Нижегородский Совдеп 9.08.18.

В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрямь все силы, составить тройку диктаторов..., навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывести сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров... Ни минуты промедления... Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных...

Ваш Ленин»

«Пенза. Губисполком Копия Евгении Богдановне Бош Необходимо... произвести беспощадный массовый террор... Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию карательную пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении.

Предсовнаркома Ленин. 9.08.18.»

Телеграмма в Саратов Пайкесу:

«...Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты.

Ленин 22.08.18.»

Дзержинским было подписано большинство ордеров на обыск и арест, его подпись стоит на приговорах, его перу принадлежат секретные инструкции о тотальной вербовке сексотов и тайных агентов во всех сферах общества.

«Нужно всегда помнить приемы иезуитов, которые не шумели на всю площадь о своей работе и не выставляли на показ, — поучал «железный Феликс» в секретных приказах, — а были скрытными людьми, которые обо всем знали и умели только действовать...». Главным направлением работы чекистов он считает тайное осведомительство и требует от каждого вербовать как можно больше сексотов.

«Для приобретения секретных сотрудников, — поучает Дзержинский, — необходима постоянная и продолжительная беседа с арестованными, а также их родственниками и знакомыми... Заинтересовать полной реабилитацией при наличии компрометирующего материала, добытого обысками и агентурными сведениями... Воспользоваться неладами в организации и ссорами между отдельными лицами... Заинтересовать материально».

Феликс Эдмундович говаривал: *«У чекиста должны быть длинные руки, кожаная куртка и «необходимое руководство» в голове».*

«Необходимое руководство для агентов чрезвычайных комиссий», отпечатанное в начале 1918 г., — один из первых учебников для чекистов. Беглое знакомство с 54-страничной брошюрой убеждает: ведомство Дзержинского не начинало с нуля, наработки были.

Некоторые рекомендации могут пригодиться и сегодня. К примеру, «билет для конспирации нужно покупать несколько дальше того пункта, куда едешь». Правда, это не согласуется с другим замечанием «Руководства», подписанного товарищем Дзержинским: «Нужно беречь каждую копейку, ибо это трудовые, народные деньги». Жировать внедренным чекистам не приходилось. Запрещалось «угощать товарищей, улучшать свое состояние приобретением вещей до носильного платья включительно на деньги ВЧК. Желательно, чтобы сотрудник считал себя за человека нуждающегося».

Дзержинский учил, что нужно иметь несколько головных уборов, чтобы менять внешность при слежке за подозреваемым. Нужно постоянно *«преодолевать все заползающие в душу мелочные бытовые мысли».*

Обыскивали сурово. «Под страхом личной ответственности» запрещалось изымать предметы домашнего обихода, мелкие суммы денег и продукты в «маленьком количестве». Специальная инструкция, подписанная председателем ВЧК гласила, что в пользу трудового народа конфискуются: консервы свыше 10 банок, сахар свыше 6 кг, обувь свыше двух пар и т. д.

22 июня 1919 г. ВЦИК опубликовал декрет «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», в подготовке которого деятельное участие принимал Дзержинский.

В декрете перечислялись наиболее опасные преступления (принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против Советской власти, государственная измена, шпионаж, диверсии, бандитизм и др.), изымавшиеся из общей подсудности. Чрезвычайным комиссиям предоставлялось «право непосредственной расправы вплоть до расстрела» за перечисленные в декрете «доказанные преступные действия».

На следующий день Дзержинский разослал приказ всем губчека.

«...С изданием настоящего декрета, — писал он, — на ЧК возложены более чем когда-либо тяжелые задачи — очистка Советской республики от всех врагов рабоче-крестьянской России... Все явные и скрытые враги Советской России должны быть на учете ЧК и при малейшей попытке повредить революции должны быть наказаны суровой рукой...».

По своему педантичному характеру Дзержинский оказался талантливым тюремщиком. Он самолично входил во все мелочи тюремного ведомства. По опыту прекрасно знал быт тюрьмы. И теперь из-под его пера вышла инструкция для производства обысков: *«Обыск производить внезапно, сразу во всех камерах и так, чтобы находящиеся в одной не могли предупредить других. Забирать всю письменную литературу, главным образом небольшие листки на папиросной бумаге и в виде писем. Искать тщательно на местах, где стоят параша, в оконных рамах, в штукатурке. Все забранные материалы аккуратно складывать в пакеты, надписывая на каждом фамилию владельца».*

Поднятый под непосредственным руководством Дзержинским массовый террор в 1918–1920 гг. захлестывал страну. В тюрьмах сидели монахи, адвокаты, священники, помещики, учителя, спекулянты, рабочие, интеллигенты, крестьяне.

Террор свирепствовал в столицах и в провинциях, переходя в массовую бойню там, где народ оказывал малейшее сопротивление.

О размахе репрессий только в 1918 г. свидетельствует официальная статистика, опубликованная в самой ЧК в те годы: «Подавлено 245 восстаний, раскрыто 142 контрреволюционные организации, расстреляно 6300 человек». Конечно, чекисты здесь явно поскромничали. По расчетам независимых историков, на самом деле убито было свыше миллиона человек.

В мае 1918 г. в ВЧК попадает 20-летний Яков Блюмкин, которому тут же было доверено руководство отделом по борьбе с немецким шпионажем.

6 июля Я. Блюмкин и Н. Андреев приезжают в Денежный переулок, где размещалось германское посольство, и предъявляют мандат на право переговоров с послом. На бумаге подписи Дзержинского, секретаря Ксенофонтова, регистрационный номер, штамп и печать.

Во время разговора Блюмкин стреляет в посла, взрывает две гранаты, а сами «дипломаты» скрываются в суматохе. Разгорается невиданный международный скандал. Дзержинский, не моргнув глазом, заявляет, что на мандате его подпись подделана. Но несомненно, что все организовано им. Во-первых, он категорически против мира с Германией (против Германии намечались широкомасштабные операции). Во-вторых, большевикам нужен повод для расправы с эсерами (как раз они-то и были объявлены убийцами посла). В-третьих, Яков Блюмкин после этой операции повышен в должности.

8 июля «Правда» опубликовала заявление Дзержинского: *«В виду того, что я являюсь, несомненно, одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха, я не считаю для себя возможным оставаться в ВЧК... в качестве ее председателя, равно как и вообще принимать какое-либо участие в комиссии. Я прошу Совет Народных Комиссаров освободить меня».*

Расследованием убийства никто не занимался, почерковедческая экспертиза по поводу подлинности не проводилась, и тем не менее, ЦК партии отстраняет Дзержинского от должности. Правда, ненадолго. Уже 22 августа Феликс Дзержинский занимает прежнее кресло. И вовремя. В ночь с 24 на 25 августа ВЧК арестовывает более ста видных деятелей партии эсеров, обвинив их в контрреволюции и терроризме. В ответ 30 августа Леонид Канегиссер убивает председателя петроградской чрезвычайки Моисея Урицкого. Дзержинский лично едет в Петроград и распоряжается в отместку расстрелять 1000 человек. 30 августа стреляют в Ленина. Чекисты в покушении обвиняют эсерку Фанни Каплан. Дзержинский дает добро на массовую бойню в Москве.

Не успев закрепиться у власти, большевики экспортируют революцию за границу. Для финансирования этих революций они могли давать только награбленно золото, драгоценности, картины великих мастеров. Доставку всего этого можно было доверить самым «железным товарищам». В результате, в короткий срок пущен по ветру почти весь золотой запас России. А в банках Европы и Америки стали появляться счета на имя первых лиц молодого советского государства. Дзержинскому повезло — он не дожил до тридцать седьмого года. Не был отравлен, застрелен, казнен. Он умер своей смертью, не дотянув до сорока девяти, 20 июля 1926 г. в 16 часов 40 минут в своей кремлевской квартире.

На другой день после смерти Дзержинского начались славословия в обязательно-елейном тоне и причитания в честь умершего товарища. Тут были фальшь, и искренность. В лице Дзержинского партия потеряла наиболее яркого воплощения красной диктатуры.

Дзержинский умер, отдав все свои силы любимому детищу — ВЧК (ГПУ). Именно это детище потопило страну в крови в 1930 г. и оказалось на редкость жизнеспособным.

ПАДЕНИЕ

Если придерживаться строго документальных записей, то можно обратиться к метрической книге синагоги старинного русского города на Волге Рыбинска. В ней в 1891 г. сделана запись под номером девятнадцать, удостоверяющая рождение у бобруйского мещанина Гирши Фишелевича Ягоды и его законной жены Хасе Гавршлевы седьмого ноября (по христианскому календарю), восемнадцатого марта (по европейскому) младенца мужского пола, которого нарекли именем Генах. В официальной биографии он проходит как Генрих Григорьевич Ягода и местом рождения указан г. Нижний Новгород.

В исторической летописи органов НКВД имя Генриха Ягоды одно из наиболее загадочных. Вокруг его личности и по сей день не утихают споры. Кем был на самом деле этот узколицый, со странным изжелта-красным оттенком кожи, порывистый в движениях, нервного склада человек в белом габардиновом кителе с золотым шитьем генерального комиссара государственной безопасности? Верным стражем Сталина или главой заговора против него? Тайным сторонником Зиновьева или беспощадным его мучителем? Безвинной жертвой репрессий или их организатором и палачом?

В дошедших до нас документах того времени личность Генриха Ягоды как бы подернута вуалью, ее контуры просматриваются лишь в общих чертах, характерные детали смещаются, нюансы ускользают. Поэтому для того, чтобы восстановить подлинный политический и нравственный портрет этого человека, сыгравшего столь значительную роль в истории ГПУ–ОГПУ–НКВД, попытаемся мобилизовать некоторые известные сегодня сведения о нем и представить его головокружительную карьеру.

В средствах массовой информации в последние годы было много публикаций, посвященных Берии, немного меньше — Ежову, но как бы вне поля зрения остался один из зачинателей массового террора в стране — Г. Г. Ягода. Свой жизненный путь он окончил 15 марта 1938 г.. 16 марта об этом сообщалось в центральных газетах: *«... приведен в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1938 г. о расстреле осужденных по делу антисоветского «правотроцкистского блока».*

Рядом с «железным» Феликсом

Маленький Гершель (Генрих) с детских лет вошел в круг отцовских забот и унаследовал его специальность. Несмотря на весьма скромное материальное положение, старый фармацевт передал сыну не только профессиональные навыки, но и нечто большее — возможность получить систематическое образование.

Во время учебы в Нижнем Новгороде повзрослевший Генрих оказался под влиянием революционной молодежной организации. Нижегородский период в жизни молодого социал-демократа ознаменовался важными для него событиями, в немалой степени определившими его дальнейшую судьбу. Он знакомится с Я. М. Свердловым, племянница которого Ида некоторое время спустя станет его женой. К этому же периоду относится и встреча Ягоды с А. М. Горьким, впоследствии переросшая в своеобразную дружбу, продолжавшуюся до последних дней жизни писателя.

В 1911 г. за революционную деятельность Генрих Ягода был арестован и приговорен по политической статье к ссылке. Два года спустя он выходит на свободу и оказывается в Петрограде, где устраивается на работу в страховую кассу Путиловского завода. Здесь он встречается с Н. Н. Крестинским. Непредсказуемая судьба сведет этих людей дважды. Второй раз — в самом конце их жизни, за несколько дней до гибели. Смерть они встретят вместе.

Во время империалистической войны Ягода был мобилизован. Состоял членом военной организации большевиков. Служил в действующей армии, прошел фронт, был ранен.

Октябрьскую революцию Генрих Ягода встретил как активный участник. Энергично включился в работу по формированию отрядов Красной гвардии. Был замечен и выдвинут на ответственную должность в Высшей военной инспекции РККА. Во время гражданской войны воевал на Южном и Юго-Восточном фронтах. В нелегкие дни царицынской обороны встречался со Сталиным. Будущий генсек по достоинству оценил расторопность Ягоды, его беспощадность к врагам, непреклонность в достижении цели, неразборчивость в средствах.

Быть может, именно эти качества, вовремя замеченные и по достоинству оцененные руководством, привели Генриха Ягоду в ВЧК. Характер деятельности этого учреждения оказался ему по душе, начинается быстрый должностной рост исполненного служебного рвения чекиста.

В 1920 г. он — член Президиума ВЧК, а после ее реорганизации назначается заместителем Председателя ОГПУ при Совнаркомом СССР. Так Ягода фактически становится правой рукой Дзержинского.

Начало большой игры

В 1926 г., после смерти Ф. Э. Дзержинского, руководителем ОГПУ становится В. Р. Менжинский. К этому времени Ягода прошел в ВЧК–ОГПУ большую школу и становится профессионалом, заместителем Менжинского. С годами роль Ягоды в руководстве ОГПУ возрастает, чему способствует болезнь Менжинского. Многие вопросы Ягоде приходилось решать в таких случаях в качестве первого лица.

Сталин прекрасно понимал значение аппарата ОГПУ в борьбе со своими политическими противниками и принимал меры к его подчинению. Общась с Ягодой, он сумел распознать в нем своего союзника в борьбе со всякими «уклонами» и сделал на него ставку.

В 1929 г. под непосредственным руководством Ягоды и подобранной им команды начинает разворачиваться система исправительно-трудовых лагерей. Их создание в необжитых районах требовало не только поиска полезных ископаемых, но и строительства дорог, мостов, освоения земельных угодий, обустройства поселков, возведения промышленных предприятий, электростанций и т. д.

Для того, чтобы эта система стала составной частью ОГПУ СССР, руководство последнего заверило правительство в том, что система не только будет самоокупаемой и не потребует ни копейки государственных вложений, но и станет приносить прибыль казне.

Именно с этого момента был создан карательный механизм: система расследовала преступные проявления, сама же судила, она же исполняла назначенный срок наказания и решала дальнейшую судьбу каждого в последующий период. Инициатор этой инквизиторской машины Г. Г. Ягода сосредоточивает у себя огромную власть.

С конца 20-х гг. Ягода начинает свою игру по расстановке на ключевых постах в лагерях и территориальных органах ОГПУ нужных людей. Щупальца аппарата Ягоды начинают проникать не только в различные области народного хозяйства, но и в армию. С этого времени началась и крупномасштабная кампания по насаждению агентуры по всех сферах государственной и общественной жизни.

Рвение Ягоды на ниве борьбы с инакомыслящими не осталось незамеченным. В 1930 г. его одаривают вторым орденом Красного Знамени. Ягода становится значимой фигурой, и многие репрессированные обращаются за помощью непосредственно к нему. Однако Ягода прекрасно понимает: нельзя одной рукой и сажать, и миловать. Он и не собирается входить в положение репрессированных, и потому обращения к нему

остаются без внимания. Лишь нужные люди находят у него не только защиту, но и покровительство.

Тем временем, разворачивается строительство Беломоро-Балтийского канала. Ведомство Ягоды нескончаемым потоком направляло сюда рабочую силу. Окончание строительства канала ознаменовалось раздачей орденов большой группе руководителей, инженеров и передовиков. За строительство этого сооружения у Ягоды прибавился орден Ленина.

На следующий год канал посетил Сталин. Очевидец этого исторического события С. С. Кожевников, в то время командир подводной лодки «Народоволец», вспоминает:

«Выходит из шлюза колесный пароходик «Анохин» — принимают концы, сходни, и на берег выходят друг за другом: Ворошилов, Сталин, Киров и Ягода. Этот, правда, сразу отошел в сторонку. Там и стоял. Закупнев, командующий пароходом, отдал рапорт, поприветствовали наркома. Он поздравил нас с переходом, рассказал что-то о значении нового флота. Затем выступил Киров, который все больше про экономику края говорил. В общем, выступили они, и... пауза. Сталин стоит и курит, даже чуть отвернулся в сторону. Пауза затягивается уже до неприличности. Тут за нашими спинами забегали флотские политработники, шепчут: «Вызывайте товарища Сталина». А как вызывать, мы же в строю стоим! Тут же и Ворошилов отступил на шаг, за спину Сталина, показал на него пальцем и машет: дескать, похлопать нужно. Ну, кто-то хлопнул, кто-то буркнул: «Товарищ Сталин, выступите...» А они недалеко от меня стояли, и вот вижу, как Ворошилов пригнулся к Сталину и что-то шепчет ему на ухо. А тот вдруг трубку вынул изо рта и сердито буркнул: «Не буду». Повернулся и пошел...»

10 мая 1934 г. от паралича сердца скончался В.Р.Менжинский. Его должность официально перешла к Ягоде. Спустя два месяца ЦИК СССР принял постановление об образовании Народного комиссариата внутренних дел СССР. Под эгидой этого наркомата оказались Главное управление государственной безопасности, Главное управление лагерей, Главное управление рабоче-крестьянской милиции. Среди наркоматов того времени это было самое могущественное ведомство во главе с Ягодой. 26 ноября 1935 г. в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР ему было присвоено звание Генерального комиссара государственной безопасности.

Тучи над головой

Казалось, ничто не предвещало грозы, но тучи над головой Ягоды сгущались. В первой половине 1936 г. под его активным руководством ведется работа по подготовке процесса «правых» и начинаются аресты. В сентябре Сталин уже знакомится с протоколами допроса некоторых из арестованных, где излагаются показания «О террористической деятельности контрреволюционной организации правых».

25 сентября, отдыхающие в Сочи Сталин и Жданов, направляют в адрес Кагановича и Молотова телеграмму с оценкой действий наркома: *«Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения*

троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года». Через день, 27 сентября, Ягода отстраняется от должности наркома внутренних дел и становится наркомом связи вместо снятого с этого поста А. Рыкова. Фактически участь его была предрешена, и перемещение являлось своего рода тактическим ходом.

Представляется, что выдвинутое в телеграмме обвинение против Ягоды является чисто формальным. Ведь, именно он первоначально загнал троцкистов и других оппозиционеров в ссылку, а затем пустил их по второму кругу через тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря. Под его руководством были подготовлены политические процессы в отношении «правых» после убийства Кирова.

Поэтому упрек в адрес Ягоды крайне не убедителен. После подобного обвинения, чтобы удержаться в своем кресле, Ягода вполне мог решить задачу по тотальному разгрому оппозиции, выполнив пятилетку за один год. Было бы наивно полагать, что Сталину и Жданову потребовался «козел отпущения».

Между Москвой и Сочи был разыгран политический спектакль с заменой главного действующего лица, и жаловаться было некому. Со Сталиным ему просто не дали связаться. Дело, очевидно, заключалось в другом, Сталин и его ближайшее окружение вполне отчетливо осознали ту силу, которую приобрел Ягода за годы работы в ведомстве.

Мимо Сталина не прошла и та информация, которой владел Н. И. Ежов, заведующий орготделом ЦК ВКП(б). Кому-кому, а Ежову было достаточно отчетливо видно, с каким усердием и настойчивостью Ягода повсеместно расставлял на ключевых постах не только своего ведомства, нужных ему людей. Ягода стал слишком опасным, пришло время его убрать с политической арены.

29 января 1937 г. ЦИК СССР принимает решение о переводе Генерального комиссара государственной безопасности Г. Г. Ягоды в запас. Это был второй чувствительный удар. Высокое специальное звание, оставленное ему при отстранении от руководства Народным комиссариатом внутренних дел, если и не гарантировало прежних должностных привилегий, то являлось прочным связующим звеном с высшими структурами. Теперь разрывалось и оно.

Но не столько этот факт беспокоил Генриха Ягodu, сколько ясно просматривавшийся в решении ЦИК подтекст: о нем не забыли, за ним следят, опала продолжается. Новых потрясений можно было ждать в любую минуту.

Опала продолжается

3 апреля 1937 г. за ним пришли. Люди в форме, которую некогда сам же Ягода и ввел своим приказом, предъявили ордер на арест, вежливо предложили пройти в машину. Узкое нервное лицо Ягоды дернулось, как от удара. Быть может, как никто другой, бывший руководитель НКВД почувствовал, что его жизнь кончена. Оттуда, куда его сейчас повезут, выхода уже нет. По иронии судьбы, именно Ягода приложил столько стараний, чтобы ни один, оказавшийся там, уже никогда не вырвался на свободу. И вот теперь ему самому предстояло пройти этим путем обреченных.

По официальной версии, в апреле 1937 г. Генрих Ягода был привлечен к ответственности ввиду «обнаруженных должностных преступлений уголовного характера». На предварительном следствии бывшему руководителю НКВД предъявили множество обвинений — от контрреволюционной троцкистской деятельности до шпионажа в пользу фашистской Германии. Это еврея, когда Германия уже покрылась сетью концентрационных лагерей по уничтожению еврейского населения.

Обвинили его и в организации так называемых «медицинских убийств» Горького, Куйбышева, Менжинского и других. Бывшему наркому инкриминировали и покушение на жизнь секретаря ЦК Николая Ежова. Фабула поражала воображение непосвященных. Согласно материалам дела, нарком внутренних дел Ягода опрыскал стены и портреты кабинета своего преемника сильнейшим ядом, испаряющимся при комнатной температуре.

Следствие по делу Ягоды длилось почти год. На процессе он отрицал обвинения, в отличие от других подсудимых. *«Прокурор, — говорил в своем выступлении на процессе Г. Г. Ягода, — безапелляционно считает доказанным, что я был шпионом. Это неверно. Я — не шпион и не был им».* Совсем недавно ставивший аналогичные спектакли на процессах, он прекрасно понимал ожидавший его финал. Это понимание давало ему силы иронизировать и даже заявить, что если бы он был шпионом на самом деле, то *«...десятки стран могли бы закрыть свои разведки — им незачем было бы держать в Союзе такую сеть шпионов, которая сейчас переловлена».*

Не нашлось места даже на канале.

Завершая свое последнее выступление, Ягода произнес замечательную фразу: *«Граждане судьи! Я был руководителем величайших строек-каналов. Сейчас эти каналы являются украшением нашей эпохи. Я не смею просить пойти работать туда хотя бы в качестве исполняющего самые тяжелые работы».*

Даже там ему места уже не было. На рассвете 13 марта 1938 г. суд огласил приговор. Подсудимый Генрих Ягода признавался виновным, приговаривался к высшей мере наказания и подлежал расстрелу.

Как последний вздох обреченного — его обращение к высшей власти:

В Президиум Верховного Совета от приговоренного к в.м. Г. Г. Ягоды

Прощение о помиловании Вина моя перед родиной велика. Не искупить ее в какой-либо мере. Тяжело умереть. Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранить мне жизнь.

Г. Ягода 13.03.1938 г.

Президиум Верховного Совета СССР прошение отклонил. Надежды больше не оставалось.

Приговор был приведен в исполнение в подвале того же большого дома на Лубянке, где осужденный некогда чувствовал себя полновластным хозяином.

Фактическое падение Ягоды началось с момента организации волн «большого террора». Став соучастником строительства социализма по той модели, которая виделась Сталину, Ягода сам стал его жертвой.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ» НАРКОМ

В исторической памяти народа имя Николая Ежова стало нарицательным. «Ежовщина» — этим понятием обозначают сегодня свирепый режим тотального беззакония и произвола. Известны и так называемые «ежовые рукавицы» — выражение, весьма распространенное в 30-х гг. Сохранились плакаты тех лет: могучие руки в громадных рукавицах с железными гвоздями мертвой хваткой сжимают горло несчастного доходяги, видимо олицетворяющего гидру контрреволюции.

Впрочем, уже в те времена было у Ежова и еще одно имя, которое лишь весьма немногие решались произнести вслух, да и то шепотом. «Кровожадный карлик» — так называли этого человека не столько за низкий рост (около 154 м), сколько за патологическую жестокость.

Нельзя забывать, что Николай Ежов был сыном своего жестокого времени, которое не только сокрушало самые возвышенные натуры, но и порождало невероятно причудливые характеры. Именно в этом времени и попробуем отыскать истоки той дьявольской энергии, с которой этот невыразительный человек расправлялся со всеми, кто выделялся из толпы.

Путь наверх

Начало биографии Николая Ивановича Ежова не обещало не только головокружительной карьеры, но и просто заметного существования.

Родился в 1895 г. в бедной рабочей семье на окраине Петербурга. Получил лишь начальное образование. Продолжать его не стремился, да и возможностей не имел. С четырнадцати лет на заводе. Сменил несколько рабочих специальностей. В этой среде и формировались классовые инстинкты молодого пролетария.

Февральскую революцию встретил восторженно. Низвержение власть предержащих, разрушительный вихрь перемен, необузданную вольницу толпы принял сразу и безоговорочно. Вместе со всеми громил витрины фешенебельных магазинов на Невском проспекте, кричал на многотысячных митингах на Знаменской площади, бросал камни в сверкающие стекла петроградских дворцов.

В мае 1917 г. Н.Ежов становится членом РСДРП(б). После победы большевиков назначается военным комиссаром красноармейской части, участвует в гражданской войне. По возвращении с фронта направляется на партийную работу. В 1922 г. он уже секретарь Казахского краевого комитета РКП(б).

В 1927 г. Николай Ежов переводится на ответственную работу в Москву.

В период коллективизации он назначается заместителем наркома земледелия СССР. На этой должности энергичный замнаркома обнаружил

своеобразные организаторские способности, заметно выделявшие его среди других сотрудников наркомата.

В 1930 г. он назначается заведующим Распределительного отдела ЦК, а спустя некоторое время становится заведующим Отдела кадров ЦК ВКП(б). Перед Ежовым открываются новые перспективы. На горизонте явственно замаячил путь в высшие эшелоны власти. На XVII съезде партии в 1934 г. он избирается членом Центрального Комитета при ЦК ВКП(б). Через год он уже председатель этой комиссии. В феврале 1935 г. Ежов избирается секретарем Центрального Комитета партии. Ему поручают курировать правоохранительные органы.

В политической биографии сталинского выдвиженца начинается новая глава.

«Железный» нарком

В последние сентябрьские дни 1936 г. в большом доме на Лубянке царила паника. Назначение Ежова наркомом внутренних дел служащие центрального аппарата НКВД восприняли как большую личную трагедию. Его беспощадная жестокость, причем не только по отношению к недоброжелателям, но и к преданным ему людям, была хорошо известна. Сотрудники, связанные с опальным Ягодой, теперь сами оказывались под подозрением.

В первый же день своего появления на Лубянке новый нарком немедленно сменил здесь всю охрану. Сам же, разместившись в отдельном, левом крыле здания НКВД, принял такие меры предосторожности, словно готовился к длительной осаде. Бесчисленное количество вооруженных людей заняли все ближайшие и дальние подступы к кабинету наркома. К этому кабинету вели многочисленные замысловатые переходы с этажа на этаж. И на каждом переходе, каждом повороте, каждой лестничной клетке снова и снова проверяли документы, устанавливающие личность, осматривали личные вещи. Режим был усилен до такой степени, что даже ветераны ЧК не могли припомнить ничего подобного. Служащие наркомата замерли в тревожном ожидании.

В марте 1937 г. Ежов на оперативном совещании объявил о предстоящей инспекции местных органов НКВД. В разные концы страны одновременно командированы почти все начальники отделов центрального аппарата. Едва они успели выехать за пределы Москвы, как были арестованы на ближайших же станциях. Через два дня подобная операция была предпринята и в отношении других руководящих сотрудников наркомата.

С остальными и вовсе не церемонились. Их арестовывали прямо в служебных кабинетах. Но случалось, приходили и на квартиру. Как правило, ночью. Такая операция требовала определенной подготовки, поэтому планировалась лишь в отдельных, особо важных случаях. И, если однажды утром сотрудник не приходил на работу, а сослуживцам становилось известно о ночной драме, то ситуация считалась совершенно безнадежной — арестованный был заведомо обречен.

Ежовская чистка 1937 г. унесла жизни трех тысяч сотрудников НКВД. Многие из них действительно запятнали себя несмываемым грехом

истребления безвинных. Но воздаяние за преступление неизбежно превращается в противоположность, если осуществляется вне закона и суда. Именно так здесь и произошло. Правосудие уступило место очередному акту произвола.

Покончив с действительными и мнимыми врагами в центральном аппарате наркомата, Ежов приступил к чистке периферийных кадров.

Товарищу Сталину.

Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду Военной коллегии:

1. Список № 1 (общий).
2. Список № 2 (бывшие военные работники).
3. Список № 3 (бывшие работники НКВД).
4. Список № 4 (жены врагов народа).

Прошу санкции осудить всех по первой категории. Ежов.

На каждом из этих списков имеется резолюция: «За И. Сталин. В. Молотов».

Для правильного понимания смысла этого документа следует иметь в виду, что первой категорией осуждения считалась смертная казнь.

Приведенный документ отнюдь не является единичным или исключительным. Можно привести и другие образцы такого рода творчества Ежова.

Товарищу Сталину.

Посылаю списки арестованных, подлежащих суду Военной коллегии по первой категории. Ежов.

Резолюция на этом документе гласит: «За расстрел всех 138 человек. И. Ст., В. Молотов».

Еще один документ:

Товарищу Сталину.

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду: на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников — 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу.

20.VIII.38 г. Ежов.

На документе лаконичная резолюция: «За. И. Ст., В. Молотов. 20.08».

На закрытом заседании XX съезда КПСС Н.С.Хрущев назвал точную цифру: за время своего пребывания в должности наркома Ежов направил на утверждение Сталину 383 списка обвиняемых. Несложный арифметический

подсчет показывает, что каждый очередной список появлялся на рабочем столе генсека не позднее чем через день.

При Ежове деятельность так называемых «троек» получила новый мощный импульс. Их компетенция была значительно расширена как с точки зрения круга рассматриваемых дел, так и по характеру применяемых мер наказания.

30 июля 1937 г. Ежов подписал приказ о проведении *«массовых операций в отношении бывших кулаков, членов антисоветских партий, белогвардейцев, жандармов и чиновников царской России, бандитов, реэмигрантов, участников антисоветских организаций, церковников и сектантов, уголовников-рецидивистов».*

Согласно приказу, все указанные лица условно делились на две категории. К первой относились «наиболее враждебные из перечисленных выше элементов» и подлежали расстрелу. Все остальные образовали вторую категорию, для которой уготовливались тюрьмы и лагеря сроком от 8 до 10 лет.

Приказом наркома внутренних дел СССР от 30 июля 1937 г. был определен персональный состав «троек». Председателями назначались наркомы внутренних дел союзных и автономных республик, начальники краевых или областных управлений НКВД, членами — первые секретари ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов ВКП(б) и республиканские, краевые, областные прокуроры.

Не прошло и двух недель после издания этого приказа, как последовало новое, еще более крупное решение.

11 августа 1937 г. Ежов подписывает очередной приказ, согласно которому процедура осуждения еще более упрощалась. Теперь скорый суд уже вершили не только «тройки», но и «двойки». В их состав, согласно приказу, входили начальники органов внутренних дел и местные прокуроры.

Интересно, что этот приказ Н. И. Ежова санкционирован подписями И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и С. В. Косиора.

С этого момента вакханалия репрессий стала неуправляемой. «Тройки» и «двойки», словно соревнуясь в эффективности, с пулеметной скоростью решали судьбы людей. Число осужденных к высшей мере наказания стремительно росло. Службы, приводившие смертные приговоры в исполнение, работали с напряжением. Возникла даже проблема индустриализации методов уничтожения. И она была решена.

Лагерная эпопея

Лагеря и тюрьмы всегда были предметом особо пристального внимания Ежова. Приняв от Ягоды колоссальную по численности систему, новый нарком остался недоволен ее состоянием. Он считал, что режим здесь ослаблен, дисциплина низка, должные меры против нарушителей не принимаются.

Во все концы страны полетели предписания наркома значительно усилить меры наказания к «хулиганствующим заключенным в тюрьмах ГУГБ». За оскорбительные устные высказывания или письменные заявления заключенных, а также за иные оскорбительные действия (плевок, ругательства, попытки нанести оскорбление действием) предписывалось

заключать в карцер на срок до 30 суток, ужесточать режим содержания, переводить в тюрьму с более строгим режимом, предавать суду.

В одном из своих приказов от 8 февраля 1937 г. Ежов предписывал предать суду большое число «содержащихся в тюрьмах ГУГБ осужденных на разные сроки заключения, приславших мне в связи с введением нового тюремного режима и процессом оскорбительные заявления».

Методично и последовательно Ежов добивался ужесточения лагерного режима. При нем каждый заключенный ГУЛАГа знал: за три отказа от работы — расстрел. Подобная беспощадная кара санкционировалась лишь лагерной администрацией без какого-либо участия судебных органов.

Против столь неприкрытого произвола пытался возражать нарком юстиции СССР Н. В. Крыленко. Он, как известно, еще при Ягоде неоднократно обращал внимание высшего политического руководства страны на различные нарушения в системе ГУЛАГа. И Генриху Ягоде приходилось давать малоприветные объяснения.

Теперь же времена изменились. То, что можно было при Ягоде, не допускалось при Ежове.

Время триумфа

Громкие процессы вредителей, шпионов, диверсантов и других «врагов народа» вознесли Николая Ежова на вершину славы.

Еще не успели отзвучать здравицы по случаю присвоения ему специального звания генерального комиссара государственной безопасности, как последовало новое исключительное отличие. Город Сулимов Орджоникидзевского края переименовывался в Ежово-Черкесск.

17 июля 1937 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает решение о награждении Н. И. Ежова орденом Ленина «за выдающиеся заслуги в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий».

На октябрьском 1937 г. Пленуме Центрального Комитета партии Ежов избирается кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Некоторое время спустя сообщается о присвоении Школе усовершенствования командного состава пограничных и внутренних войск НКВД СССР имени Н. И. Ежова.

В декабре 1937 г. вся страна шумно отмечала двадцатую годовщину ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Газеты печатали крупные портреты Дзержинского и Ежова. В их честь слагались стихи, разучивались песни. Пионерские отряды соревновались за право носить их имена.

В обстановке всеобщего ликования по случаю знаменательной даты 20 декабря в Большом театре состоялось торжественное собрание. Вместе с Ежовым в президиуме сидели Молотов, Ворошилов, Каганович, Хрущев.

С основным докладом выступил Анастас Микоян. Не было таких превосходных степеней, которыми он не увенчал бы заслуги «талантливого» сталинского ученика и «любимца советского народа» Николая Ивановича Ежова. Докладчик призвал собравшихся «учиться у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у товарища Сталина».

Дружными аплодисментами встретил зал проникновенные слова оратора: *«Славно поработал НКВД за это время!»*

Во время избирательной кампании 1938 г. многие трудовые коллективы и общественные организации страны с энтузиазмом выдвигали своим кандидатом в депутаты Верховного Совета *«любимого сына советского народа, верного рыцаря революции, негибаемого большевика, кристально честного партийца, ближайшего соратника великого Сталина товарища Ежова Николая Ивановича».*

Первые признаки готовящейся замены Ежова на посту наркома были столь незаметны, что он сам поначалу не только не придавал им какого-либо значения, но даже воспринял как свидетельство заботы руководства страны об укреплении его положения на высоком посту.

Вначале состоялось назначение заместителем наркома внутренних дел А. П. Берия.

После этого новую должность получил и Ежов. В апреле 1938 г. он по совместительству назначается народным комиссаром водного транспорта.

Непосредственную связь между этими двумя назначениями нельзя было не заметить. Раздвоение функциональных обязанностей Ежова неизбежно создавало условия для сосредоточения руководства Наркоматом внутренних дел в руках его заместителя Берия.

Отныне роль Ежова в системе НКВД становилась номинальной.

Энергичный заместитель постепенно прибрал к рукам все реальные рычаги наркомовской власти. И даже представительские функции все более переходили к нему. Теперь уже и официальные документы, направляемые из высоких инстанций в НКВД, приходили на имя Берия, минуя Ежова.

Комиссару госбезопасности 1 ранга, зам. наркома внутренних дел СССР Берия.

В сентябре 1938 г. Военной коллегией Верховного суда Союза ССР в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Хабаровске и других городах осуждено: к расстрелу — 1803 человека, к тюремн. закл. — 389. Всего — 2192.

В. Ульрих.

Позднее в официальных документах перестали обозначать должность Берия (ведь она была не самой высокой в системе НКВД), ограничиваясь указанием его специального звания.

Комиссару государственной безопасности 1 ранга тов. Берия А. П.

За время с 1 октября 1936 г. по 30 сентября 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегий в 60 городах осуждено: к расстрелу — 30514 человек, к тюремн. закл. — 5643 человека. Всего — 36157.

15 октября 1938 г. В. Ульрих.

Подобного рода посланий, в которых руководители правоохранительных органов рапортовали о проделанной работе, становилось все больше. И принимал такие рапорты заместитель наркома Берия. Имя же его непосредственного начальника Ежова, номинально первого лица наркомата, даже не упоминалось.

Конец 1938 г. был ознаменован появлением сверхсекретного документа, не имеющего аналогов в нашей истории. Речь идет о приказе НКВД № 00827, подписанном комиссаром госбезопасности 1-го ранга Л. Берия. Этот приказ был направлен со следующим экстраординарным препроводительным письмом: «Рассылается для сведения членов бюро ЦК Нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов приказ НКВД от 27 декабря, утвержденный ЦК ВКП(б). Секретарь ЦК И. Сталин. 29 декабря 1938 г.» Первый и последний раз в нашей истории документ НКВД был разослан от имени партии. Положение, очевидно, было критическим.

Приказ, утвержденный Сталиным, гласит о том, что имеют место случаи вербовки агентов и осведомителей из числа ответственных руководителей партийных, советских и хозяйственных аппаратов и работников обслуживающего аппарата партийных органов. Формулировка «имеют место случаи», конечно, неточна, но не мог же Сталин открыто признать, что многие партийный и государственный лидеры самого различного уровня, в том числе и весьма высокого, стали «сексотами» и сам партийный аппарат все больше превращался в осведомительный придаток к органам.

А это уже было опасно и для самого вождя. Может быть, здесь крылась одна из главных ошибок Ежова, стоившая ему в конечном счете жизни.

Постановляющая часть кратка и категорична: *«Прекратить вербовки ответственных работников партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций, а также обслуживающего персонала партийных комитетов. Немедленно прекратить связь с агентами и осведомителями этой категории и сообщить им об этом с отобранием подписки. Личные и рабочие дела указанных выше категорий агентуры уничтожить в присутствии представителей рай(гор)комов и составить акт об этом. Сообщить об исполнении приказа специальной докладной запиской через десять дней».*

Наверное, не один агент из числа секретарей комитетов, парткомов и других крупных руководителей вздохнул с облегчением. В первые дни нового 1939 г. по всей стране горели папки с анкетами и доносами высокопоставленных сексотов.

Впрочем, запрет касался вербовки официальной, однако ничто не мешало доносить, так сказать, «по велению сердца».

24 сентября 1938 г. был арестован нарком внутренних дел Белоруссии Борис Берман. На допросе он показал, что в период 1937–1938 гг. наркомом внутренних дел СССР Ежовым и его заместителям Фриновским давались явно враждебные указания о решительной борьбе с мнимыми врагами народа, что повсеместно приводило к массовым арестам ни в чем не повинных советских граждан. По этому факту ни Ежов, ни Фриновский допрошены не были. В то

время их даже не поставили в известность о наличии таких показаний против них.

22 февраля 1939 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Б. Д. Бермана «за шпионаж и враждебную деятельность в органах НКВД» к высшей мере наказания. На следующий день приговор был приведен в исполнение. Тем самым, исключалась всякая возможность последующей проверки показаний Бермана путем очных ставок с Ежовым и Фриновским, постановки дополнительных вопросов и других следственных действий с участием осужденного наркома.

Дело Бориса Бермана оказалось первым, но не единственным сигналом о массовых арестах и других злоупотреблениях органов НКВД под руководством Ежова.

По этим фактам ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР еще 17 ноября 1938 г. вынесли совместное постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В этом документе констатировались многочисленные нарушения социалистической законности в деятельности НКВД.

Ежов поспешил отреагировать. 26 ноября он издает приказ о ликвидации внесудебных карательных органов при Наркомате внутренних дел. Этим приказом объявлялось об упразднении печально знаменитых «двоек» и «троек». Выпестованная Ежовым система внесудебной расправы разваливалась на глазах.

Приказ от 26 ноября оказался последним в карьере наркома внутренних дел Ежова. Несколько дней спустя все центральные газеты опубликовали официальное сообщение: *«Ежов Н. И. освобожден, согласно его просьбе, от обязанностей наркома внутренних дел с оставлением его народным комиссаром водного транспорта. Народным комиссаром внутренних дел СССР утвержден А. П. Берия».*

В истории НКВД началась новая глава.

Крах

Тем временем в кремлевских коридорах власти судьба Ежова была уже решена.

Его взяли на рассвете 10 апреля 1939 г. В кабинете у Ежова были спрятаны четыре пистолета. Один — в ящике письменного стола, другие — за книгами в книжных шкафах. Вероятно, он сильно боялся за свою жизнь, коль скоро прятал пистолеты в разных местах. Вообще, он имел много оружия.

Из описи изъятого при аресте. Пистолеты: «Вальтер» — 2 шт., «браунинг» — 2 шт., «маленький» — 1 шт. Винтовки и ружья — 5 шт. «Боевые патроны к ним». Да, еще «маузер» изъяли, «к нему 7 патронов». Видимо, нарком на случай атаки, решил отстреливаться до последнего патрона.

Нет сомнения в том, что Ежов жил на широкую ногу. Вещи у него изымались и в Кремле, и в кабинете наркома, и на даче.

Из одной только описи имущества, изъятого при аресте. Множество пальто, плащей, шинелей, 9 пар сапог, 13 гимнастеров, 14 фуражек и так далее.

Десятки дамских пальто, плащей, платьев, 48 кофточек, 31 шляпка. «Фигуры» мраморные, фарфоровые, медные, бронзовые — 34, «картины в рамках и под стеклом» — 29, портреты — 9 и т. п. И это только одна опись из трех. А в протоколе обыска при аресте еще значатся: «печатный материал-перевод книги Л. Фейхт-Вангер на 133 листах», название не указано, но, видимо, это «Москва 1937». «Книг врагов народа Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Каменева и другие — 103 шт.». «Альбомы со снимками врагов народа — 2 шт.» «Разные заметки на 84 листах и разорванная записка, изъятая из пепельницы».

Ежова провели через созданную им самим унижительную процедуру: сорвали знаки различия и ордена, раздели донага и тщательно осмотрели все естественные полости тела, срезали пуговицы с одежды и сняли шнурки с обуви. В тюремной камере этот низкорослый тщедушный человек уже ничем не напоминал всесильного повелителя Лубянки.

Нескончаемой чередой потянулись долгие дни и бессонные ночи одиночного заключения. Бывшему народному комиссару предъявили обвинение в руководстве заговорщической организацией в войсках и органах НКВД, в подготовке террористических актов против руководителей партии и государства, в планировании вооруженного восстания. Особый пункт обвинения — шпионаж в пользу иностранных государств. В начале следствия Ежова обвиняли в сотрудничестве с немецкой разведкой, в конце — фигурировали уже разведслужбы Великобритании.

Такая перемена в определенной степени была, очевидно, связана с изменением внешнеполитической ориентации СССР — переговоры о взаимопомощи с Великобританией и Францией (март–август 1939 г.) и подписание советско-германского договора о ненападении в августе того же года.

Но все эти колебания политического курса влияли на содержание предъявленного Ежову обвинения в шпионаже лишь в части указания конкретного государства, в пользу которого якобы действовал бывший нарком. Существо же обвинения в сотрудничестве с иностранной разведкой оставалось неизменным.

3 февраля 1940 г. на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР подсудимый Николай Иванович Ежов был признан виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

На рассвете следующего дня приговор был приведен в исполнение.

По рассказам очевидцев, в свои последние мгновения в глубоком сыром подвале Сухановской тюрьмы маленький тщедушный человек долго метался меж четырех стен, уворачиваясь от пуль. Но живым из этого подвала не выходил никто.

Питерский слесарь и казанский партработник Николай Ежов остался в истории и как палач, и как жертва. В античных деспотиях существовала традиция избавляться от палача, казнившего соперников тирана. Историческая память о беспощадных расправах над безропотными исполнителями жестоких приказов пережила века.

Но это не дано было знать недалевидному наркому.

ЧЕЛОВЕК В ПЕНСНЕ

О Лаврентии Берия написано много и почти ничего. Много — это чьи-то личные воспоминания и пересказы чужих впечатлений, всевозможные преувеличения и домыслы. Почти ничего — это правдивые документальные публикации.

А нужны ли они вообще? Стоит ли ворошить мрачное прошлое? Так ли уж необходимо помнить людям о событиях, связанных с преступной деятельностью Берии?

Ответы здесь однозначны: нужно, стоит, необходимо.

Л. П. Берия родился 17 марта 1899 г. в селении Мерхеули около г. Сухуми в бедной крестьянской семье. В 1915 г. он переехал в г. Баку, где в 1919 г. окончил строительно-техническое училище. В последующем он поступил в Политехнический институт, но окончил лишь 2 курса. С этим образованием он и прошел по жизни. Отец Берии — Павел Хухаевич, мать — Марта Ивановна, в семье была еще глухонемая сестра Лаврентия — Анна. В 1918–1929 гг. Берия работает в Грузии и Азербайджане в качестве техника, служащего тамошни. В 1921 г. назначается сначала заместителем начальника секретно-оперативного отдела Азербайджанской ЧК, затем начальником этого отдела — заместителем председателя АзЧека. В 1923 г. он переводится в ЧК Грузии, где работает до 1931 г. председателем ГПУ Грузии, председателем Закавказского ГПУ. С 1931 г. по 1938 г. Л. П. Берия на партийной работе, был первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), первым секретарем ЦК КП Грузии.

В автобиографии, которая имеется в личном деле, Берия часто делает упор на то, что уже в ранний период принимает активное участие в партийной жизни. Действительно, известное участие принимал, состоя в партии с 1919 г.. Но именно к этому периоду относится и такой его предательский шаг по отношению к партийным интересам, как служба в муссаватистской контрреволюционной разведке.

В 1920 г. Берия арестовывался сотрудниками ЧК Азербайджана. Этот факт он тщательно скрывал, не упоминая о нем ни в анкетах личного дела, ни в партийных документах, ни в автобиографиях. Более того, при пособничестве Багирова и с помощью Меркулова он изъял некоторые компрометирующие его материалы из партийных и чекистских архивов Азербайджана. Но все же оставались свидетели. Один из них — Н. Ф. Сафронов. 17 августа 1953 г. он дал следующие свидетельские показания. В двадцатые годы в течение более восьми лет Сафронов являлся сотрудником Грузинской ЧК, поэтому с Берией хорошо знаком. Именно Берия направил его в июне 1929 г. в командировку для временной работы в должности начальника учетно-статистического отдела Азербайджанского ГПУ. Прибыв к месту, Сафронов столкнулся с хаотичным состоянием дел в архиве. Возникла нужда провести переучет всех дел и сверку их наличия с учетными карточками. Однажды, спустившись в архив, где велась проверочная и сличительная работа, Сафронов услышал хохот своих помощников. Когда он поинтересовался, чем вызван смех, то ему показали дело, вернее, остатки дела, на обложке которого было написано «По обвинению

Берии Лаврентия Павловича». Сафронова это озадачило, поскольку Берия уже в то время занимал крупный пост — являлся председателем ГПУ Грузии и заместителем председателя Закавказского ГПУ. Забрав дело и «предупредив, чтобы не болтали», он принес тонкую папку вместе с алфавитной карточкой, которую изъясил из общесправочной картотеки учетно-статистического отдела, к себе в кабинет и начал знакомиться с ее содержанием.

Здесь находились два документа: анкета об аресте, заполненная рукой Берии, и письмо на бланке ЦК КП Азербайджана, подписанное одним из видных большевиков Закавказья Ваном Стурюа. Адресовалось оно председателю Азербайджанской ЧК, и в нем шла речь о якобы незаконном аресте Л. П. Берии, который в свое время оказывал содействие партийным организациям или отдельным членам партии.

«Никаких других документов в деле не было, — вспоминал Сафронов. — Как Берия освобожден, из дела ничего не было видно, так же как неизвестно, сколько он сидел как арестованный, когда и кем освобожден...»

Еще, будучи секретарем ЦК КП Грузии, Берия заявлял в 1937 г., что, если арестованный не дает нужных показаний, их нужно бить. С целью раздутия своего авторитета он давал также указания работникам правоохранительных органов добывать сведения у арестованных о том, что против него готовились террористические акты.

При просмотре 300 архивных дел в архиве МВД Грузинской ССР прокуратурой СССР обнаружено более 120 резолюций Берии на отдельных протоколах допроса и на бланках служебных записок. Они подтверждают, что в 1927–1938 гг. Берия выступил инициатором применения массовых незаконных арестов и незаконных методов следствия. Вот некоторые образчики его резолюций: «крепко излупить Жужанова Л. Б.», «всех проходящих арестовать», «основательно допросить», «допросить крепко», «взять крепко в работу», «взять в работу ... и выжать все», «арестовать...и взять в работу», «взять его еще в работу, крутит, знает многое, а скрывает», «т. Гоглидзе, надо взять крепко в работу. Он знает очень многое, но почти ничего не говорит», «надо его крепко размотать», «арестовать всех и крепко ими заняться», «надо нажать», «крепко прощупать», «надо разложить» и много других циничных указаний. Из многочисленных показаний арестованных по делу Берии видно, что резолюции типа «крепко допросить» или «основательно взять в работу» означали приказ о применении избиений и пыток.

Так, Кобулов откровенно объяснил, что следователи, читая упомянутые выше бериевские распоряжения, и зная о возможном приезде в НКВД «самого», боялись отклониться от строгого соблюдения этих распоряжений.

Они рьяно проявляли исполнительность, потом сочувственно говорил о своих приспешниках и подручных Кобулов, совершенно забыв о тех, кто действительно нуждался в сочувствии и сострадании, «чтобы не получить клейма «примиренца», «двурушника» и не быть самым привлеченным к ответственности. Настоящего советского суда, поверив во всемогущество своего главаря, они уже не боялись и творили неправо дело во имя раздувания популярности и авторитета Берии.

К большой должности в чекистских органах Л. П. Берия готовил себя давно. Еще 1 февраля 1922 г., заполняя анкету, он написал: *«Что касается работы в ЧК, меня таковая поглощает и желательно бы было для основательного изучения российских методов работы в органах ЧК командировать для работы в Центральную ВЧК»*. В период работы в Закавказье он был близок к Ягоде и Ежову, называл их в неофициальных письмах «дорогой Генрих» и «дорогой Коля».

Любопытная деталь. 5 марта 1937 г. объявляется постановление ЦИК СССР о присвоении имени Берия Л. П. Ленинанканскому пограничному отряду, а через четыре дня — 9 марта 1937 г. подобное постановление о присвоении имени Ежова Н. И. Славутскому Краснознаменному пограничному отряду.

Наконец-то цель, провозглашенная в приводимой записи 1922 г., через 16 лет была достигнута. В августе 1938 г. Берия становится первым заместителем Ежова, а через четыре месяца, в ноябре, сменил его на посту народного комиссара внутренних дел СССР.

С XVII съезда партии он член ЦК ВКП(б), после XVIII съезда (1939–1946 гг.) — кандидат в члены Политбюро, а затем член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б).

С 1941 г. и до конца своей карьеры Берия помимо должности наркома являлся заместителем Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, заместителем председателя Государственного Комитета Оборона и генерального комиссара государственной безопасности, а вскоре после окончания войны — Маршалом Советского Союза. С 1943 г. он Герой Социалистического Труда.

К 1949 г. на его груди уже четыре ордена Ленина, два ордена Красного Знамени и даже орден Суворова I степени, которым он был награжден, как сказано в Указе, «за образцовое выполнение специального задания правительства», а если говорить открыто, — за выселение народов Северного Кавказа и Крыма. Орден Суворова — за слезы обездоленных стариков, женщин и детей.

Заняв должность народного комиссара внутренних дел СССР, Берия назначил своих соратников по деятельности в Закавказье и в Грузии на ряд руководящих должностей. Так, Меркулов был назначен начальником ГУГБ и первым заместителем наркома, Кобулов — начальником экономического управления, Гоглидзе — начальником УНКВД в Ленинграде, Цанава — наркомом внутренних дел Белоруссии, Рапава — наркомом внутренних дел Грузии, Церетели — начальником отдела охраны НКВД СССР и т. д.

При Берии функции НКВД продолжали расширяться, щупальца органов проникали все глубже в тело страны. В 1938 г. наркомат принял в свое ведение Центральное архивное управление и все архивы на местах. Это привело к тому, что архивы стали еще более закрытыми.

О том, что Сталин и его подручные буквально утонули в репрессивных делах, свидетельствует хотя бы перечень постановлений ЦК ВКП(б), принятых по этим вопросам в одном только 1938 г.: «Об изменении структуры ГУГБ НКВД СССР» (28 марта), «Об изменении структуры ГУГБ НКВД СССР» (28 марта), «Об изменении структуры НКВД СССР» (13 сентября), «О структуре

НКВД СССР» (23 сентября), «Об учете, проверке и утверждении работников НКВД» (14 ноября), «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (совместно с СНК СССР 17 ноября), «О порядке согласования арестов» (совместно с СНК СССР 1 декабря).

Шесть постановлений за один год по репрессивным делам, причем неизвестно, является ли этот список исчерпывающим.

В двух последних названных постановлениях была сформулирована новая платформа работы. Так, постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» потребовало продолжать и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, но организовать ее при помощи более совершенных и надежных методов.

Среди недостатков, которые выявлены в работе органов НКВД и прокуратуры, названы следующие.

Работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительскую деятельность, предпочитая действовать упрощенным способом, путем массовых арестов, обсуждают вопросы о предоставлении «лимитов» для производства арестов.

В постановлении был осужден глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором следователь ограничивался получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботился о подкреплении этого признания показаниями свидетелей, актами экспертизы, вещественными доказательствами.

В постановлении признавалось наличие фактов извращения советских законов, совершение подлогов, фальсификация следственных документов, привлечение к уголовной ответственности невинных людей. Но все это в духе времени приписывалось тем врагам народа, которые пробрались в органы НКВД и прокуратуры.

Было запрещено производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, предписано производить аресты только по постановлению суда или с санкции прокурора. Ликвидировались внесудебные «тройки».

9 ноября 1939 г. НКВД СССР издает приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД», в котором предписывалось освободить из-под стражи незаконно арестованных по всей стране, установить строгий контроль за соблюдением всех уголовно-процессуальных норм и т. д.

Эти примеры можно было бы продолжить.

Однако общий настрой существенно не изменился, о чем, например, свидетельствуют такие слова из речи Л. П. Берии, помещенной в центральных газетах 15 марта 1939 г.:

«...В ходе дальнейшего победоносного движения нашей страны вперед по пути к коммунизму на органы НКВД возлагаются весьма ответственные задачи, ибо наша страна живет и развивается в окружении враждебных капиталистических государств, засылающих к нам шпионов, диверсантов и убийц. Подлые враги народа и впредь с еще большей ожесточенностью будут пытаться вредить, пакостить нам, мешать в осуществлении дальнейшей

программы строительства коммунизма. Окруженные вниманием и заботой партии и народ, беззаветно преданные нашей партии, Сталинскому ЦК ВКП(б), родному, любимому вождю товарищу Сталину, работники НКВД, очистив свои ряды от пробравшихся в них враждебных элементов и укрепив свои ряды проверенными кадрами, обеспечат разоблачение, разгром и искоренение всех врагов народа».

Судебный процесс над Берией еще раз подтвердил, что в 1939–1940 гг. арестованных продолжали избивать по его указанию. Он и лично избивал их. По показаниям Мамулова, в приемной Берии в письменном столе хранились резиновые палки и другие предметы для избиения.

Изыскивая способы применения различных ядов для совершенствования тайных убийств, Берия отдал распоряжение об организации совершенно секретной лаборатории, в которой действие ядов испытывалось на осужденных к высшей мере наказания. Ядами было умерщвлено не менее 150 осужденных.

Немалая роль в осуществлении репрессивных акций отводилась особому совещанию при НКВД СССР. С началом войны постановлением ГКО от 17 ноября 1941 г. в связи с напряженной обстановкой в стране особому совещанию при НКВД СССР было предоставлено право по делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР выносить меру наказания вплоть до расстрела.

Вот примеры деятельности этого органа в годы войны.

7 января 1944 г. нарком внутренних дел Л.Берия сообщал в ЦК ВКП(б) на имя Сталина о том, что особым совещанием при НКВД СССР 5 января 1944 г. рассмотрено следственных дел на 560 человек. В следующих сообщениях, которые направлялись с иезуитской методичностью, назывались такие данные: 8 января 1944 г. рассмотрено дел на 789 человек, 12 января — на 558 человек, 15 января — на 654 человека, 19 января — на 533 человека, 29 января — на 617 человек, 2 февраля — на 404 человека, 12 февраля — на 790 человек и т. д. Внизу каждого документа содержалась фраза о том, что все осуждены к разным срокам наказания, а в некоторых называлось число приговоренных к расстрелу.

Кроме того, в соответствии с постановлениями ГКО от 27 декабря 1941 г. и СНК СССР от 24 января 1944 г. все бывшие в окружении и плену военнослужащие Красной Армии через сборно-пересыльные пункты поступали в спецлагеря НКВД на проверку, откуда проверенные передавались для отправки в Красную Армию через военкоматы, частично на работу в промышленность, а частично арестовывались органами «Смерш».

Так, к 20 октября 1944 г. в такие спецлагеря НКВД поступило 354590 человек, из них после проверки возвращено в Красную Армию 249416, находилось в стадии проверки 51615, передано в промышленность и охрану 36630, арестовано органами «Смерш» 11566, убыли по разным другим причинам, в том числе в госпитали Наркомата обороны, и умерли 5347 человек.

Одной из наиболее горьких и сложных страниц в деятельности НКВД СССР военного времени под руководством Берии было переселение со своих мест

немцев из Поволжья, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар и других народов.

Закончив выселение народов Северного Кавказа, Берия сообщает Сталину, что в проведении операции принимало участие 19 тысяч оперативных работников НКВД, НКГБ и «Смерш» и до 100 тысяч военнослужащих внутренних войск. Выселено 650 тысяч чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев в восточные районы СССР.

Правда, было время, когда с тем же размахом Берия писал донесения Сталину и другого содержания. Вот одно из них:

Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра. ...Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет!

Л. Берия, 21 июня 1941 г.

Через два месяца после окончания Великой Отечественной войны 7 июля 1945 г. Берия вместе с Меркуловым и Хрущевым представили в ГКО на имя Сталина проект постановления СНК СССР о присвоении работникам НКВД, НКГБ генеральских званий, в том числе: генерал-полковник — 7, генерал-лейтенант — 51, генерал-майор — 143, а всего — 201 человек. Такое решение было принято, а самому Л. П. Берия 9 июля 1945 г. присваивается звание Маршала Советского Союза.

На посту председателя НКВД Берия пробыл в первый раз несколько более семи лет — с ноября 1938 г. по конец 1945 г.. С начала 1946 г. он передает дела НКВД СССР Н. С. Хрущеву, а сам целиком сосредоточивается на работе в Политбюро ЦК ВКП(б) (Президиуме ЦК КПСС) и Совнарком (Совмине) СССР, продолжая курировать и МГБ СССР и МВД СССР.

После смерти Сталина, имея далеко идущие планы по захвату власти в стране, путем всевозможных комбинаций Берия в четвертый раз объединяет МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство и с 15 марта 1953 г. снова становится министром внутренних дел СССР. Начинаются бурные дни.

В первую очередь его интересуют, конечно, кадры как главный элемент осуществления любой политики. По той же схеме, как и в 1938–1939 гг., он стремится срочно расставить на ключевых постах своих ставленников, освободившись от неудобных ему, хотя и честных работников.

16 марта 1953 г. Берия направляет такой вот документ.

ЦК КПСС. Хрущеву Н. С.

В связи с объединением органов бывшего МГБ и МВД, прошу утвердить министрами внутренних дел республик, начальниками краевых и областных управлений МВД (далее следуют 82 фамилии генералов и полковников с указанием должностей, на которые они назначаются).

В дальнейшем может оказаться необходимым сделать некоторые изменения в этом составе, независимо от этого представляемых товарищей необходимо утвердить.

Л. Берия.

В этой короткой записке весь Берия налицо и по тону ее, и по представлению списком 82 человек, и по характерной приписке, что все это лишь для проформы.

Далее Берия предпринимает ряд мер по разгрузке нового МВД от суетной и грязной работы. И действительно, если он поставил такие крупные цели, то зачем ему теперь в МВД многочисленные стройки, заключенные?

Берия еще не назначен министром, но в его кабинете уже 6 марта 1953 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов начал докладывать, какие в МВД СССР имеются главки и чем они занимаются. По мере доклада Берия давал указания С. Н. Круглову подготовить предложения о передаче всех строительных главков, находящихся в ведении МВД СССР, соответствующим министерствам, а ГУЛАГ передать в Министерство юстиции СССР, подчеркнув при этом, что в МВД СССР должен остаться только оперативный аппарат.

17 марта 1953 г. Берия подписывает записку по этим вопросам Председателю Совета Министров СССР с проектом постановления Совмина, а на следующий день с завидной быстротой постановления выходят в свет. В частности, была предусмотрена передача в Минюст СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний со всеми входящими в их состав службами, подразделениями и местными органами.

Торопится Берия реализовать и идею об амнистии осужденных. 24 марта 1953 г. он пишет записку в Президиум ЦК КПСС Хрущеву Н. С. Одновременно записка была разослана членам Президиума ЦК КПСС Маленкову Г. М., Молотову В. М., Ворошилову К. Е., Булганину Н. А., Кагановичу Л. М., Микояну А. И., Сабурову М. З., Первухину Г. М. Записка была краткой, деловой, всего на трех страницах с предложением проекта постановления Президиума ЦК КПСС в один абзац.

В записке члены Президиума были проинформированы о том, что к указанному времени в исправительно-трудовых лагерях и колониях содержится 2525402 заключенных, из них осужденных на срок до 5 лет — 590 тысяч, от 5 до 10 лет — 1216 тысяч, от 10 до 20 — 573 тысячи и свыше 20 лет — 188 тысяч человек.

«Из общего числа заключенных, — указано в документе, — количество особо опасных государственных преступников (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.), содержащихся в особых лагерях МВД СССР, составляет всего 221435 человек».

С учетом этого Берия предложил принять Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии. Проектом этого указа предусматривается освободить из мест заключения около 1 миллиона человек. Категории заключенных, которых предлагалось освободить, вроде бы особой опасности для населения не могли представлять: это осужденные на срок до 5 лет;

осужденные независимо от срока наказания за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления; женщины, имеющие детей до 10 лет, и беременные женщины; несовершеннолетние в возрасте до 18 лет; пожилые мужчины и женщины, а также больные.

Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии был принят 27 марта 1953 г. Подлежало освобождению из лагерей и колоний 1181264 человека.

Однако, когда пришло время реализации этого Указа и армада амнистированных ринулась на свободу, начав на своем пути ломать, бить, убивать, то простому человеку в который раз пришлось худо.

Чтобы и дальше сохранить видимость либерализации, в апреле 1953 г. Берия прекращает надуманное дело врачей, а в июне 1953 г. вносит предложение в Президиум ЦК КПСС об ограничении прав особого совещания при министре внутренних дел СССР. Однако это пятое колесо в телеге, позорное детище сталинского террора нужно было не улучшать, а упразднить, что и было сделано уже после Берии 1 сентября 1953 г.

С приходом вновь на пост министра внутренних дел, Берия стал активно вмешиваться в дела партийных органов. В печати можно прочесть, что тем самым он пытался поставить МГБ — МВД над партией.

На самом деле он давно уже это сделал, установив слежку за действиями работников партийных и советских органов, начиная с самых высоких инстанций. Так, при аресте у Берии изъяли папку, в которую он собирал компрометирующие материалы на руководителей партии и правительства. По некоторым неподтвержденным документами данным, начал эту работу еще Ежов, а затем ее продолжил Берия.

Расследование совершенных Берией преступлений продолжалось полгода, руководил этой работой Генеральный Прокурор СССР Р. А. Руденко. Вместе с А. П. Берией судили В. Н. Меркулова, министра Госконтроля СССР; В. Г. Деканозова, министра внутренних дел Грузинской ССР; Б. З. Кобулова, заместителя министра внутренних дел СССР; П. Я. Мешика, министра внутренних дел Украины; С. А. Гоглидзе, начальника 3-го управления МВД СССР; А. Е. Владзимирского, начальника следственной части по особо важным делам МВД СССР. И по уровню должностных лиц, и по числу участников, и по тяжести предъявляемых обвинений это был, пожалуй, самый крупный процесс над сотрудниками органов внутренних дел и государственной безопасности за всю историю их существования.

17 декабря 1953 г. «Правда» поместила сообщение «В Прокуратуре СССР», где говорилось, что закончено следствие по делу Берии, а также группы других заговорщиков. Суд над ними проходил в период с 18 по 23 декабря 1953 г.

Рассматривало дело Специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР в составе: председательствующего — Маршала Советского Союза И.С.Конева, членов: Председателя ВЦСПС Н.М.Шверника, первого заместителя Председателя Верховного суда СССР Е. А. Зейдина, генерала армии К. С. Москаленко, секретаря Московского обкома КПСС Н. А. Михайлова, председателя Совета профсоюзов Грузии М. И. Кучавы,

председателя Московского городского суда Л. А. Громова и первого заместителя министра внутренних дел СССР К. Ф. Лунева при секретарях А. С. Мазуре, М. В. Афанасьеве, В. И. Лапутине, В. М. Нартикове, М. А. Нащенкове.

Когда председательствующий на суде Маршал Советского Союза И. С. Конев задал Берии вопрос о том, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении, то Берия, в частности, сказал: *«Я должен заявить суду, что врагом народа я не был и не могу быть... Но должен сказать, что за период моей работы в Закавказье и в Москве мною было сделано много такого, что граничит с вражеской деятельностью... Одним из самых тяжких для меня обвинений является мое участие в муссаватистской контрразведке. Это обвинение я признаю полностью. Кроме того, должен признать, что, работая в Бакинском Совете в общей канцелярии после ухода большевистской власти, я остался в Баку. Есть ряд и других моментов из бакинского периода, которые меня порочат... Самым тяжким позором для меня как гражданина, члена партии и руководителя является мое бытовое разложение, безобразия и неразборчивая связь с женщинами... Пал я мерзко и низко. Я имел много связей с женщинами, подозрительными по шпионажу... Период 1937–1938 гг. в Грузии... Я действительно как секретарь ЦК партии Грузии давал прямые указания арестовывать и избивать людей. Я должен сказать Вам, что изменником и заговорщиком я никогда не был и не мог им быть. У меня и в мыслях не было, и я не помышлял даже, чтобы ликвидировать советский строй и реставрировать капитализм... Я никогда ни с какими иностранными агентами и контрреволюционными грузинскими меньшевиками связей в контрреволюционно преступных целях не имел. Всякие связи, какие у меня были, шли по линии МВД СССР...»*

В последнем слове Берия сказал: *«Я уже показывал суду, в чем я признаю себя виновным. Я долго скрывал свою службу в муссаватистской контрреволюционной разведке. Однако я заявляю, что, даже находясь на службе там, не совершил ничего вредного. Полностью признаю свое морально-бытовое разложение. Многочисленные связи с женщинами, о которых здесь говорилось, позорят меня как гражданина и как бывшего члена партии... Признаю, что я ответственен за перегибы и извращения социалистической законности в 1937–1938 гг., но прошу суд учесть, что контрреволюционных антисоветских целей у меня при этом не было. Причина моих преступлений в обстановке того времени. Моя большая антипартийная ошибка заключается в том, что я дал указание собирать сведения о деятельности партийных организаций и составить докладные записки по Украине, Белоруссии и Прибалтике. Однако и при этом я не преследовал контрреволюционных целей. Не считаю себя виновным в попытке дезорганизовать оборону Кавказа в период Великой Отечественной войны. Прошу Вас при вынесении приговора тщательно проанализировать мои действия, не рассматривать меня как контрреволюционера, а применить ко мне те статьи Уголовного кодекса, которые я действительно заслуживаю».*

В приговоре, объявленном 23 декабря 1953 г., Берия обвинялся в том, что он сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, которые ставили своей целью использовать органы внутренних дел против Коммунистической партии и Советского правительства, поставить

МВД над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

Став министром внутренних дел СССР в марте 1953 г, Берия начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие посты. Заговорщики принуждали работников местных органов МВД тайно собирать клеветнические данные о деятельности и составе партийных организаций, пытаясь опорочить работу партийных органов. Были приняты меры к активизации буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, разжиганию вражды и розни между народами СССР.

Был установлен шпионаж за руководством Коммунистической партии и Советского правительства.

Суд обвинил Берию и его соучастников и в том, что они совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых боялись разоблачений.

На протяжении ряда лет они производили аресты невиновных людей, от которых затем путем применения избиений и пыток вымогались ложные показания о совершенных или готовящихся контрреволюционных преступлениях.

Подсудимые лично избивали и истязали арестованных невинных людей, а также отдавали приказы о применении массовых избиений и истязаний арестованных подчиненными им работниками НКВД-МВД.

Они вымогали от арестованных ложные показания о якобы готовящихся террористических актах против Берии и его сообщников. Затем сфальсифицированные уголовные дела передавались на рассмотрение «Особой тройки» или «Особого совещания», которые выносили решения о расстрелах или лишении свободы ложно обвиняемых людей.

В приговоре, в частности, содержалось обвинение в том, что Берия и его сообщники строили свои преступные расчеты на поддержку заговора реакционными силами из-за рубежа, установили связи с иностранными разведками. Берия такие связи завязал еще в 1919 г., когда находился в Баку, поступил на секретно-агентурную должность в контрразведку муссаватистского правительства Азербайджана. В 1920 г., находясь в Грузии, он установил тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства.

В ходе следствия Берии было предъявлено обвинение в попытке сближения с Гитлером. Берия показал, что по заданию Сталина осенью 1941 г. он действительно пытался через другие страны прозондировать почву о том, на каких бы условиях Гитлер мог прекратить войну. В связи с этим в приговоре было записано, что в 1941 г. Берия пытался установить связь с Гитлером, предлагал уступить ряд территорий СССР, в 1943 г. пытался открыть врагу Главный Кавказский хребет, чтобы оккупировать Закавказье иностранцами.

Суд обвинил Берию и в аморальном разложении, указав, что Берия сожительствовал с многочисленными женщинами, в том числе связанными с

сотрудниками иностранных разведок. Берия совершал изнасилования женщин.

В связи со всеми тяжкими преступлениями суд приговорил всех подсудимых к расстрелу, указав, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

23 декабря 1953 г., когда приговор был объявлен, председатель специального судебного присутствия Маршал Советского Союза И. С. Конев отдал письменное распоряжение коменданту специального судебного присутствия генерал-полковнику П. Ф. Батицкому немедленно привести приговор в исполнение в отношении осужденного Л. П. Берии и представить акт.

На этом предписании, отпечатанном на машинке, сбоку чернилами написано: «Приговор приведен в исполнение в 19.50 23 декабря 1953 г. Батицкий». В деле представлен также рукописный акт, в котором сказано, что приговор приведен в исполнение П. Ф. Батицким в присутствии Генерального прокурора Р. А. Руденко и генерала армии К. С. Москаленко. Под актом подписи всех этих трех лиц.

Приговор в отношении других шести осужденных приведен в исполнение чуть позже — в 21.20 того же дня. Его привели в исполнение заместитель министра внутренних дел Лунев и заместитель Главного военного прокурора Китаев.

Так закончилась физическая жизнь одного из наиболее одиозных наркомов внутренних дел СССР.

ЛАВРЕНТИЙ — 2

Цанава (Джанжгава) Лаврентий Фомич (1900—12.10.1955). Народный комиссар внутренних дел БССР с 17 декабря 1938 г. по 9 марта 1941 г. Уроженец села Хут-Сопели Гегечкорского района Грузии. Грузин. Генерал-лейтенант. С 9 марта 1941 г. по июль 1941 г. — народный комиссар госбезопасности БССР. 20 июля 1941 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР был назначен начальником особого отдела Западного фронта и руководителем оперативно-чекистской группы НКВД по БССР с июня 1943 г. по 18 марта 1946 г. — нарком госбезопасности БССР, с 18 марта 1946 г. по 3 ноября 1951 г. — министр госбезопасности БССР. Позднее откомандирован для работы в МГБ СССР. 4 апреля 1953 г. арестован и, находясь в заключении, умер (по другим сведениям, покончил жизнь самоубийством) 12 октября 1955 г.

В начале «славных дел»

Называя имена рядовых палачей мы не имеем права не уделить внимание одиозной фигуре «Лаврентия II», хотя бы потому, что Цанава в отличие от своих предшественников, продержавшихся в кресле наркома НКВД от двух месяцев до года, восседал в нем с конца 1938 г. до начала войны и затем еще семь послевоенных лет.

На совести этого услужливого подручного Сталина и Берии — тысячи человеческих жизней. По подсчетам историков, в первый год пребывания

Цанавы в Белоруссии по политическим обвинениям было арестовано 27 тысяч человек. Одного за другим убирал «Лаврентий II» руководителей республики. И не только контролировал, направлял следствие, но и не гнушался лично допрашивать арестованных, используя весь арсенал опробированных ранее методов и средств.

Из анкеты генерал-лейтенанта Л. Ф. Цанавы: 1900 г. рождения, отец — крестьянин-бедняк, образование — окончил сельское начальное училище, общеобразовательные курсы в Тифлисе. До назначения в Белоруссию — на чекистской, партийной и хозяйственной работе в Грузии, в том числе заместитель председателя лимонно-мандаринового треста, начальник «Колхид-строя». Награды: 3 ордена Ленина, 3 — Красного Знамени, орден Суворова 1 степени, 2 ордена Кутузова 1 степени, боевые ордена Монголии, Польши, медали — всего около 30 наград.

Сохранился в архиве список депутатов Верховного Совета БССР первого созыва. Напротив фамилии Цанавы карандашом помечено: «Друг Берии», который, добавим, был еще и «крестным отцом» «Лаврентия II» — однажды посоветовал Л. Ф. Джанджгаве поменять его труднопроизносимую фамилию на более благозвучную. А еще раньше он спас Цанаву от тяжкого позора.

В 1922 г. во время партийной регистрации тому не возвратили партийный билет, что фактически означало его исключение из партии. Позже Цанаву сам напишет об этом эпизоде так: *«В бытность начальника политбюро ЧК в Г. Телави в 1922 г., в период разгара борьбы с национал-уклонистами, последними было выдвинуто против меня обвинение якобы в незаконном уводе девушки. Дело было расследовано органами ЧК, и в 1923 г. я был оправдан вовсе».*

Девушку он действительно «умыкнул», и несдобровать бы Цанаве, если бы не выручил выдвинутый в заместители начальника ЧК Грузии Л. Берия. Цанаву в партии восстановили, и с этого времени стал он верным слугой Лаврентия Павловича.

Поднимался вверх по ступеням политической карьеры патрон и тащил за собой единомышленника и холоуя. Теперь понятно, почему всего через неделю после назначения Берии наркомом внутренних дел СССР в декабре 1938 г. такой же пост в Белоруссии получил Цанаву. Правда, для этого ему самому пришлось арестовать, как мы уже говорили, своего предшественника — А. Наседкина, в хорошем темпе провести следствие и через месяц отправить на расстрел. В полном соответствии с выдвинутой великим вождем формулой об обострении классовой борьбы.

Этот лозунг, судя по всему, стал для Цанавы подлинным откровением, потому что наилучшим образом отражал понимание им действительности, которая делилась им на «своих» и «врагов». А врагов, естественно, надо уничтожать и бояться.

Наверное, этой логикой руководствовался Цанаву, когда настойчиво вдохновлял своих подчиненных на выбивание «чистосердечных признаний», а затем подписывал смертные приговоры многочисленным «шпионам» и «террористам», и когда создавал вокруг своей персоны завесу секретности, подозрительной настороженности, а каждый выход «в люди», будь то

футбольный матч или предвыборная встреча с избирателями, обставлял как боевой поход с привлечением множества переодетых и в форме сотрудников НКВД, готовых жизнь положить во здравие родного шефа, уберечь от любого посягательства.

В наркомате Цанава всех держал в «ежовых рукавицах», насаждал жесткую палочную дисциплину. Многие бывшие его коллеги, дававшие показания в последующие годы, охотно и подробно рассказывали о его грубости и жестокости, о том, что ему ничего не стоило прилюдно оскорбить, унижить человека, плюнуть ему в лицо и даже ударить. Малейшее ослушание расценивалось не иначе как «вредительство» и чревато было непредсказуемыми последствиями.

Свидетели привели такой факт: Цанава отдал под суд и «упек» на 10 лет сержанта из личной охраны, отказавшегося поливать деревья в его саду. Крутой, деспотичный нрав превращал работу с ним в настоящую пытку. За пять послевоенных лет у него сменилось 22 секретаря — угождать Цанаве было большим искусством. И в то же время он откровенно раболепствовал перед «сильными», «вышестоящими». Очевидцы вспоминают, что, отвечая на московский звонок, непременно вскакивал и стоял, вытянувшись «в струнку», в течение всего разговора.

Суммируя факты, анализируя детали поведения этого тирана и плебея, приходишь к выводу, что служил он не делу, а лицам, стараясь во всем подражать им, неукоснительно следовать их советам.

Как и Берия в Москве, Цанава «внедрял» в партийные органы и государственные учреждения своих соглядатаев. Осведомители, как правило, всю собранную информацию, весь компромат поставляли ему лично. Множились «досье» на руководителей республики, и хотя с 1937 г. некоторые втайне только вздыхали, процветали те же методы тотальной слежки, доноительства и оговоров. По-прежнему в ходу были откровенно сфабрикованные материалы, лжесвидетельства, инсинуации.

Подтвердим этот вывод на примере «Дела Саевича», получившего в республике широкий резонанс. Нарком просвещения БССР Платон Васильевич Саевич был арестован по приказу Цанавы как «ярый троцкист, имевший связи с белой эмиграцией». Возьмите том Белорусской Советской энциклопедии и вы прочтете, что П. В. Саевич — член партии с 1917 г., участник Октябрьской революции и гражданской войны, ректор сельскохозяйственной Академии и Коммунистического университета Белоруссии, член ЦК КП(б)Б и ЦИК БССР, известный ученый. И как же, оказывается, легко было сломать, уничтожить человека, абсолютно беззащитного перед необузданной силой бесконтрольной власти и беззакония.

Выбить из Саевича нужные показания оказалось делом техники, которую позднее в реабилитационных документах назовут «применением недозволенных методов следствия». Правда, наркома не расстреляли, не то было уже время, но надолго упекли в далекие лагеря. Вернулся он оттуда уже после смерти Сталина, больной, изможденный и вскоре умер.

Уже в 1940 г. заслуги наркома внутренних дел Беларуси были оценены первым орденом Ленина. После того как части Красной Армии вместе с

гитлеровцами провели совместный военный парад в Бресте, Цанава занялся развертыванием аппарата НКВД и сети доносчиков в Западной Беларуси. Пленные офицеры польской армии под охраной конвоя войск НКВД отправлялись в места будущих расстрелов.

Цанаве выпала и неблагодарная работа по чистке самого НКВД — многие чекисты пошли по тому конвейеру смерти, который создали своими руками.

Когда началась война, сотрудники НКВД вывозили архивы, одних заключенных по политическим мотивам расстреливали на месте в тюрьмах, других сгоняли в колонны и гнали на Восток. Конвоиры имели приказ за подписями Пономаренко и Цанава: «в случае невозможности обеспечить охрану контингента» — расстреливать заключенных на месте. В июне 1941 г. дороги из Вилейки на Полоцк и из Минска на Червень были усеяны сотнями трупов «врагов народа».

Особые отделы, которыми командовал Цанава на Западном, а потом на Центральном фронтах, продолжали делать тоже самое, что творили энкаведисты в довоенные годы: воевали всеми силами и средствами со своим народом.

За свою деятельность Цанава был награжден еще двумя орденами и медалями и тридцатью другими орденами и медалями.

В характеристике, утвержденной бюро ЦК, говорилось, что Цанава «активно участвовал в работе ЦК КП(б) в деле развития партизанского движения». Спецгруппы, подготовленные НКВД, забрасывались в немецкий тыл для организации вооруженного сопротивления. Их отличали жестокое отношение к местному населению, взаимные подозрения, слежка одно за другим, доносы, необоснованные аресты и расстрелы на месте, издевательство над местным населением.

В официальной истории партизанского движения имя Цанавы не значится, несмотря на то, что именно под его «авторством» в 1949 г. вышло первое полное описание партизанского движения в Беларуси в двух томах под названием «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков». Основными разделами книги в частности, были: «Призыв товарища Сталина к всенародной Отечественной войне», «Партия большевиков — организатор всенародной борьбы и побед», «Колхозы — большевистская крепость» и др.

15 июля 1953 г. приказом Главлита БССР было предписано «конфисковать из библиотек общественного пользования и книготорговли первую часть книги Цанава Л. Ф. «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков», Минск, 1950 г.. 10000 экземпляров, 342 страницы». Конфискации подлежали и 60000 экземпляров двухтомника на русском языке.

Пленум

Июньский (1953 г.) пленум ЦК КПБ благодаря журнальным публикациям теперь известен тем, что он, вопреки давлению из центра (за этим улавливалась одиозная фигура Берия) отстоял первого секретаря ЦК Н. С. Патоличева и сумел с достоинством выйти из непростой ситуации, которая

вначале оптимизма не вселяла и могла в любую минуту окончиться трагически.

Но вот через месяц снова собрался пленум и внес в предыдущее постановление существенные изменения и уточнения. Это связано с тем, что преступные антигосударственные действия Берия получили уже официальную огласку. По его делу в партийные комитеты было направлено письмо ЦК КПСС, вызвавшее большой интерес у коммунистов. Естественно, не оставил без внимания эти вопросы и июльский пленум Центрального Комитета Компартии Белоруссии. Выступивший на нем с докладом первый секретарь ЦК КПБ Н. С. Патоличев на конкретных примерах раскрыл истинное лицо Берия. В целях захвата власти в стране он шел на все: сеял разлад и подозрения, на неудобных работников собирал компрометирующие материалы, фабриковал «дела».

Его «излюбленным приемом» стал тенденциозный подбор разного рода негативных фактов о работе местных партийных организаций, которые затем ложились в основу записок в Президиум ЦК КПСС. По ним принимались решения, делались организационные выводы, коммунистов исключали из партии. Немало из них было затравлено, унижено, а то и просто уничтожено.

В прениях по докладу выступили 18 человек. Все они говорили о тяжелых последствиях для республиканской парторганизации враждебной деятельности Берия и его ставленника в Белоруссии Цанавы.

Влияние Цанавы было связано не только с его высоким положением как министра внутренних дел республики, члена Бюро ЦК КПБ, но и с царившими тогда нравами.

Вот, что говорил Н. С. Патоличев: *«Белорусская партийная организация на себе испытала вредность и опасность приемов, применяемых в свое время Цанавы. На партийном собрании МВД тов. Мостицкий заявил, что Цанавы ему лично давал задание опорочить первого секретаря Молодечненского обкома тов. Климова. Цанавы сфабриковал клеветнические материалы на товарища Притыцкого, когда он работал первым секретарем Гродненского обкома. На пленумах и партийных собраниях коммунисты критиковали обкомы и Центральный Комитет КПБ за то, что они мирились с подобными вредными действиями отдельных работников МВД».*

Эпилог

В конце июля 1953 г. из Минска в ЦК была отправлена правительственная телеграмма с просьбой лишить Цанаву полномочий депутата Верховного Совета СССР и БССР. Еще через две недели пленум ЦК КПБ лишил полномочий депутата Верховного Совета БССР и Лаврентия номер один — Берия.

За два года до этих событий Цанавы был переведен в Москву на должность заместителя министра госбезопасности Абакумова. Пробыл он на Лубянке недолго.

С КОНФИСКАЦИЕЙ СУДЬБЫ...

24 января 1942 г., в субботу, около 16 часов в лагере «Лесорейд» (Воркутлаг), который располагался в шести километрах от села Усть-Уса в Коми АССР, произошло восстание. Правду об этом трагическом событии мы узнали совсем недавно.

В Коми АССР перед войной количество заключенных вдвое превышало гражданское население. Лагерный режим все больше ужесточался. Это, прежде всего, было по заключенным с 58-й статьей («контрреволюционные преступления»). В отличие от остальных категорий заключенных, они с началом войны лишались даже возможности пойти на фронт и погибнуть там.

Лагерь «Лесорейд» был небольшим как по масштабам производства, так и по численности заключенных. Всего их здесь значилось 193 плюс 27 человек вольнонаемных. Две трети были осуждены по 58-й статье. Работали на заготовке древесины для рудостойки, шпал.

Здесь содержался бывший нарком просвещения Беларуси В. Пивоваров, прошедший через страшные пытки двухлетнего следствия в минской внутренней тюрьме НКВД. На обеих руках у него мучители вырывали ногти.

Вплоть до последнего времени имя этого человека категорически запрещалось вспоминать под любым предлогом. Что же это за загадочный человек? Вот — справка из историко-документальной хроники «Память. Рогачевский район». Мн., 1991:

«Пивоваров Владимир Иванович (1904–1941), нарком просвещения БССР. Родился в 1904 г. в деревне Семеновка Рогачевского района. Член КПСС с 1931 г. В 1924 г. после окончания Рогачевского педагогического техникума работал учителем, директором семилетней школы в Мозырском районе. В 1930 г. окончил физико-математический факультет БГУ. В 1930–1932 гг. — аспирант АН БССР. В 1935 г. окончил аспирантуру при АН СССР. Защитил кандидатскую диссертацию по разделу «Геофизика». В последующие годы работал старшим научным сотрудником физико-технического института АН БССР. С 29 октября 1937 г. — нарком просвещения БССР. 2 июля 1938 г. арестован. 28 января 1940 г. исключен из членов КП(б)Б, решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 мая 1940 г. осужден на 15 лет исправительно-трудовых работ. Умер 28 августа 1941 г. Реабилитирован 25 декабря 1954 г.».

Массовому читателю практически ничего не известно о фактах массового сопротивления режиму ГУЛАГа. А ведь именно осенью 1941 г. в знак протеста против действий лагерной администрации произошел ряд первых выступлений заключенных.

Осенью 1941 г. в «Лесорейде» возник заговор. По материалам следствия НКВД и лагерной администрации, его инициаторами стали так называемые «троцкисты» и «эсеры». Идейнными вождями следует считать В. Пивоварова и бывшего управляющего «Комилес» А. Макеева.

Они стали искать единомышленников. Первый раз на организационное собрание заговорщики собрались в декабре 1941 г. По их мнению, за восставшими должны были пойти и влачившие голодное существование

колхозники. Собирались еще несколько раз. Создали штаб восстания и назначили его срок: январь 1942 г. Повстанцы выработали такую программу действий:

1. Освобождение из лагерей и тюрем всех заключенных.
2. Вовлечение на сторону восставших трудящихся и спецпереселенцев, а также местного населения.
3. Создание на основе добровольного набора вооруженной армии для отправки на фронт.
4. Немедленное развитие частной собственности и роспуск колхозов.

Восстание должно было начаться одновременно в «Лесорейде» и в лагпункте Поле-Курья. После объединения повстанцы намеревались захватить райцентр Усть-Уса, отсюда по радию предъявить ультиматум об освобождении всех заключенных Воркутлага, а в случае отказа двигаться группами на Воркуту, Инту, Котлас, освобождая заключенных.

Восстание началось в субботний день 24 января 1942 г. и это было первое в истории ГУЛАГа вооруженное выступление. Свободные от дежурства охранники собрались в баню. Стоило захлопнуться банной двери, как по строго разработанному В.Пивоваровым плану восставшие разоружили стрелка охраны, а затем, проникнув в казарму, и дежурного.

Вооружившись, группа заключенных направилась к бане, и стрелков перевели под замок в овощехранилище.

Открыли зону. Восставшие отправились по баракам и начали агитировать примкнуть к ним. Открыли продовольственный и вещевой склады. Всем повстанцам были выданы новые полушубки, валенки, бушлаты, брюки, шапки, рукавицы. Из гужевого транспорта был организован обоз на восьми подводах.

Часть заключенных, в основном неполитические, не поддались на уговоры участвовать в восстании, разбежались по углам в зоне и за ее пределами.

Тем временем в «Лесорейде» из 141 человека, одетого и обутого в новое обмундирование, окончательно согласились на выступление 109. Согласившиеся двинулись на Усть-Усу.

Первым нападению подверглось здание камеры предварительного заключения. Повстанцы освободили 38 человек. 12 их них согласились к ним примкнуть. А в это время другая группа повстанцев подступала к зданию почты. К вечеру здание было уже в их руках.

Еще одна группа повстанцев пыталась захватить аэродром, где в это время находились два самолета. Но охрана встретила повстанцев огнем. Те вынуждены были отступить.

Своего апогея бой достиг у здания милиции. Несли потери и повстанцы. Чудом через радиобюро управления пароходства в Сыктывкар ушла телеграмма о восстании. Усиливался бой за здание милиции. Увеличивалось и количество его защитников: подошли еще 16 бойцов военизированной охраны

пароходства. Стрельба не утихала ни на минуту. Все чаще окровавленные люди стали появляться и на пороге больницы.

День 24 января шел на убыль. После полуночи на помощь усть-усинцам прибыли 15 стрелков из Поле-Курьи. Перевес сил склонился на сторону обороняющихся. Почувствовав это, повстанцы отступили и на десяти подводах двинулись вверх по Печоре. Отступление больше напоминало бегство, в результате большая часть повстанцев в разных концах села была брошена на произвол судьбы. На следующий день все оставшиеся в живых повстанцы в сорокоградусный мороз были поставлены перед зданием милиции на колени. Было приказано держать руки на затылке. На коленях же их заставили доползти до тюрьмы.

Поздно ночью 25 января о восстании стало известно и в наркомате внутренних дел Коми АССР. Сразу же в кабинет наркома С.Кабакова был созван весь оперсостав наркомата. На следующий день по указанию наркомата в Усть-Усе был установлен комендантский час. А во всех населенных пунктах бассейна реки Печоры на территории республики были организованы посты наблюдения. К примеру, в Абези на это дело мобилизовали даже школьников. В их числе был и ученик седьмого класса Олег Ефремов, известный актер и режиссер (отец Олега, Николай Иванович, отбывал здесь заключение).

Строжайший, какой только возможен, режим был установлен и в лагерях. Чтобы среди заключенных уловить даже шепот, даже намек о восстании, была задействована вся лагерная агентурная сеть.

Но еще долго в печорской тайге уничтожали оставшиеся разрозненные группы повстанцев, которые продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. А после поражения началась кровавая расправа. Убивали живых и добивали раненых, не щадя никого. В. Пивоваров и оставшиеся в живых руководители восстания были доставлены в сыктывкарскую тюрьму НКВД. В течение двух месяцев шло следствие. 30 марта 1942 г. по постановлению Особого совещания НКВД СССР 26 участников восстания, в том числе и В. Пивоваров, были расстреляны.

Прошли годы. Жена и дочь Владимира Ивановича, по известным причинам, перед войной вынуждены были уехать из Белоруссии на постоянное место жительства в г. Волжский Волгоградской области. Неоднократно Евгения Ивановна посылала письма на имя Сталина, Калинина, Берии с просьбой сообщить, где находится ее муж. Неоднократные обращения в ГУЛАГ ни к какому результату не привели.

Зато после каждого обращения ее вызывали в МГБ и предлагали оформить развод.

В 1953 г., сразу после смерти Сталина, — вновь обращение в прокуратуру с просьбой о реабилитации мужа.

25 декабря 1954 г. дело по обвинению Пивоварова Владимира Ивановича было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР. Приговор Военной коллегии от 29 мая 1940 г. в отношении Пивоварова В. И. по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен, и дело за отсутствием состава

преступления прекращено (и ни слова о приговоре Особого совещания НКВД СССР от 12 марта 1942 г.).

После «пересмотра» дела семья получила «свидетельство» о смерти, выданное отделом ЗАГС города Волжского, в котором было указано, что Пивоваров В. И. умер 28 августа 1941 г. в возрасте 37 лет. В графе причина смерти — умер от паралича сердца. Место смерти — неизвестно.

СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО ЛИЦЕДЕЯ

13 января 1948 г., в Минске был убит Соломон Михоэлс — руководитель Государственного еврейского театра, народный артист СССР. Обстоятельства его смерти теперь известны, хотя официального расследования до сих пор не было и имена убийц не названы.

Начало

В маленьких городах и местечках на западе и юге России жили кровельщики и портные, сапожники и стеклодувы. В большинстве это были евреи, и жить им разрешалось за так называемой чертой оседлости. Мрачная тень средневекового гетто оставляла неизгладимый след на жизненной философии и образе существования евреев в Российской империи.

Шлема Вовси родился 16 марта 1890 г. в Двинске в семье мелкого разорившегося лесопромышленника. Еще в детские годы у будущего артиста СССР Соломона Михоэлса возник интерес к театру. В 1905 г. он поступил в реальное училище в Риге. Учеником 3-го класса Михоэлс впервые увидел настоящий профессиональный театр — русский и еврейский. Мешало не отсутствие способностей и знаний. Путь вверх пресекала пресловутая “процентная норма” для евреев, установленная царскими хранителями культуры. И только в 1915 г. Михоэлс был принят на юридический факультет Петроградского университета.

Михоэлс не стал юристом. Но годы, проведенные в университете, не прошли даром — за это время он постиг все богатство русской разговорной речи. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, если бы в холодном Петрограде 1919 г. он не узнал, что молодой режиссер А. Грановский задумал создать первую еврейскую театральную студию. Вскоре Шлема Вовси стал ее учеником. В 1921 г. петроградцы объединились с москвичами, и в Москве открылся камерный еврейский театр. Стены театра были расписаны будущей всемирной известностью художником М. Шагалом.

В 1927 г. Михоэлса ждал триумфальный успех в спектакле «Путешествие Вениамина III». С первых дней открытия Государственного еврейского театра Михоэлс входил в его труппу, в 1929 г. стал художественным руководителем этого творческого коллектива.

1934 г. был особенным в творчестве Михоэлса-режиссера и актера. Он начал работать над «Королем Лиром». Этому сопутствовали смерть первой жены, другие тяжелые жизненные обстоятельства.

1941 г. застал Михоэлса в Москве. Он был убежденным антифашистом. Он ненавидел гитлеровцев, как мог их ненавидеть руководитель советского театра и интеллигент. Именно поэтому Михоэлс возглавил Еврейский

антифашистский комитет (ЕАК), созданный в феврале 1942 г. ЕАК содействовал упрочению союза между СССР и США против гитлеровской Германии.

В 1943 г. Сталин послал С. Михоэлса вместе с поэтом И. Фефером в поездку по США, Канаде, Великобритании и Мексике. Огромна роль С. Михоэлса в росте симпатий к сражающейся против Гитлера Советской Армии. 48 тысяч человек в США пришли на стадион Пола Граунд слушать Михоэлса. Шквал рукоплесканий завершал каждое его выступление.

В Америке Михоэлс встречался с Альбертом Эйнштейном, Теодором Драйзером, Эптоном Синклером, Полем Робсоном, Чарли Чаплиным. И если в США нашлись деньги и команды, чтобы отправлять караваны судов с техникой и продовольствием на Мурманск и Архангельск по ленд-лизу, то в этом была немалая заслуга С. Михоэлса и всего ЕАК.

Михоэлс, однако, признавал, что после победы он уже больше не нужен Сталину, так как «вождь народов» кардинально менял советскую национальную политику. Тучи сгустились над головой Михоэлса. Уже готовились увольнения журналистов и редакторов, театральных деятелей, врачей, инженеров — евреев по национальности. Было ясно, что Михоэлс, носящий на груди орден Ленина, советский режиссер и антифашист, никогда бы с этим не смирился.

12 октября 1946 г. Министерство госбезопасности СССР направило в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) тогда же была организована проверка деятельности ЕАК.

В записке об итогах проверки, адресованной в ЦК ВКП(б), говорилось о том, что члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, а рассказывая в буржуазных изданиях о жизни советских евреев, преувеличивают их вклад в достижения СССР, что следует расценивать как проявление национализма.

Подчеркивалось, что комитет явочным порядком развертывает свою деятельность внутри страны, присваивает себе функции главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами.

В результате делался вывод о том, что деятельность комитета вышла за пределы его компетенции, приобрела несвойственные ему функции и поэтому является политически вредной и нетерпимой. В связи с этим было внесено предложение о ликвидации ЕАК. Записка аналогичного содержания была направлена М. А. Сусловым 26 ноября 1946 г. И. В. Сталину.

26 марта 1948 г. МГБ СССР направило в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР еще одну записку «О Еврейском антифашистском комитете», в которой указывалось, что руководители ЕАК являются активными националистами и проводят антисоветскую националистическую работу, особенно проявившуюся после поездки С. М. Михоэлса и И. С. Фефера в 1943 г. в США, где они вошли в контакт с лицами, связанными с американской разведкой.

20 ноября 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором говорилось:

Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР:

Бюро Совета Министров ССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить «Еврейский антифашистский комитет», т. к. показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки.

В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать.

Установлено, что прямую ответственность за незаконные репрессии лиц, привлеченных по «делу Еврейского антифашистского комитета», несет Г. М. Маленков, который имел непосредственное отношение к следствию и судебному разбирательству. 13 января 1949 г. он вызвал к себе С. А. Лозовского и в процессе длительной беседы, на которой присутствовал председатель КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятов, домогался от С. А. Лозовского признания в проведении им преступной деятельности.

В этих целях Г. М. Маленковым было использовано направленное И. В. Сталину 5 лет назад — 15 февраля 1944 г. за подписью С. М. Фефера (членом ЕАК) и отредактированное С. А. Лозовским письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики.

Как это было

Тайну гибели Михоэlsa раскрыл Берия, назначенный после смерти Сталина министром внутренних дел СССР. Берия решил стать новым мессией в области культуры. Объявить себя организатором еврейского театра. На это Берия решился, вступив в должность министра внутренних дел СССР.

Когда на допросе 10 июля 1953 г. его спросили, какое отношение к нему имели вопросы восстановления еврейского театра и издания еврейской газеты, он ответил, что в организации театра и издания газеты *«мы по линии МВД были заинтересованы... Мое отношение к этим вопросам было с позиции освещения настроений интеллигенции»*.

При этом, как бы в оправдание, уточнил, что готовил в связи с этим соответствующую записку в ЦК партии.

Обстоятельства убийства уместились в небольшую записку в Президиум ЦК КПСС от 2 апреля 1953 г. Берия считал выигрышным для себя прекратить наиболее одиозные дела МГБ в последние годы жизни Сталина. К тому же по делу о ЕАК была арестована и осуждена к ссылке жена Молотова Полина Жемчужина, так что у Берии появился еще один шанс удружить Молотову реабилитацией его жены.

В ходе проверки «дела врачей», писал Берия в этой записке, выяснились подробности убийства Михоэlsa. Сталин, оказывается, считал Михоэlsa руководителем «антисоветской еврейской националистической организации»,

но МГБ не располагало конкретными данными о его «антисоветской» или «шпионской» деятельности, хотя много лет Михоэлс находился под агентурным наблюдением.

Берия сообщал, что по делу об этом убийстве был допрошен бывший министр госбезопасности Абакумов, арестованный еще в 1951 г., затребованы объяснения от Огольцова, Цанавы и других участников операции. Со слов Абакумова, Сталин еще в 1948 г. дал ему задание срочно организовать ликвидацию Михоэлса силами МГБ.

Когда стало известно, что Михоэлс находится в Минске, Сталин решил ликвидировать его под видом несчастного случая. В разговоре, как рассказал Абакумов, остановились на зам. министра ГБ С. Огольцове, министре ГБ Белоруссии Л. Цанаве и начальнике отдела 2-го Главного управления МГБ Ф. Шубнякове.

Как объяснял Огольцов, рассматривалось несколько вариантов ликвидации Михоэлса. От автомобильной катастрофы отказались, так как могли пострадать задействованные сотрудники МГБ. Решили инсценировать автомобильный наезд на глухой улице, хотя и в этом случае в целях глубокой конспирации приходилось жертвовать агентом ГБ Голубовым, сопровождавшим Михоэлса в Минске.

Подробности осуществления этой акции — в объяснениях, которые дал Цанава: *«Примерно в 10 часов вечера Михоэлса с Голубовым завезли во двор дачи (речь идет о даче Цанавы на окраине Минска). Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по Минску движение публики сокращается, трупы Михоэлса и Голубова были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одну из улиц города (речь идет об улице Белорусской напротив стадиона «Динамо»). Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию».*

Сталин распорядился наградить убийц орденами, и те получили боевые ордена. 30 апреля 1948 г. Абакумов направил Сталину список чекистов с просьбой о награждении: орденом Красного Знамени — генерал-лейтенанта Огольцова С. И. и генерал-лейтенанта Цанаву Л. Ф.; орденом Отечественной войны 1-й степени — старшего лейтенанта Круглова Б. А. и полковника Шубнякова Ф. Г.; орденом Красной Звезды — майора Косырева А. Х. и майора Повзуна Н. Ф.

Сталин принял решение не сразу, но подписал бумагу, и имена «героев» попали в два указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении — от 28 и 29 октября 1948 г.

Президиум ЦК КПСС рассмотрел записку Берии и постановил: Цанаву и Огольцова арестовать, а ордена у награжденных отобрать, что и было сделано. Однако после ареста Берии в июне 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял решение об освобождении Огольцова. Цанава же остался в тюрьме, но уже как участник «банды Берии». 5 августа он написал слезное письмо Ворошилову с просьбой об освобождении.

В письме Цанава отрицает свою причастность к убийству Михоэлса: *«К убийству этих людей я отношения не имею. Вся операция проводили Абакумов и Огольцов. Абакумов руководил из Москвы, Огольцов на месте, в*

Минске, с большой группой полковников и подполковников, приехавших из Москвы, МГБ СССР, провели всю операцию. Я же не виноват, что ввиду стечения обстоятельств операция была проведена в Минске, где я тогда был, к несчастью, министром госбезопасности». Реакции на письмо Цанавы не последовало, и он умер в тюрьме в 1955 г.

Цанава не мог не знать, что 5 января 1948 г. на заседании Комитета по Сталинским премиям было объявлено, что Михоэлс должен ехать в Минск. Как члену комитета ему было поручено ознакомиться с представленными на соискание этой премии спектаклями минских театров — «Константин Заслонов» в театре имени Янки Купалы и «Алеся» в Большом государственном театре оперы и балета БССР.

Любопытные детали об убийстве Михоэлса сообщает в своей книге ныне покойный Павел Судоплатов. Исполнителем он называл полковника Лебедева. Он писал также, что Михоэлсу и Голубову сначала сделали инъекцию яда, а затем уже их переехала машина. Аналогичным способом были совершены и другие убийства под руководством того же Судоплатова, например, инженера Самета в июне 1946 г. в Ульяновске. Его вывезли за город, сделали ему укол яда, переехали грузовиком и оставили лежать на шоссе. В этом деле участвовали полковник Лебедев и старший лейтенант Круглов — те же, кто позднее убивал Михоэлса.

Убийство Михоэлса стало сигналом для разгрома Еврейского антифашистского комитета. Его активисты не поверили официальной версии о несчастном случае с артистом. На его похоронах Полина Жемчужина, обращаясь к новому руководителю Еврейского театра Зускину, спросила: *«Вы думаете, что здесь было — несчастный случай или преступление?»* Услыхав же от него изложение официальной версии, заметила: *«Нет, это не так, тут все далеко не так гладко, как кажется».*

После этого разговора распространились слухи о насильственной смерти Михоэлса. Об этом доложили Сталину, и в январе 1949 г. Жемчужина была арестована. Антисемитская кампания набирала обороты. Основную ставку в деле против ЕАК Сталин сделал на 2-е Главное управление МГБ, которое тогда возглавлял генерал-майор Е.Питовранов. Следствие по делу Михоэлса не обошло стороной Питовранова. Сталин решил, что МГБ слабо борется с «еврейскими националистами», и в октябре 1951 г. были арестованы некоторые руководители госбезопасности, в том числе и Питовранов. 23 апреля 1952 г. он обратился из заключения с письмом к вождю.

В письме был ряд предложений о том, как перестроить работу МГБ, в частности, и по этому интересующему Сталина вопросу: *«Все, что делалось по борьбе против еврейских националистов, которые представляют сейчас не меньшую, если не большую опасность, чем немецкая колония в СССР перед войной с Германией, сводилась к sporadическим усилиям против одиночек и локальных групп. Для того, чтобы эту борьбу сделать успешной, следовало бы МГБ СССР смело применить тот метод, о котором вы упомянули, принимая нас, работников МГБ, летом 1951 г., а именно: создать в Москве, Ленинграде, Украине (особенно в Одессе, Львове, Черновцах), в Белоруссии, Узбекистане, Молдавии, Литве и Латвии националистические группы из чекистской агентуры, легендируя в ряде случаев связь этих групп с*

зарубежными сионистскими кругами. Если не допускать шаблона и не спешить с арестами, то через эти группы можно основательно выявить еврейских националистов и в нужный момент нанести по ним удар».

Питовранов попал в «десятку», показав, что только Сталин и может научить чекистов уму-разуму, к тому же он продемонстрировал свою верность партии и служебное рвение. В конце 1952 г. по распоряжению Сталина Питовранов был освобожден из тюрьмы, назначен на руководящий пост в МГБ и принят «самим». В отличие от коллег, Питовранов не пострадал и в хрущевскую «оттепель».

В хрущевское время было решено поставить крест на деле об убийстве Михоэlsa и никого из рядовых исполнителей не наказывать. Питовранов, в частности, дослужился в КГБ до генерал-лейтенанта.

Гитлер заочно приговорил С. Михоэlsa к смертной казни. Сталин привел этот приговор в исполнение. Акция по убийству главы ЕАК, народного артиста СССР Соломона Михоэlsa, готовившаяся долго и тайно, многим непосвященным показалась ошеломляюще неожиданной. Она-то и послужила сигналом к тому, чтобы представить всех евреев, проживающих на территории Советского Союза, новой «пятой колонной», «новоявленной агентурой мирового империализма».

Очень хотелось бы понять, почему до сих пор документы по делу об убийстве Михоэlsa сохраняют гриф государственной тайны. Может быть еще живы люди, которым можно предъявить счет и чью причастность или участие в этом убийстве без загрифованных документов нельзя доказать?

ЛИТЕРАТУРА

- Архипелаг найденных сокровищ/Сост. Н. Н. Непомнящий. М.,1997.
- Без грифа «секретно»/Авт.-сост. И. Н. Кузнецов. Мн.,1996.
- Белоусов Р. Знаменитые авантюристы. М.,1996.
- Белоусов Р. Кровавая карусель. М.,1996.
- Бландел Н. Величайшие в мире ошибки. М.,1997.
- Вопросительные знаки над могилами/Сост. Г. В. Смирнов. М.,1996.
- Горбовский А. А. Пророки и прозорливцы в своем отечестве. Л.,1990.
- Двадцатый век: хроника необъяснимого. М.,1997.
- Деко А. Великие тайны истории. М.,2000.
- Джанибемян В. Провокаторы. М.,2000.
- Дресвянин С. П. Секретная война. Ростов-на-Дону,1998.
- Жухрай В. М. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М.,1991.
- Заглянуть за завесу времени. Мн.,1996.
- Зенькович Н. А. Тайны уходящего века. М.,1998.
- Из секретных архивов мира. М.,1998.
- Кандыба В. М. Чудеса и тайны всех времен. СПб.,1997.
- Кнышевский П. Н. Добыча. Тайны германских репараций. М.,1994.
- Канувшие в бездну/Сост. Н. Н. Непомнящий. М.,1997.
- Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля. М.,2000.
- Зенькович Н.А. Тайны уходящего века-2. М.,1998.
- Идолы без маски или искушение властью. Мн.,1995.
- Ковалев В. А. Два сталинских наркома. М.,1995.
- Ковалев В. А. Распятие духа. М.,1997.
- Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. КГБ: Спецоперации советской разведки. М.,2000.
- Корольченко А. Ф. Выбитый генералитет. Ростов-на-Дону,2000.
- Кузнецов И. Н. Возвращение памяти. Мн.,1998.
- Кузнецов И. Н. Страницы минувшего. Мн.,1999.
- Кузнецов И. Н. Тайны истории. Мн.,1998.
- Лазарус Р. За границами возможного. Смоленск,1997.
- Мартыненко А. А. Невостребованные клады. СПб.,1998.
- Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М.,1995.
- Непомнящий Н. Н. Необъяснимые явления. М.,1997.

Непомнящий Н. Н. Энциклопедия загадочного и неведомого. М.,1998.

Непомнящий Н. Н., Низовский А.Ю. Тайны вкладов. М.,1999.

Неразгаданные тайны/Авт.-сост. И. Н. Кузнецов. Мн.,2000.

Операции военной разведки/Авт.-сост. В. В. Петров. Мн.,1997.

Раззаков Ф. И. Бандиты времен социализма. М.,1997.

Раззаков Ф. И. Век террора. М.,1997.

Соколов Б. В. Тайны Второй мировой. М.,2000.

Сокольский Ю. М. За кулисами истории. СПб.,1999.

Сокровища, омытые кровью/Сост. С. И. Демкин. М.,1997.

Таинственное и загадочное. Мн.,1994.

Тайны военной агентуры. М.,1999.

Тайны галантного века. М.,1997.

Тайны Кремлевского двора. Мн.,1993.

Тайны политических убийств/Сост. В. Т. Вольский. Ростов-на-Дону,1997.

Тайны тысячелетий. М.,1997.

Тайные операции российских спецслужб. М.,1999.

Телицын В. А. «СМЕРШ»: операции и исполнители. Смоленск,2000.

Уткин А. И. Россия над бездной(1918-декабрь 1941 г.). М.,2002.

Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. М.,1985.

Ханевич В. А. Белостокская трагедия. Томск,1996.